

ISSN 2414 9217

Ба истикболи 20-умин солгарди  
Рӯзи Ваҳдати миллӣ ва Соли ҷавонон бахшида мешавад

# ДАВЛАТШИНОСӢ ВА ҲУҚУҚИ ИНСОН

Маҷаллаи илмӣ-амалӣ

Посвящается 20-ой годовщине  
Дня Национального единства и Году молодежи

## ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Научно-практический журнал

№ 1 (05)  
2017

ДАВЛАТШИНОСӢ ВА ҲУҚУҚИ ИНСОН  
Маҷаллаи илмӣ-амалӣ

ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА  
Научно-практический журнал

1 (05) выпуск  
2017

Издание зарегистрировано в Министерстве культуры Республики Таджикистан  
за № 0249 / МЧ от 20 января 2016 года

Журнал выходит с 2016 года. Издается 4 раза в год

*Учредитель: Таджикский национальный университет*

Главный редактор: Азизов У.А., д. ю. н., профессор

Заместитель главного редактора: Диноршоев А.М., д. ю. н., профессор

Ответственный секретарь: Салохидинова С.М. к. ю. н.

Члены редколлегии:

|                    |                                                |
|--------------------|------------------------------------------------|
| Имомзода М.С.      | академик Академии наук РТ, д. ф. н., профессор |
| Махмудзода М.А.    | академик Академии наук РТ, д. ю. н., профессор |
| Тахиров Ф.Т.       | академик Академии наук РТ, д. ю. н., профессор |
| Авакьян С.А.       | д. ю. н., профессор                            |
| Ализода З.М.       | д. ю. н., профессор                            |
| Зоиров Дж.М.       | д. ю. н., профессор                            |
| Насриддинзода Э.С. | д. ю. н., профессор                            |
| Нуриддинов Р.      | д. п. н., профессор                            |
| Сативалдыев Р.Ш.   | д. ю. н., профессор                            |
| Золотухин А.       | д. ю. н., доцент                               |
| Сафарзода Б.А.     | д. ю. н., профессор                            |
| Рахмон Д.С.        | к. ю. н., доцент                               |
| Джамshedов Дж.Н.   | к. ю. н., доцент                               |
| Камолзода И.И.     | к. ю. н., доцент                               |
| Павленко Е.М.      | к. ю. н., доцент                               |

Научное редактирование и корректура:  
Сафарзода Н.Р., Саидов Х.М.

ISSN 2414 9217

СОДЕРЖАНИЕ**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

|                    |                                                                                                   |    |
|--------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Насриддинзода Э.С. | СОҲТОРИ ФАРҲАНГИ ҲУҚУҚӢ                                                                           | 5  |
| Сативалдыев Р.Ш.   | РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В<br>ТАДЖИКИСТАНЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД                      | 18 |
| Ибрагимов Д.К.     | САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ<br>ФУНКЦИИ КАК ОСНОВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ<br>ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА | 26 |

**СТРАНИЦЫ ПРАВОВОЙ ИСТОРИИ**

|                               |                                                                               |    |
|-------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------|----|
| Азизов У.А.                   | ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ ПО МУСУЛЬМАНСКОМУ<br>ПРАВУ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ТАДЖИКИ-<br>СТАНЕ | 32 |
| Диноршоев А.М.<br>Соибов З.М. | ИНКИШОФИ СИЁСАТИ ҲУҚУҚИИ МАЪМУРИИ<br>ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН                      | 40 |

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА**

|                  |                                                                                                                                               |    |
|------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Камолов Ш.Х.     | ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ                                                                                                         | 44 |
| Искандаров Ш.Ф.  | ИНСТИТУТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ПОНЯТИЕ И<br>ВИДЫ                                                                                                | 52 |
| Саиданваров К.Д. | ТАҲЛИЛИ МУҚОИСАВӢ - ҲУҚУҚИИ ПРИН-<br>СИПҲОИ АСОСИИ МУАЙЯНКУНИИ МАҚОМИ<br>ГУРЕЗА ТИБҚИ САНАДҲОИ ҲУҚУҚИ БАЙНАЛ-<br>МИЛАЛӢ ВА ҚОНУНГУЗОРИИ МИЛЛӢ | 58 |
| Кодиров Н.А.     | ЭЪЛОМИЯИ УМУМИИ ҲУҚУҚИ БАШАР ДАР<br>НИЗОМИ САРЧАШАМАҲОИ ҲУҚУҚИ БАЙНАЛ-<br>МИЛАЛИИ ХУСУСӢ                                                      | 63 |

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ.  
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО**

|                   |                                                                                                |    |
|-------------------|------------------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Имомов А.И.       | МАҚМОТИ ҲАМОҲАНГСОЗАНДАИ ПАЛА-<br>ТАҲОИ МАҶЛИСИ ОЛӢ ВА НАҚШИ ОНҲО ДАР<br>ТАШКИЛИ КОРИ ПАРЛУМОН | 67 |
| Саидзода И.Х.     | ПОНЯТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В<br>РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН                                  | 76 |
| Салохидинова С.М. | КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА<br>НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:<br>ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ | 81 |

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА**

|              |                                  |    |
|--------------|----------------------------------|----|
| Рачабов С.А. | ПРИНСИПҲОИ ҲУҚУҚИИ ТАЪМИНИ ИСТИ- | 86 |
|--------------|----------------------------------|----|

|                                              |                                                                                                                                                                        |            |
|----------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------|
|                                              | <b>ФОДАБАРИИ МАНБАЪҲОИ ОБИ НҶШОКӢ ДАР<br/>ТОҶИКИСТОН</b>                                                                                                               |            |
| <b>Раджабов М.Н.</b>                         | <b>К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СОСТАВЕ МЕЖДУ-<br/>НАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ</b>                                                                                                  | <b>93</b>  |
| <b>Азизкулова Г.С.,<br/>Зайниддинов С.Ф.</b> | <b>TO THE QUESTION ON LEGAL INFORMING OF<br/>CITIZENS ON THE EXAMPLE OF THE INSTITUTION<br/>OF RELEASING FROM CRIMINAL LIABILITY IN<br/>CONNECTION WITH REPENTANCE</b> | <b>100</b> |
| <b>Марифхонов Р.Н.</b>                       | <b>ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ КОНЦЕПЦИИ АДМИНИ-<br/>СТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА И АДМИНИСТРА-<br/>ТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЫ</b>                                                                  | <b>104</b> |
| <b>Юнусзода Б.А.</b>                         | <b>ИФРОТГАРОИИ ДИНӢ ВА МУҚОВИМАТИ<br/>МАҲКУРАВӢ БО ОН</b>                                                                                                              | <b>109</b> |
|                                              | <b>Трибуна молодых ученых</b>                                                                                                                                          |            |
| <b>Ганиев Дж.Ш.</b>                          | <b>К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЕ</b>                                                                                                                             | <b>116</b> |
| <b>Абдулхайрзода Ҷ.</b>                      | <b>ТАНЗИМИ ҲУҚУҚҲОИ КҶДАК ДАР ҚОНУНГУ-<br/>ЗОРИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН</b>                                                                                               | <b>120</b> |
| <b>Абдуллоев А.Р.</b>                        | <b>ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ РЕЛИГИОЗНО-<br/>ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА</b>                                                                                                       | <b>127</b> |
| <b>Саидов С.Ш.</b>                           | <b>ОИД БА МАСЪАЛАИ ЭЪТИРОФ НАМУДАНИ<br/>АЪЗОИ ОИЛАИ МОЛИК ВА МАСКУННАМОИИ<br/>СОБИҚ АЪЗОИ ОИЛА ТИБҚИ ҚОНУНГУЗОРИИ<br/>МАНЗИЛИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН</b>                  | <b>135</b> |
| <b>Тоҳирова Н.А.</b>                         | <b>ТАСНИФИ АРЗИШҲОИ ҲУҚУҚӢ</b>                                                                                                                                         | <b>142</b> |
|                                              | <b>ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ СОИСКАТЕЛЕЙ, АС-<br/>ПИРАНТОВ И ДОКТОРАНТОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ГОС-<br/>УДАРСТВОВЕДЕНИЕ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»</b>            | <b>147</b> |

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА****СОХТОРИ ФАРҲАНГИ ҲУҚУҚӢ****СТРУКТУРА ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ****Насриддинзода Э.С.,**

профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Таджикского национального университета, доктор юридических наук.

E-mail: [kafedra.120001tj@mail.ru](mailto:kafedra.120001tj@mail.ru).**Научная специальность:** 12.00.01 — теория и история права и государства, история учений о праве и государстве

*Аннотация.* Как показывает анализ понятия правовой культуры, оно является сложным, структурированным правовым явлением. Правовая культура характеризует качественное состояние правовой жизни общества на основе ее культурно-правовых достижений. Правовая культура оценивается развитостью элементов правовой жизни общества — правосознанием, правомерным поведением, качеством закона, юридической техники и деятельности, соблюдением прав и свобод человека. Указанные элементы влияют на уровень структурирования правовой политики, поэтому исследование правовой культуры в рамках структурированного подхода имеет принципиальное значение для раскрытия ее понятия.

*Ключевые слова:* правовая культура, структура, правосознание, общество, государство

**THE STRUCTURE OF THE LEGAL CULTURE****Nasriddinzoda E.S.,**

Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty, Tajik National University, Doctor of Legal Sciences

E-mail: [kafedra.120001tj@mail.ru](mailto:kafedra.120001tj@mail.ru).**Scientific specialty:** 12.00.01 — Theory and history of the law and state, History of the doctrines of the law and state

*Annotation.* An analysis of the concept of legal culture shows that it is a complex and structured legal phenomenon. Legal culture characterizes the qualitative state of the legal life of society on the basis of its cultural and legal achievements. The legal culture is characterized by the development of elements of the legal life of society - legal awareness, lawful behavior, the quality of law, legal techniques and activities, observance of human rights and freedoms. These elements have an effect on the level of structuring of legal policy. Therefore, the study of legal culture within the framework of a structured approach has a fundamental importance for the disclosure of its concept.

*Keywords:* legal culture, structure, legal consciousness, society, state

Тахлили мафхуми фарҳанги ҳуқуқӣ  
нишон медиҳад, ки он падидаи ҳуқуқии  
бисёр мураккаби сохторӣ мебошад.

Фарҳанги ҳуқуқӣ ҳолати сифатии ҳаёти  
ҳуқуқии ҷомеа ро бар асоси қомеъҳои  
фарҳангӣ-ҳуқуқии он тавсифу бозтоб

менамояд. Фарҳанги ҳуқуқӣ бо дарназардошти дараҷаи рушду инкишофи унсурҳои ҳуқуқии зиндагии ҷомеа, мисли шуури ҳуқуқӣ, ахлоқи ҷавобгӯ ба талаботи ҳуқуқӣ, сифати қонун, ғаёлияти техникӣ ва ҳуқуқӣ, риояи ҳуқуқу озодии инсон арзёбӣ мегардад.

Дар адабиёти ҳуқуқӣ дар бораи сохтори фарҳанги ҳуқуқӣ назари ягона нест. Ин аз он шаҳодат медиҳад, ки фарҳанги ҳуқуқӣ падидаи пурзамина, густарда ва бисёрсатҳӣ аст. Гуногунии тадқиқҳо дар фаҳмиши фарҳанги ҳуқуқӣ мутаносибан сабабгори гуногунандешӣ дар таърифи сохтори дохилии он мегардад. Масалан, ба ақидаи В.В. Смирнов фарҳанги ҳуқуқӣ аз таркибҳои зерин иборат аст: муносиботи мавҷуд ба ҳуқуқ, ба муассисот ва ниҳодҳои ҳуқуқӣ ва ашхоси риштаи ҳуқуқ; арзёбии қорбурд ва ғаёлияти онҳо; арзишҳои ҳуқуқӣ; меъёрҳо ва намунаҳои ахлоқи ҳуқуқӣ [32.С.126].

Тибқи дидгоҳи дигар таркиби фарҳанги ҳуқуқӣ иборат аст аз: ҳуқуқ, шуури ҳуқуқӣ, муносиботи ҳуқуқӣ, қонуният ва тартиботи ҳуқуқӣ, ғаёлияти ҳуқуқии омилҳо, ҳамчунин мафҳумҳо ва категорияи ҳуқуқӣ, арзёбиҳо ва сохтори мантикии фарҳанги ҳуқуқӣ [2.С.155].

С.В. Бочкарева чунин мешуморад, ки зимни омӯзиши «сохтори фарҳанги ҳуқуқӣ лозим аст ба сохтори ҳаёти ҳуқуқии ҷомеа таъя намуд, зеро таҳлили фарҳанг аз нигоҳи сохторӣ ҳамчун таҳлили сохтори иҷтимоии ҷомеа дар маҷмӯъ ё соҳаҳои алоҳидаи он бо дарназардошти ҳолати сифатии чунин сохторе талаққӣ (пазируфта) мешаванд. Аз ин бар меояд, ки сохтори фарҳанги ҳуқуқӣ иборат аст аз сохтори соҳаи ҳуқуқии зиндагии иҷтимоӣ» [6.С.35; 17.С.64].

Фарҳанги ҳуқуқӣ сатҳи инкишофи ҳаёти ҳуқуқӣ ва ҳолати сифатии онро инъикос менамояд. Дар зимни он аз нигоҳи сохторӣ аз сохтори ҳаёти ҳуқуқӣ фарқ мекунад. Набояд ҳама чизро бидуни истисно ба сохтори фарҳанги ҳуқуқӣ дохил намуд. Зеро ҳаёти ҳуқуқӣ дар радифи қомеъҳои мусбат ва ҷараёнҳои падидаҳои манфиро низ фарогир аст. Агар

сохтори фарҳанги ҳуқуқӣ сохтори мушобеҳи ҳаёти ҳуқуқиро инъикос намояд, он гоҳ миёни падидаҳои маъмур фарқ гузоштан ниҳоят мушқил мешавад. Ҳангоми рост омадани сохтори фарҳанги ҳуқуқӣ ва ҳаёти ҳуқуқӣ фарқ миёни ин ду қомилан аз байн бардошта мешавад. Муҳаққиқ А. В. Малко бар ин назар аст, ки мафҳуми «фарҳанги ҳуқуқӣ» дар қиёс бо «ҳаёти ҳуқуқӣ» мафҳуми танг аст. Аз ин рӯ, фарҳанги ҳуқуқӣ ҳастии мусбатро дар қиёс бо ҳаёти ҳуқуқӣ ва падидаҳову ҷараёнҳои мусбату манфии он инъикос менамояд [17.С.64].

Чунин назари мушобеҳеро В.П. Салников баён медорад. Ба гуфтаи ӯ фарҳанги ҳуқуқии ҷомеа, ки «сатҳи муайяни шуури ҳуқуқӣ, қонуният, тақмили қонунгузориҳо ва амалияи ҳуқуқӣ ва арзишҳои онро, ки тавассути инсонҳо дар риштаи ҳуқуқ таълиф шудаанд, инъикос менамояд. Ин моҳиятан маҷмӯи тамоми аҷзои мусбати ғаёлияти ҳуқуқӣ дар қорбурди воқеии он мебошад, ки таҷассумгари қомеъҳои андешаҳои ҳуқуқӣ, амалияи ҳуқуқӣ ва техникаи ҳуқуқӣ махсуб мегардад» [29.С.500].

Мутаносибан унсурҳои фарҳанги ҳуқуқиро «воқеиятҳои мусбати ҳуқуқӣ» таъкил медиҳанд, ки «ба ҳуди ҳуқуқ, шуури ҳуқуқӣ, муносибатҳои ҳуқуқӣ, қонуният ва тартиботи ҳуқуқӣ, қонунҷодкунӣ ва дигар ғаёлияти ҳуқуқӣ ба ғаёлияти ҳуқуқии мусбат дар қорбурду тараққии қисмҳои таркибӣ нуфуз менамояд» [29.С.500].

Фарҳанги ҳуқуқӣ вобаста ба муҳтавои сохтори дарунии худ аз фарҳанги зиндагӣ фарқ мекунад. Вай дар қиёс бо ҳаёти ҳуқуқӣ ҳамчун маълумоти қомили ҳуқуқӣ бо тамоми падидаҳои мусбату манфӣ, ҳамчун шакли таъкили матлуби ҳаёти ҳуқуқӣ бо тамоми қомеъҳои он дар риштаи ҳуқуқ фарқ менамояд. Аз ин сабаб, баррасии сохтори фарҳанги ҳуқуқӣ бояд бо дарназардошти қомеъҳои мусбат (арзишҳои ҳуқуқӣ, таърибаи мусбати техника ва амалияи ҳуқуқӣ, сатҳи олии шуури ҳуқуқӣ) сурат бигирад. Чунин шевае дар адабиёти илмӣ фаровон истифода мешавад.

Масалан, А.В. Мелехин таъкид мекунад, ки дар қиёс аз шуури ҳуқуқӣ ва шуури касбӣ фарҳанги ҳуқуқӣ ва фарҳанги касбии ҳуқуқӣ танҳо фарогири аҷзои судманду арзишманди иҷтимоии ғайриқонунии ҳуқуқӣ мебошад, ки аз ҷониби инсоният дар рафти инкишоф андӯхта шуда ва дар ниҳоят пешрафти иҷтимоиву тамаддунро сабабгор мегардад [19.С.310].

Ғоҳ фарҳанги ҳуқуқиро бо шуури ҳуқуқӣ баробар медонанд. Ба ин асос дар сохтори фарҳанги ҳуқуқӣ унсурҳои маънавӣ ва аз ҷумла, шуури ҳуқуқӣ афзалият пайдо мекунад. Масалан, чунин иддао мекунад, ки фарҳанги ҳуқуқӣ «аз байн меравад», агар ба он андешаву эҳсоси неруманду пешқадами шуури ҳуқуқӣ шомил нагардад [3.С.51].

Баъзе аз муаллифон чунин мепиндоранд, ки маҳз ҷузъи маънавӣ ҳамчун бахши низомофарини фарҳанги ҳуқуқӣ нақши муҳимро бозӣ мекунад. Масалан, О.Н. Братусева таъкид мекунад, ки «фарҳанги маънавии ҳар як ҷомеа ниҳоят ғаниву бой аст. Ба таври дигар ҳам наметавонад бошад, зеро воқеияти ҳуқуқии зиндагии иҷтимоӣ ниҳоят печида, пурзамина ва ғоҳ мутазад аст. Шуури ҳуқуқӣ соҳаи муайяни маънавии шароитҳои воқеӣ, психологӣ, мантиқӣ, иродавӣ, эҳсосӣ, ҳиссӣ ва дигар лаҳзаҳоро дар бар мегирад. Умқи ботини сохтори онро руқни ҳуқуқӣ ташкил медиҳад» [7.С.24].

Бар ин асос хотирнишон мешавад, ки «маҳз дар ҷузъи маънавии фарҳанги ҳуқуқӣ бояд бахши низомофарини онро ҷустуҷӯ намуд». Дар бораи менталитети (хувияти) ҳуқуқӣ ҳамчун пояи таркибии фарҳанги ҳуқуқӣ бисёре аз муҳаққиқон изҳори ақида намудаанд [5].

Аз дидгоҳи О.Н. Братусева ҳарчанд аз нигоҳи сохторӣ фарҳанги ҳуқуқӣ ҳамчун ҷузъи маънавиву моддӣ пешниҳод шудааст, вале «зимнан, ҷузъи асосӣ, пояи онро маънавият ташкил менамояд, ки дар асл муайянкунандаи ҳолати сифатии ҳуқуқҳои мавҷуд, ғайриқонунии ҳуқуқҷодкунӣ ва ҳуқуқамалисозӣ, қонуният ва тартиботи ҳуқуқӣ мебошад. Фарҳанги ҳуқуқии моддиро лозим аст,

ҳамчун бозтоби маънавии фарҳанги ҳуқуқӣ баррасӣ намуд» [7.С.25].

Баробарсозии фарҳанги ҳуқуқӣ ба системаи арзишҳои маънавӣ (андешаҳои ҳуқуқӣ, ақидаҳо, назарҳо, эҳсосот ва ғ.) боиси камранг шудани ҷузъҳои мазмунӣ он мегардад. Дар чунин ҳолат мафҳуми «фарҳанги ҳуқуқӣ» бо мафҳуми «шуури ҳуқуқӣ» баробар мешаванд. Дар айни ҳол нисбат додани фарҳанги ҳуқуқӣ ба низоми фарҳанги маънавии ҷомеа дар адабиёти фарҳангшиносӣ низ ба назар мерасад. Масалан, А.Н. Маркова фарҳанги ҳуқуқиро дар радифи фарҳанги бадеӣ, ахлоқӣ ва дигар навъҳои фарҳанг гузошта, онро ба таркиби фарҳанги маънавӣ дохил менамояд [20.С.10]. Ба гуфтаи С.В. Бочкарева, фарҳанг «омили субъективии ҷараёни таърихӣ ва қомилан падидаи маънавӣ аст. Фарҳанги ҳуқуқӣ ҳам дар шаклҳои айни ва ҳам дар намудҳои зехнӣ мавҷуд аст. Ифодагари ин шаклҳои мавҷудияти фарҳанги ҳуқуқӣ омили амалкунанда аст» [6.С.31].

Чунин фарқгузори миёни фарҳанги ҷомеа ва фарҳанги ҳуқуқӣ дар таҳқиқи масъалаи мазкур равшанӣ намеандозад. Фарҳанги ҷомеа ҳамчун шеваи ташкил ва инкишофи ғайриқонунии инсонӣ дар маҳсули моддӣ ва маънавии истехсолот ба маърази намоиш гузошта шудааст. Маҳзи хотири ин ҳамчун фарҳанги ҷомеа дар маҷмӯи фарҳанги ҳуқуқӣ чун ҷузъи ҷудонашавандаи он фарогири арзишҳои моддӣ ва маънавӣ аст. Чунин сохтори дохилии муҳтавои фарҳанг, аз ҷумла фарҳанги ҳуқуқӣ, ба сохтори муҳтавои фарҳанги ҳуқуқӣ асар мегузорад. Тибқи дидгоҳи дигар фарҳанги ҳуқуқӣ баёнгари самти дохилӣ, маънавии низоми ҳуқуқии ҷомеа буда, ба шуури ҳуқуқӣ, муносиботи ҳуқуқӣ, қонуният ва тартиботи ҳуқуқӣ, ҳуқуқҷодкунӣ ва дигар ғайриқонунии ҳуқуқӣ нуфуз мекунад [28.С.2].

Назари мушобеҳи дигаре мавҷуд аст, ки тибқи он фарҳанги ҳуқуқӣ унсурҳои фарҳанги маънавӣ буда, бо дигар соҳаҳои он таъсири мутақобила дорад. Аз ҷумла, дар соҳаи фарҳанги эстетикӣ, динӣ, сиёсӣ ва ахлоқӣ [36.С.54-55].



Қобили зикр аст, ки дидгоҳи собитшуда дар бораи он ки «фарҳанги ҳуқуқӣ ҳамчун бахши фарҳанги умумӣ фарогири самти эҷодӣ (идеалӣ) ва ғаёлиятӣ (моддӣ) мебошад, баёнгари ваҳдати диалектикии идеалӣ ва материалӣ маҳсуб мешавад. Набояд фарҳанги ҳуқуқиро танҳо ба арзишҳои моддӣ нисбат дод. Зеро ин фарҳанг ба худ арзишҳо ва боигарии низоми идеалӣ ва материалӣ ба худ ҷалб месозад» [9.С.54-55].

Зиндагии маънавиро ҳамчун инъикоси зиндагии моддии ҷомеаи мавриди назар арзёбӣ мекунам, ҳарчанд он мустақилияти нисбӣ дорад ва қобилияти пешӣ гирифтани аз ҳастӣ, ҳимояи он ва эҷодкорона таъсир намунидан бар онро доро мебошад. Ба гуфтаи О. М. Петрушевский–Тихомиров андешаи идеалӣ «ҳамчун воқеияти субъективӣ, айнӣ дар шакли «идея» дар забон, дар осори хаттӣ ва шифохӣ, дар аксҳо, дар меъморӣ ва дар фарҳанги зоҳирӣ таҷассум ва ифода мегардад» [26.С.103].

Таҳқиқи фарҳанги ҳуқуқӣ ҳамчун низоми арзишҳои идеалӣ ва моддӣ ва қомебиҳо дар адабиёт истифодаи фаровон дорад. Масалан, ба навиштаи М. И. Абдуллоев, «фарҳанги ҳуқуқӣ ин бахши таркибии фарҳанги умумии мардум ва шахсияти ҷудогона мебошад. Дар зимн бояд дар назар дошт, ки зери мафҳуми фарҳанг на танҳо қомебиҳои маънавӣ, балки арзишҳои моддӣ, ки аз ҷониби инсоният дар ҷараёни ғаёлияти эҷодӣ бунёд шудаанд, маҳмида мешавад. Аз ин рӯ, фарҳанги ҳуқуқӣ дарбаргирандаи тамоми қомебиҳои назарӣ ва амалии ҳуқуқӣ мебошад. Ҳама ҷиҳати мусбат, ки аз ҷониби инсоният дар бахши ҳуқуқ андӯхта шуда, дар маҷмӯъ фарҳанги ҳуқуқиро ташкил менамояд» [1.С.85].

Чунин нуқтаи назари дигаре мавҷуд аст, ки «фарҳанги ҳуқуқӣ, пеш аз ҳама, шеваи ташкили ҳаёти ҳуқуқии ҷомеа мебошад. Маҳзи хоҳири ин категорияи мазмунӣ он ин соҳаро дар шуури афрод ва ҷомеа дар сатҳи идеалӣ ва материалӣ тавлид менамояд» [23.С.93].

В. И. Каминская ва А.Р. Ратинов зери мафҳуми фарҳанги ҳуқуқӣ низоми айнӣ ва унсурҳои идеалиро мефаҳманд,

ки ба соҳаи ғаёлияти ҳуқуқ ва инъикоси онҳо дар шуури ахлоқи инсонҳо таҷассум ёфтааст [13.С.43].

Чунин шеваи ҳамчунин дар амалии байналмилалӣ мавриди истифода қарор дорад. Масалан, дар эълумии конференсияи умумиҷаҳонӣ дар риштаи фарҳанг, ки соли 1982 дар Мехика қабул шуда буд, фарҳанг ба сифати «маҷмӯи ҳосиятҳои равшан ифодашудаи маънавӣ, моддӣ, интеллектуалӣ ва эҳсосӣ муайян шудааст, ки зимнан тавсифгари ҷомеа ва гурӯҳҳои иҷтимоӣ мебошад» [14.С.77].

Бисёр вақт тақсимбандии фарҳанги ҳуқуқӣ бар асоси унсурҳои сохтори падидаи мавриди назар сурат мегирад. Дар аксар таърифҳои мафҳуми «фарҳанги ҳуқуқӣ» метавон мавзегирӣ ва мавқеияти муаллифони онҳоро дар бораи ҷузвҳои мазмунӣ фарҳанги ҳуқуқӣ ошкор сохт.

Бисёр вақт тақсимбандии фарҳанги ҳуқуқӣ бар асоси унсурҳои сохтори падидаи маъмур сурат мегирад. Дар бисёре аз таърифҳои мафҳуми «фарҳанги ҳуқуқӣ» муайян сохтани мавқеи муаллифони он дар бораи ҷузвҳои мазмунӣ фарҳанги ҳуқуқӣ душвор нест. Масалан, зери мафҳуми фарҳанги ҳуқуқӣ, мавозини ҳуқуқӣ, матни санадҳои меъёрӣ-ҳуқуқӣ, истилоҳоти ҳуқуқӣ, тадқиқоти илмӣ-назарӣ, қорҳои илм дар соҳаи ҳуқуқшиносӣ ва идеяҳои ҳуқуқие маҳмида мешаванд, ки дар ҷараёни ғаёлияти ҳаётии инсонӣ ба вучуд омада ва ба механизми танзими маводи моддӣ ва ғайра алоқаманданд [4].

А. В. Поляков иртиботу пайванди мафҳуми фарҳанги ҳуқуқиро бо муҳити ҳуқуқии зиндагии мардум шарҳ баён месозад, муҳите, ки фарогири арзишҳои ҳуқуқӣ (маънавӣ ва моддӣ), шеваҳо ва навиҳои дарки ин арзишҳо, ҳамчунин дарбаргирандаи ғаёлиятҳо дар амри ба вучуд овардани истифодаву амалисозии онҳо мебошад» [27.С.311].

Маҳмиши фарҳанги ҳуқуқӣ ҳамчун системаи арзишҳои моддӣ ва ҳуқуқӣ ба тақсимбандии умумии фарҳангшиносии мафҳуми фарҳанг мутобиқат дорад. Масалан, дар фарҳангшиносӣ мафҳуми «фарҳанг» ҳамчун низоми таҷдидшудаи



семиотикии артефактҳо (идеалӣ ва шайъӣ), ки аз ҷониби инсонҳо барои рафъи низоъ бо табиат сохта шудаанд, таъриф мешаванд [11.С.9].

Вижагии фарҳанг ҳамчун шакли ҷомеи артефактҳо дар нақши миёнҷигаронаи ҷаҳони айнии табиат (ки вобастаи инсон нест) ва ҷаҳони офаридаи зеҳни инсон зоҳир мешавад, ки дар натиҷаи он ҷаҳони сеюми айнишуда, шомилгашта ба табиати ҳаракатҳои инсонӣ ва табиати инсоншуда ба вуҷуд меояд» [11.С.9].

Ҳамин тариқ, фарҳанги ҳуқуқӣ ин низоми моддӣ ва маънавии арзишҳои ҳуқуқӣ махсуб мешавад. Чунин бархӯрде бо фарҳанги ҳуқуқӣ дар ҷаҳорҷӯби таҳқиқи фалсафиву фарҳангшиносии фарҳанги ҷомеа амри собитшуда ва ошност. Дар фалсафа мафҳуми «фарҳанг» ҳамчун низоми комёбиҳои фарҳангие, ки дар ҷараёни истеҳсолоти моддӣ ва маънавӣ сохта шудаанд, тавсиф мегардад. Дар фарҳангшиносӣ миёни фарҳанги моддиву маънавӣ фарқ мегузорад. Фарҳанги моддӣ фарогири фарҳанги меҳнат, истеҳсолоти моддӣ, маишӣ, фарҳанги маҳалли зист, (топос) тарбияти ҷисмонӣ мебошад. Фарҳанги маънавӣ фарогири фарҳанги маърифатӣ-зеҳнӣ, ахлоқӣ, бадеӣ, тарбиятӣ (педагогӣ), динӣ ва дигар анвои фарҳангҳо мебошад [20.С.10].

Мутобиқ ба ин фарҳанги моддӣ иборат аст аз олоту абзори меҳнат, силоху абзор, либос, сохтмон, асбобу анҷоми рӯзгор, воситаҳои техникаи алоқа ва ғайра. Вале фарҳанги маънавӣ ин ҷараёну натиҷаи истеҳсолоти маънавӣ (мазҳаб, фалсафа, ахлоқ, санъат, илм ва ғ.) махсуб мешавад [12.С.53].

Дар фарҳангшиносӣ тақсимбандии арзишҳои фарҳангӣ қобили истифода аст. Масалан, арзишҳое, ки сохтори фарҳангро вобаста ба соҳаҳои зиндагӣ ташкил медиҳанд, чунин тақсимбандӣ гаштаанд:

-арзишҳои ҳаётӣ: зиндагӣ, тандурустӣ, амният, сифати зиндагӣ, сатҳи истеъмор, амнияти экологӣ;

-арзишҳои иқтисодӣ: вучуди шароити баробар барои молистеҳсолкунандагон ба шароити мусоид барои ин-

кишофи истеҳсоли молу хидматрасониҳо, ташаббускорӣ;

-арзишҳои иҷтимоӣ: вазъи иҷтимоӣ, меҳнатдӯстӣ, хонавода, баробарии ҷинсҳо, истиклолияти шахсӣ, қобилияти дастрасӣ ба комёбиҳо, таҳаммулпазирӣ;

-арзишҳои сиёсӣ: ватандӯстӣ, фаъолияти шахрвандӣ, ҳаққоният, озодии шахрвандӣ, созгории шахрвандӣ;

-арзишҳои ахлоқӣ: некӣ, меҳру муҳаббат, дӯстӣ, вазифа, шараф, хайрхоҳӣ, вафо, ростқавлӣ, муҳаббат ба кӯдакон, адолат, инсоният, ёрии ҳамдигарӣ, эҳтиром ба калонсолон;

-арзишҳои мазҳабӣ: Худо, имону эътиқод, неққалбӣ, осори кудсӣ;

-арзишҳои эстетикӣ: зебӣ, зебоии ботинӣ, сабк ва ғайра [12.С.56].

Таснифи арзишҳои ҳуқуқӣ дар адабиёти ҳуқуқӣ зиёд сурат мегирад. Масалан, ба ақидаи О.В. Мартишин «ҳуқуқ ва давлат дорои қонунмандии хоси хеш, усулҳои муҳимтарини худ мебошанд, ки метавон онҳоро арзишҳои номид (ҳуқуқ ва давлат худ ба худ арзиш ҳисоб мешаванд). Мисоли қонуният, ҳуқуқи инсон, асли бегуноҳӣ ва ғ. Вале инҳо арзишҳои дувумдараҷа, ки аз арзишҳои асосии умумӣ берун омадаанд, мебошанд. Масалан, адолат (арзиши асосӣ), ҳамчунин «озодӣ, баробарӣ, манфиати умумӣ, манфиати синфӣ, манфиати миллӣ, манфиати шахсӣ арзишҳои шинохта мешаванд, зеро онҳо мазмуну сиришти адолатӣ доранд» [21.С.87-88].

О.В. Мартишин дар асари дигари хеш рӯйхати арзишҳоро ба шарҳи зер пешниҳод мекунад: ҳимояи низоми абадӣ ва бохирадона, ки аз ҷониби неруҳои болоӣ барқарор шудаанд; адолат, саломативу беҳзистӣ, амният, баробарӣ, озодӣ, рифоҳи умумӣ, рифоҳи фардӣ, манфиати миллӣ, манфиати синфӣ, демократия, ҳамдилӣ, муфид будан, пешрафт ва ғ.» [22.С.7]. Дар радифи арзишҳои мазкури тағйирёбанда арзишҳои ҷовидонӣ низ мавҷуданд, мисли адолат, некукорӣ, беҳзистии умумӣ, тартибот ва амният. Махсусан, тартиботу амният «барои фаъолияти амал ва фаҳмиши давлату ҳуқуқ ниҳоят муҳиманд» [22.С.7]. Дар катори ар-

зишҳои умумӣ боз арзишҳои изофӣ ё хусусӣ мавҷуданд, ки бар асоси онҳо ҳар як муносибат, муассиса, қоида, усул, ки барангезандаи эҳтиром мебошад, метавонад ҳамчун арзиш қабул карда шавад. Давлат ва ҳуқуқ ба арзишҳои умумии ҳуқуқӣ дохил мешаванд, зеро шаклҳои зарурии ташкили зиндагии ҷамъиятӣ, воситаҳои таъмини арзишҳои умумӣ, монанди адолат, баробарӣ, озодӣ, кафили зулму беқонунӣ махсус мешаванд. Арзишҳои хусуситар арзишҳои махсуси ҳуқуқӣ, ҷанбаҳо ва заминаҳои дигари давлат ва ҳуқуқро (меъёрҳои ҳуқуқ, принципҳои ҳуқуқ ва ғ.) фарогиранд.

Фарҳанги ҳуқуқӣ дар баробари арзишҳои ҳуқуқии маънавӣ, ҳамчунин дарбаргирандаи арзишҳои моддӣ мебошад, ки дар ҷараёни фаъолияти ҳуқуқии субъектҳои гуногун ва дар рафти фаъолияти инсонҳо дар иртибот бо ҳуқуқ дар соҳаи ҳуқуқии фаъолияти ҳаётии ҷомеа бунёд шудаанд. Ёдгориҳои ҳуқуқӣ, образҳои ҳуқуқӣ (рамзи Худои адолат), асноди ҳуқуқӣ, ки аҳамияти иҷтимоӣ-сиёсӣ доранд (Эълумияи истиклолияти ИМА, Эълумияи умумии ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрванди Франция), осори файласуфон ва мутаффакирони риштаи ҳуқуқ сиёсат, назарияҳо ва андешаҳои ҳуқуқӣ-сиёсӣ дар бораи давлати ҳуқуқбунёд, ҳуқуқи инсон, ҷомеаи шаҳрвандӣ ва ғайра, ҳамчунин дигар асноди моддӣ ҳуқуқӣ мазмун ва мундариҷаи фарҳанги ҳуқуқиро муайян месозанд.

Ба ақидаи А. П. Семитко «тибқи иттилооте, ки аз ёдгориҳои ҳуқуқӣ ва дигар асноди ҳуқуқии то замони морида бармеояд, таърихшиносон фазои ҳаёти ҳуқуқии ҷомеа, вижагҳои ин ё он тарзи зиндагии иқтисодии ин ё он ҷомеа, муносибатҳои ҷамъиятиашро барқарор ва муайян месозанд. Дар ҳуҷҷатҳои ҳуқуқӣ шакли моликият ба воситаҳои истехсолот миёни синфҳо, гурӯҳҳои иҷтимоии ҳокимияти сиёсӣ ва иқтисодӣ, сохтори дастгоҳи давлатӣ, ҳолати ҳуқуқии шахсият дар ҷомеа, сатҳи ҳимояти ҳуқуқ ва озодиҳои инсон инъикос ва ҳуқуқан расмӣ пайдо мекунанд» [31.С.216].

Дар адабиёти таҳқиқӣ зикр шуда, ки фарҳанги ҳуқуқӣ ҳам арзишҳои моддӣ ва ҳам маънавиро ба худ мегирад. А. Б. Венгеров дар муносибат ба ин масъала чунин менависад: «Агар шури ҳуқуқӣ танҳо зиндагии маънавии ҷомеа ро фарогир бошад ва бахше аз шури ҷамъиятиро ташкил диҳад, пас фарҳанги ҳуқуқӣ фарогири ҳам ҷанбаҳои маънавӣ ва ҳам моддӣ ниҳодҳои ҳуқуқӣ аст: муассисоти ҳуқуқӣ, ташкилоти онҳо, муносибатҳо; нақши ҳуқуқ дар ҷомеа, низомӣ судӣ, нотариалӣ, арбитражӣ, ҳамчунин сабку фарҳанги қори онҳо, муносибатҳои бо шаҳрвандон, ҳимояи манфиатҳои қонунӣ онҳо, шинохт ва риояи манфиатҳои қонунӣ дар ҷомеа; ҳамчунин таносуби фарҳанги ҳуқуқӣ бо дигар низомҳои фарҳанги умумӣ, мисли сиёсӣ, илмӣ, бадеӣ ва зимнан, шаклҳои баррасии бахшҳо дар суд, баррасии қори мақомоти қонунгузорӣ ва ғайра» [8.С.571-572].

Ин собит месозад, ки дар бораи сатҳи фарҳанги ҳуқуқӣ на танҳо вобаста ба сатҳи шури ҳуқуқӣ, балки аз рӯи сифати асноду ҳуҷҷатҳо ва ёдгориҳои моддӣ фарҳангӣ-ҳуқуқӣ метавон изҳори ақида кард. Мавзӯҳои моддӣ сатҳи воқеии фаҳмиши ҳуқуқии ҷомеа дар давраҳои мухталифи инкишофи таърихӣ, таҷрибаи таърихӣ ва имрӯзии андешаҳои айнии ҳуқуқӣ, ақидаҳо ва назарияҳоро нишон медиҳанд. Онҳо ҳамчунин гувоҳи сатҳи инкишофи техникаи ҳуқуқӣ дар ҷамъиятҳои гуногун мебошанд. Фарҳанги ҷомеа дарбаргирандаи қомебиҳои моддӣ ва маънавӣ мебошад, ки аз ҳам ҷудонашаванда, балки марбути якдигаранд. Қомебиҳои моддӣ ва маънавии фарҳангӣ дар маҷмӯъ тарзи ташкили фаъолияти ҳаётии ҷомеа ро муайян месозанд.

Дар ҷараёни бунёди ин арзишҳои инсонҳо тадриҷан аз табиат ҷудо шуданд. Аз ин рӯ, фарҳанг аз табиат бо он фарқ мекунад, ки қомебиҳои фарҳангӣ аз қониби инсонҳо бо мақсади ташкили бохирадонаи зиндагии онҳо, рафъи эҳтиёҷоти моддӣ ва маънавӣ, манфиати умумии онҳо фароҳам оварда мешавад.

Аз ин рӯ, дар ҷараёни фаъолияти фарҳангӣ ва маҳз ҳангоми сохтани ар-

зишҳои моддӣ ва маънавӣ ҷамъияти инсонӣ аз табиат фосила гирифт ва шакли ташкили бохирадонаи зиндагиро касб намуд.

Комебиҳои моддӣ ва маънавӣ дар соҳаи ҳаёти ҳуқуқии ҷомеа низ фароҳам омадаву то ба ҳол дар раванди таъсиси институтҳои давлатӣ, муассисаҳои ҳуқуқӣ, фаъолиятҳои ҳуқуқӣ (ҳуқуқҷодкунӣ, судӣ, таҳқиқу тафтишотӣ, нотариалӣ ва ғайра) фароҳам оварда мешаванд.

Дар даврони гузариш ба тамаддун тавассути инсонҳо шаклҳои нави фаъолияти инсонӣ эҷод ва мавриди озмоиш қарор гирифтанд. Ҳамаи ин бозёфтҳо сабабгори инкишофи баъдии ҷомеа гаштанд. Чунин шаклҳои муносиби ташкили зиндагии инсонҳо дар шароити нави таърихи давлат ва ҳуқуқ буд. Ин ду ниҳод аз ибтидо барои таъмини тартиботи ҳуқуқӣ, муташаккилият, устувории зиндагии ҷомеа нигаронида шуда буданд. Аввалин унсурҳои давлатӣ дар минтақаҳои, ки дорои заминҳои обӣ буданд ва дар доираи зироаткорӣ ба вучуд омаданд.

Маҳзи хотири ин давлат ва ҳуқуқ аз фарҳанги умумиинсонӣ, аз ҳамон муҳити фарҳангие, ки дар он зиндагии ҷомеаҳои заминдорӣ, бар асари инкилоби неолитӣ сурат гирифта буд, ҷудонопазир аст. Комебиҳои моддӣ ва маънавӣ дар соҳаи давлатӣ ва ҳуқуқӣ аз комебиҳои умумифарҳангӣ ҷудо нестанд. Он гуна ки В.С. Нерсисянс хотирнишон месозад, дар раванди умумифарҳангӣ бунёди комебиҳои моддӣ ва маънавию, ки аз ҷониби инсонҳо сохта шудаанд, «ба соҳаи фарҳанги ҳуқуқӣ тааллуқ дорад ва комебиҳо дар инкишофи ҳуқуқи давлат дар комилсозии ташкили ҳуқуқии зиндагии мардуми озод хидмат мекунад» [24.С.273].

Ҳуқуқ ва шаклҳои он «меъёрҳои ҳуқуқӣ, идеяҳо, арзишҳо дар фаъолияти амалии мақомоти давлатӣ, дар раванди ҳуқуқбунёдкунӣ, ҳифзи ҳуқуқ, фаъолияти ҳифзи ҳуқуқ, ҳамчунин дар рафти фаъолияти ҳуқуқии шахрвандон ахлоқ ва фаъолияти ҳуқуқии онҳо амалӣ мегардад. Фарҳанги ҳуқуқӣ ҳам дар соҳаи шуури ҳуқуқӣ (идеяҳо, дидгоҳҳо, ан-

дешаҳо, арзишҳо) ва ҳам тавассути ташкил ва фаъолияти институтҳои давлатӣ ба зухур мерасад. Шуури ҳуқуқӣ ва сифати фаъолияти ҳуқуқӣ сатҳи инкишофи ҷомеаро муайян мекунад. Ҳуқуқ ҳам мисли давлат бахши ҷудонашавандаи фарҳанги умумибашарист. Онҳо дар тӯли ҳазорсолаҳо дар ҷаҳорҷӯи муҳити фарҳангӣ, тамаддунӣ, дар иртибот бо дигар комебиҳои фарҳангӣ (хат, матнҳо, забон, рамзҳо ва ғ.) ташаккул ёфтанд. Дар як қатор тақсимбандиҳои фарҳанг, давлат ва ҳуқуқ дар радифи дигар комебиҳои моддиву маънавӣ, ҳамчун унсурҳои фарҳанги ҷомеа баррасӣ мегардад. Масалан, дар «Фарҳанги нави энциклопедӣ» қайд шуда, ки «фарҳанг (дар қиёс бо мафҳуми табиат) ҷаҳони инсонро тавсиф намуда, фарогири арзишҳо ва меъёрҳо, эътиқоду анъанаҳо, донишу малака, расму русум ва барқарории (бо шумори институтҳои иҷтимоӣ, мисли ҳуқуқ ва давлат), забон ва санъат, техника ва технология ва ғ. мебошад» [25.С.594].

Таҳқиқоти сохтори дохилии фарҳанги ҳуқуқӣ бояд дар ҷаҳорҷӯи таҳқиқи фарҳангшиносӣ ба кӯшишҳои сохторшиносии фарҳанг ба таври умум таъҷавар бошад. Масалан, дар фарҳангшиносӣ се соҳаи фарҳангро – маънавӣ, иҷтимоӣ ва маиширо ҷудо мекунанд. Фарҳанги ҳаёти фарогири фарҳанги меҳнат, гурӯҳҳои иҷтимоии худ, хонавода, истироҳат ва муошират мебошад. Қисмҳои таркибии он иборатанд аз: хонавода, меҳнат, ҳӯрокворӣ, муошират, дӯстӣ ва ғайра. Фарҳанги иҷтимоӣ дарбаргирандаи ҳукумат, масҷид, ҳуқуқ, ахлоқ, моликият, сиёсат ва кишоварзӣ мебошад. Фарҳанги маънавӣ, фалсафа, илм, мазҳаб ва санъатро фаро мегирад.

Бояд хотирнишон намуд, ки фарҳанги иҷтимоӣ шомили чор навъи асосии фаъолиятҳои иҷтимоист: 1. Барпо кардани ҷомеа. 2. Барпо кардани низоми кишоварзӣ. 3. Барпо кардани давлат. 4. Барпо кардани оинҳои мазҳабӣ.

Дар ин миён барпо намудани давлат аз ҳама мақсади пинҳонии фарҳанг тавсиф мешавад ва худ давлат ва пешрафти он ҳамчун калиди тамоми

чараёнҳои тамаддуни арзёбӣ мегардад. Дар навъҳои гуногуни фарҳанг илм (фарҳанги замони нав), фаъолияти хочагидорӣ (фарҳанги замони навтарин ва фарҳангҳои ибтидоӣ), калисо (асрҳои миёна), давлат (асрҳои XVIII-XIX, XX) ҳузури комил доранд. Дар чаҳорчӯби фарҳанги иҷтимоӣ шеваҳои фарҳангӣ дар натиҷаи иртибототи иҷтимоӣ нисбат ба рӯҳи табиати фарҳанг фаъолияти пурсамар доранд [11.С.23-27].

Фарҳанг иборат аст аз «шеваи хоси ташкил ва инкишофи фаъолияти ҳаётии инсон» [35.С.292].

Давлат ва ҳуқуқ низ шаклҳои ташкил ва инкишофи фаъолияти ҳаётии ҷомеа мебошанд. Давлат вазифаи зарурии идораи ҷомеаро амалӣ намуда, устуворӣ, муташаккилӣ ва низомро дар ҷомеа таъмин менамояд. Муҳимтарин муносибати ҷамъиятӣ бо кумаки ҳуқуқ, тартибу низом ва тақозои он иҷро мешавад. Аз ин рӯ, давлат ва ҳуқуқ комёбии фарҳангии инсоният маҳсуб мешаванд. В.С. Нерсисянс бо дарназардошти иртиботи давлату ҳуқуқ бо фарҳанги умумибашарӣ чунин менависад: «Аз нуқтаи назари фарҳангшиносӣ давлат ва ҳуқуқ ин зухуроти муайяни фарҳанг, шаклҳои фарҳангӣ дар радифи бисёр намудҳои дигар, мисли заминсозӣ, шаҳрсозӣ, адабиёт, театр, дин ва ғайра мебошад. Аз ин рӯ, муаллиф бар ин назар аст, ки фарҳанги ҳуқуқӣ фарогири фарҳанги давлатӣ (сиёсӣ, оммавӣ) буда, моҳиятан фарҳанги давлатӣ-ҳуқуқӣ мебошад, зеро худ давлат шакли ҳуқуқии ташкили ҳокимияти оммавӣ-ҳалқиро тақозо мекунад» [24.С.273].

Ба андозаи пешрафти давлат, ба зухур расидани ҷунбишҳои башардӯстона ва ба даст овардани сифатҳои зарурии ташкили ҳуқуқии ҷомеа, аҳамияти давлат ҳамчун унсури фарҳанг боло меравад.

Ба ақидаи А. Н. Соколов, давлати ҳуқуқбунёд ҳамчун назария ва амалияи фалсафӣ-ҳуқуқии ташкили ҳокимияти сиёсӣ яке аз қомеъҳои муҳими тамаддуни башарӣ маҳсуб мешавад. Зеро инстиутҳои пурсамари ҳифзи ҳуқуқи инсон воситаи мубориза ба бюрократия,

махалбозӣ, идорӣ, шаклҳои амалишавии ҳокимияти халқ мегардад [33.С.455].

А.М. Контарёв ба вижагиҳои давлат даҳлат намуда, чунин андеша мекунад, ки идеяи давлат маҳсули эҷодиёти фарҳангӣ-таърихӣ мардум, шуури он ва худвижагии вай маҳсуб мешавад [15.С.262].

Дар бораи сатҳи инкишофи ҳуқуқии ҷомеа ҳам сифати андешаҳои ҳуқуқӣ, консепсияҳо, арзишҳо, назарияҳо ва ҳамчунин сатҳи амалисозии онҳо гувоҳ аст. Фарҳанг «шеваи маҳсули ташкилу инкишофи фаъолияти ҳаётии инсонӣ мебошад». Давлат ва ҳуқуқ низ шаклҳои ташкилу инкишофи фаъолияти ҳаётии ҷомеа ҳастанд. Давлат вазифаҳои зарурии ҳаётии ҷомеаро иҷро менамояд, амнияти оромиши ҷомеаро таъмин карда, тартибу низомии ҷамъиятро фароҳам меоварад. Муҳимтарин муносибатҳои ҷамъиятӣ бо ёрии қонун, дастуру амрҳои он, мамнӯбиятҳову доираи иҷозоти он сурат мегирад. Аз ин сабаб, давлат ва қонун ба қатори қомеъҳои фарҳангии инсонӣ дохил мешавад.

Бо дарназардошти пайванди алоқии зичи ҳуқуқу давлат бо фарҳанги умумибашарӣ В.С. Нерсисянс чунин менависад: «Аз нуқтаи назари фарҳангшиносӣ ҳуқуқ ва давлат ин падидаи муайяни фарҳангӣ, шаклҳои фарҳангӣ якҷо бо шаклҳои дигари фарҳангӣ-заминдорӣ, шаҳрсозӣ, адабиёт, театр, динӣ ва ғайра мебошад». Муҳаққиқи ёдшуда бар асоси ин таъкид меварзад, ки фарҳанги ҳуқуқӣ «фарогири фарҳанги давлатӣ (сиёсӣ-оммавӣ) мебошад, ки аз рӯи моҳияту сиришти худ фарҳанги давлатӣ-ҳуқуқӣ маҳсуб мешавад, зеро давлат худ шакли ҳуқуқии ташкили ҳокимияти оммавӣ мебошад» [24.С.273].

Ба андозаи инкишофи давлат зухури ҷанбаҳои инсондӯстонаи он, касби сифатҳои зарурии ташкили ҳуқуқии ҷомеа, аҳамияти давлат ҳамчун унсури фарҳангӣ бештар эҳсос мегардад.

Ба ақидаи А. Н. Соколов, давлати ҳуқуқбунёд ҳамчун назария ва амалияи фалсафӣ-ҳуқуқии ташкили ҳокимияти амалии сиёсӣ, яке аз қомеъҳои муҳими тамаддуни башарӣ маҳсуб мешавад, зеро дар асл инстиутҳои пурсамари



химояи ҳуқуқи инсон, воситаи мубориза бо бюрократия, маҳаллигарой, шакли амалигардонии ҳокимияти халқ мебошад [33].

А. А. Контарев зимни баррасии худвижагии давлат ин ақидаро асоснок менамояд, ки идеяи давлат маҳсули эҷодиёти фарҳангӣ-таърихӣ мардум, ҳудогӯӣ ва худвижагии он мебошад. [15].

Дар бораи сатҳи инкишофи фарҳангии ҷомеа ҳам сифати андешаҳои ҳуқуқӣ, дидгоҳҳо, назарияҳо ва ҳам дараҷаи амалисозии онҳо гувоҳӣ медиҳанд. Сатҳи шуури ҳуқуқӣ, дараҷаи шинохту дарки аҳамият ва арзиши ҳуқуқи арзишҳои ҳуқуқӣ аз ҷониби инсонҳо дар зиндагии ҷомеа зимни ғайриқонунии ҳуқуқии онҳо, амалияи ҳуқуқӣ, ҳалли даъвоҳои ҳуқуқӣ, қонеъсозии манфиатҳои қонунӣ зоҳир мегардад.

Бар асоси қонунҷодкунӣ, ғайриқонунӣ судӣ, нотариалӣ ва ҳуқуқӣ ҳолати воқеа дар соҳаи амалисозӣ ва химояи ҳуқуқи озодии инсон, қонеъсозии манфиатҳои қонунӣ шаҳрвандон метавон роҷеъ ба сатҳи омодагии шаҳрвандон, иттиҳодияҳои онҳо, институтҳои ҳокимияти давлатӣ ва амалисозии дастовардҳои ҳуқуқӣ натиҷа гирифт. Аз ин сабаб, метавон ба дидгоҳҳои В.С. Нерсисянс розӣ шуд. Ба ақидаи номбурда унсурҳои асосии фарҳанги ҳуқуқӣ иборатанд аз «дидгоҳҳои ҳуқуқӣ, (давлатӣ-ҳуқуқӣ), меъёрҳо, муассисот ва дигар муносиботи ахлоқӣ» [24.С.274].

Фарҳанги ҳуқуқӣ ҳамчунин бо меъёрҳои ҳаётан муҳими ташкилкунандаи ғайриқонунии ҳаётии ҷомеа, ки ба сифати намуна, маҳаки ахлоқи мардум ва созишҳои онҳо хидмат мекунад, ҳамроҳ аст.

Дар фарҳангшиносӣ ҷузъҳои ҷудонашавандаи манзари фарҳангии ҷаҳон бо тасаввуроти ақидаҳои ҳиссӣ, архетипҳо, тарзу шеваҳои дарки ҷаҳон, мавозину меъёрҳои фарҳангӣ маҳсуб мегарданд, ки дар зимн «намунаҳои муайян, қоидаҳои ахлоқ, ғайриқонунӣ, шинохт» -ро фарогир буда, дар давраҳои мухталифи таърихӣ дар шаклҳои гуногун ҷилвагар мешаванд: меъёрҳои фарҳангӣ, ки дар мафкура, таълимоти

этикӣ, консепсияҳои динӣ, мавозини (меъёрҳои) ахлоқӣ, меъёрҳои хонаводагӣ ва ғайра бозтоб гардидаанд [12.С.54-55].

Меъёрӣ будани фарҳанги ҳуқуқиро набояд бо меъёрҳои ҳуқуқ дар ҷаҳорҷӯби фаҳмиши мусбати ҳуқуқ баробар донист. Меъёрҳои ҳуқуқ, бидуни шак, дар ташаккули фарҳангсозии фарҳанги ҳуқуқӣ, аз ҷумла интиқоли иттилооти ҳуқуқӣ ба муҳотиботи ширкаткунандагонии муносиботи ҳуқуқӣ нақши калидӣ мебозанд.

Онҳо ғайриқонунии муассисоту ниҳодҳои сиёсӣ-ҳуқуқиро ба танзим мебароранд. Арзишҳои ҳуқуқии айнӣ (шайъӣ) мавзӯи танзими ҳуқуқӣ ба шумор мераванд.

Меъёрҳои ҳуқуқӣ дар навбати худ як навъ арзиш ҳисобида мешавад, зеро меъёру мелоки (эталон) ахлоқи инсониро вобаста ба манфиати давлат, ҷомеа ва мардум муайян месозанд, дар зиндагии ҷомеа созиш, тартибу низом, устувориву тасбит эҷод менамоянд.

Зимнан, аҳамияту арзишмандии онҳо он меъёрҳои ҳуқуқиро доро мебошанд, ки ба арзишҳои ҷомеи умумибашарӣ, мисли адолат, озодӣ, баробарӣ мутобиқат доранд ва ҷавобгӯи ҳадафҳои неки меъёрҷодкунӣ мебошанд. Тавре ки О.В. Мартишин менависад: «Муносиб аст, ки ба қатори арзишҳо на ҳар меъёри ҳуқуқӣ, балки он меъёрҳое дохил карда шаванд, ки ташкилкунандаи усулҳои барнома аз меъёрҳо ва институтҳои мавриди назар бошанд. Гузашта аз ин, барои соҳаи гузаштаи муносиботи муҳим буда, меъёри арзишҳои дигар падидаҳои ҳуқуқӣ гарданд» [22.С.14].

Меъёрӣ будани фарҳанги ҳуқуқӣ дар он зоҳир мегардад, ки тавассути меъёру қонунҳои ахлоқ, мелоку меъёрҳои табақабандӣ, арзишӣ ва дигар ангезаву усулҳои ҳуқуқӣ ғайриқонунии ҳаётии ҷомеаро меъёр, тартибу низом мебахшад, ҳадду марзи оқилонаи субъектҳои фарҳанги ҳуқуқӣ, асосҳои меъёрии танзими мавзӯоти онро таъйин менамояд, дар зиндагии инсонҳо ва муносибатҳои онҳо бо маводи ҳуқуқӣ тартиб, низом, устуворӣ эҷод менамояд.

Фарҳанги ҳуқуқӣ ба ҷуз меъёрҳои пешини иҷтимоӣ суннатҳои ҳуқуқиро дар бар мегирад, ки дар тӯли садсолаҳо нақши меъёрҳои ҳуқуқэҷодкуниро мебозиданд. «Дар ҷаҳорҷӯби анъаноти ҳуқуқии қадим ва муосир метавон гуфт, ки меъёри ҳуқуқӣ ва ҳамзамон шуури ҳуқуқӣ дар шакли ибтидоии он, яъне ҷузвӣ зехнӣ ва психологӣ ҳоким буд» [18.С.18].

Анъана дар шуури мардум ифодагари ҷунин мафҳумҳое, мисли «ҳақиқат», «хулқ», «гумрук» мебошад [10.С.109-110]. Мутафаккирони тоҷику форс, мисли (Низомулмулк, Ҷомӣ, Аҳмади Дониш ва ғ.) расму русуми қадимро дар соҳаи идораи давлат, маҳсусан анъанаҳои, ки дар даврони ҳукмронии шохони одил (Фаридун, Хусрав, Анӯшервон) маъмул буда, боиси амнияти созгории мардум мегаштанд, посухгӯи нияту ҳадафҳои хайр буданд ва ҷузвӣ ҷудонашавандаи фарҳанги қадими тоҷикро ташкил медоданд, арҷгузори менамуданд» [30].

Дигар сарчашмаҳои ҳуқуқ (таълифоти ҳуқуқшиносони маъруф, матнҳои динӣ, китобҳои муқаддас, шартномаҳо ва ғ.) низ дар давраҳои мухталифи инкишофи таърихӣ ҷузвӣ фарҳанги ҳуқуқиро ташкил медоданд. Он сарчашмаҳо имрӯз низ арзишманд буда, фаъолияти ҳаётии ҷомеаро танзим менамоянд. Ба як суҳан, тамоми шаклҳои ҳуқуқ (ҳуқуқҳои табиӣ, асноди меъёрии ҳуқуқӣ, аҳкоми ҳуқуқӣ, усулҳои ҳуқуқ, шартномаҳои меъёрӣ, матнҳои динӣ, даъвоҳои судӣ ва ғ.) шомили муҳтавои фарҳанги ҳуқуқӣ мебошанд. Онҳо комёбии фарҳанги ҳуқуқӣ буда, барои ташкил ва фаъолияти муътадили ҷомеа арзишманданд ва дури аз зулму беҳуқуқиро қафолат медиҳанд.

Навъҳои гуногуни фарҳанг, аз ҷумла фарҳанги ҳуқуқӣ, дар шароити табодули фарҳангӣ шакл гирифтаву рушд меёбанд. Қобилияти фарҳанги ҳуқуқӣ дар иртибот бо пайвандҳои мутақобили фарҳангӣ ба унсурҳои алоҳидаи сохтори он, мисли ҳуқуқ, муассисоти давлатӣ, маориф низ дахл дорад. Ин ба таври умда вобаста ба он аст, ки дар ҳар як фарҳанг унсурҳои пур-

тахарруке (динамикӣ) мавҷуданд, ки дар ҷараёни ҳамкориҳои муштарак бо дигар тамаддунҳо зимни иқтибос намудани меъёрҳои судманд бунёдҳои фарҳангии зиндагии иҷтимоиро ҳифз менамоянд [34.С.76].

Ба ақидаи Е. А. Лукашева, ба ин унсурҳо дохил мешавад «ҳуқуқ, (маҳсусан, дар соҳаи пайвандҳои байниидории давлатҳои мухталиф), баъзе институтҳои сиёсӣ, информатикӣ, комёбиҳои илм, осори арзишманди адабӣ. Ин ҷузвҳои фарҳангиро метавон фаро гирифт, иқтибос намуд, бидуни он ки бо асосҳои тамаддун ҳалале ворид гардад. Баръакс, ин падида боиси тозагӣ ва таҷдиди он мегардад» [16.С.244].

Унсурҳои фарҳанги ҳуқуқӣ дар ҷаҳорҷӯби иртибототи байнифарҳангӣ имкони таҷдиди мутақобилро доранд.

Ҷунин сифате ҳам барои фарҳанги ҳуқуқӣ ва ҳам барои ҷузвҳои алоҳидаи он (ҳуқуқ, ёдгориҳои ҳуқуқӣ, меъёрҳои ҳуқуқӣ, абзорҳои ҳуқуқӣ, муассисоти ҳуқуқӣ, амалияи ҳуқуқӣ) аз замонҳои пеш шакл гирифта, дар ҷаҳони имрӯз низ ба зухур расида истодаанд.

Маҳз дар ҷаҳорҷӯби гуфтугӯи фарҳангӣ, пайванди тамаддунҳо арзишҳои умумибашарӣ (адолат, озодӣ, баробарӣ, тартиб, татбиқ, рифоҳ, ҳуқуқи инсон, шарафи инсонӣ, амнияти шахсӣ ва ғ.) шакл гирифта, ҳамзамон ба соҳаҳои мухталифи фаъолияти ҳаётии ҷомеа, аз ҷумла ба соҳаи ҳуқуқии зиндагӣ нуфуз намудаанд. Ин омилҳо ҳамҷунин тавассути меъёрҳои неки ахлоқӣ ба тамоми институтҳои ҳокимияти давлатӣ нуфуз намудаву таъсиргузор гаштаанд.

Вазифаи табодули мутақобилаи фарҳангӣ ҳоси тамоми фарҳангҳост. Масалан, фарҳанги тоҷикон дар давраҳои мухталифи инкишофи таърихӣ зери таъсири дастовардҳои фарҳангии дигар халқҳо, дар шароити зухуру ворид гаштани арзишҳои исломӣ ба муҳити фарҳанги маҳаллӣ (орӣёӣ) пас аз ҳамроҳшавии қаламрави таърихӣ тоҷикон ба хилофати Араб, баъдан мутаассир аз арзишҳои фарҳанги ҳуқуқии рус дар даврони ҳамроҳшавӣ бо Россия ва пасон



фарҳанги ҳукукии шӯравӣ дар замони шӯравӣ таъсиру рушди чашмгир намуд.

Ҳамради фарҳанги русӣ ва шӯравӣ ба фарҳанги тоҷикон арзишҳои аврупоӣ, аз ҷумла анъанаҳои ҳукукии римӣ, романӣ-олмонӣ, русӣ ва таҷрибаи ташкилу фаъолияти институтҳо ва муассисаҳои сиёсии шӯравӣ шомил гардиданд.

Зимни таҳқиқи сохтори мундариҷаи фарҳанги ҳуқуқӣ зарур аст, сатҳи инкишофи падидаи мавриди назари иҷтимоӣ ҳуқуқӣ дар назар гирифта шавад. Сатҳи инкишофи шури ҳуқуқӣ, сифати қонунҳо, асноди истифодаи ҳуқуқӣ ва дигар ҳуҷҷатҳои ҳуқуқӣ, ҳамчунин дараҷаи пешрафти фаъолияти ҳуқуқӣ дараҷаи риоя ва ҳимояи ҳуқуқи инсон, дар маҷмӯъ ҳолат ва инкишофи фарҳанги ҳуқуқиро муайян месозад. Чунин таҳқиқи сохтори муҳтавои фарҳанги ҳуқуқӣ дар адабиёт истифода мешавад. Масалан, ба гуфтаи А. П. Семитко, унсурҳои фарҳанги ҳуқуқӣ иборатанд аз: сатҳи инкишофи фарҳанги ҳуқуқӣ (фарогирии ҳуқуқ ва озодиҳои инсон, арзишҳо, тартиби ҳуқуқӣ зимни ҳалли даъвоҳо, маълумоти ҳукукии мардум, муносибати ҳисси мардум ба қонун, суд, мақомоти ҳифзи ҳуқуқ, дастурҳои ҳукукии шаҳрвандон); сатҳи инкишофи фаъолияти ҳуқуқӣ (назария ва амалияи фаъолияти олимону ҳуқуқшиносон, фаъолияти омӯзишӣ, ҳуқуқэҷодкунӣ ва фаъолияти истифодаи ҳуқуқ, ахлоқи ҳукукии шаҳрвандон); сатҳи инкишофи тамоми низоми асноди ҳуқуқӣ (сифати низомҳои меъёрӣ – ҳукукии ҳуҷҷатҳо, ҳолати ҳуҷҷатҳои фардии ҳуқуқ – санадҳои татбиқи ҳуқуқ ва асноди ҳуқуқҳои амалишаванда, дигар матнҳои ҳуқуқӣ, матнҳои илмӣ - публисистӣ дар мавзӯҳои ҳуқуқӣ) [31. С.214-216].

Фарҳанги ҳуқуқӣ фарогири унсурҳои мебошад, ки сатҳи назарӣ ва амалии онро тавсиф менамоянд. Фарҳанги ҳуқуқӣ дар сатҳи шури ҳуқуқӣ (идеяҳои ҳуқуқӣ, ақидаҳо, арзишҳо) ва моддигардонии он дар фаъолияти амалии субъектҳои муҳталиф (мардум, муассисот ва институтҳои ҳуқуқӣ), ки дар амалӣ сохтани ҷузвҳои

шури ҳуқуқӣ ҳамроҳанд, ба зухур мерасанд.

Таҳлили сохтори фарҳанги ҳуқуқӣ барои он хизмат мекунад, ки раванди интиқоли андешаҳои ҳуқуқӣ ва ақидаҳо аз шури ба фаъолияти амалӣ равшан намуда, ҳолати сифатии ба даст омадаи ҳаёти ҳуқукии ҷомеа ро нишон диҳад ва бад-ин васила масъалаҳои мавҷуд дар соҳаи амалисозии шури ҳуқуқиро ошкор ва роҳҳои рафъи ҳалли онҳо муайян созад. Аз ин рӯ, баррасии сохтори фарҳанги ҳуқуқӣ аҳамияти назарӣ ва амалии иҷтимоӣ дорад. Дар ҷараёни таҳқиқи фаъолияти ҳуқуқэҷодкунӣ ва мақомоти ҳуқуқӣ ҳамчунин дар раванди амалияи судӣ ва ҳифзи ҳуқуқ, сифати қонун, самаранокии амалҳои истифодаи қонун, дараҷаи амалисозӣ, мувоот ва ҳифзи ҳуқуқ озодии инсон чораҳо ва шеваҳои рафъи мушкилоти мавҷуд бо мақсади баланд бардоштани сатҳи фарҳанги ҳуқуқӣ, аз ҷумла фарҳанги ҳуқуқэҷодкунӣ ва ҳуқуқи инсон ошкор мегарданд.

Тавре ки А. П. Семитко таъкид меварзад: «Таҳлили фарҳанги ҳуқуқӣ барои он зарур аст, ки аз ҳамон оғоз арзишҳои ҳуқуқӣ, идеалҳо ва намунаҳое, ки мавриди назари қонунгуздорон, истифодабарони ҳуқуқ, шаҳрвандону ҷомеа аст, дар маҷмӯъ ҷудо ва тавсиф гарданд ва баъдан зимни арзёбии ҳолати воқеии қорҳо, роҳҳо ва воситаҳои дастрасӣ ба идеалҳои мавриди назар, сохтмони давлат ва ҷомеаи ҳуқуқбунёд, ки дар он ҳуқуқ ва озодиҳои муносиби инсон ва муносиби сохти иҷтимоӣ вуқтисодӣ ва маънавии он ҷустуҷӯ ва роҳандозӣ гардад» [31.С.216].

Чунин бархӯрдҳо роҷеъ ба муҳтавои сохтори фарҳанги ҳуқуқӣ муҳаққиқ С.С. Бочкарева низ ҷонибдорӣ менамояд. Ба ақидаи ӯ, дар бораи фарҳанги ҳукукии ҳар як ҷомеа метавон бар асоси сатҳи инкишофи тамоми низоми матнҳои ҳукукии ҷомеаи мазкур, техникаи ҳукукии асноди ҳуқуқӣ, фаъолияти ҳуқуқӣ, ҳамчунин ду зерсистемаи фарҳанги ҳуқуқӣ: сатҳи шури ҳуқуқӣ ва инкишофи ҳукукии субъект қазоват намуд [6.С.32-41].

Зимнан, ҳамон гуна, ки А. П. Семитко зикр менамояд, чузвҳои сохтори фарҳанги ҳуқуқӣ дар навбати худ таркиб ва сохтори хусусии худро мебошанд [31.С.50].

Чунин бархӯрд қобили таваҷҷуҳ аст. Зимни таҳлили сохтори фарҳанги ҳуқуқӣ зарур аст ҳамчунин сохтори унсурҳое чун сохтори ҳуқуқ, шуури ҳуқуқӣ ва ғ. дар мадди назар бошанд. Сохтори унсурҳои фарҳанги ҳуқуқӣ ба сатҳи сохтори фарҳанги ҳуқуқӣ таъсиргузор аст. Зимни таҳқиқи сохтори фарҳанги ҳуқуқӣ ҳамчунин зарур аст, сохтори сатҳҳо ва навъҳои фарҳанги ҳуқуқӣ, аз ҷумла фарҳанги ҳуқуқии шахсият, гурӯҳҳои иҷтимоӣ, аз ҷумла фарҳанги ҳуқуқии касбӣ ва гузашта аз ин фарҳанги ҳуқуқии ҷомеа дар назар гирифта шавад.

Ба ақидаи С.В. Бочкарева, сохтори фарҳанги ҳуқуқии ҷомеа «аз унсурҳои зерин иборат аст: сатҳи шуури ҳуқуқӣ ва ғайроияти ҳуқуқии ҷомеа; дараҷаи пешрафти меъёрҳои ҳуқуқӣ (сатҳи инкишофи ҳуқуқ, фарҳанги матнҳои ҳуқуқӣ ва ғайра); дараҷаи пешрафти ғайроияти ҳуқуқӣ (фарҳанги ҳуқуқҷодкунӣ, истифодаи ҳуқуқ ва ғайроияти ҳифзи ҳуқуқӣ)» [6.С.44].

Таҳлили сохтори фарҳанги касбии ҳуқуқшиносон барои тавсифи фарҳанги ҳуқуқӣ аҳамияти усулӣ дорад, зеро он бо ҳадафҳо ва хусусиятҳои маълумоти ҳуқуқӣ, сатҳи касбии шуури ҳуқуқӣ, қобилияти малакаҳои амалии ҳуқуқшиносон дар истифодаи донишҳои ҳуқуқӣ дар зиндагии воқеӣ фарқ мекунад.

#### Адабиёт:

1. Абдуллаев М.И. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений. М., 2004.
2. Актуальные проблемы теории права. / Под ред. К.Б. Толкачева и А.Г. Хабибуллина. Уфа, 1995.
3. Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России Дисс. ... д. ю. н. Саратов, 2006.
4. Бибиб О.Н. Культурологический подход к исследованию права и государства. // Журнал российского права. 2009. № 5.
5. Бородин М.И. Ментальная компонента правовой культуры (социально-философский аспект): Дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2004.
6. Бочкарева С.В. Правовая культура и правовая политика (на примере законодательства республики Мордовия): Дисс. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2004.
7. Братусева О.Н. Правовые культуры в условиях глобализации: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
8. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для вузов. 9-е изд. М.: Омега-Л, 2013.
9. Вихров А.А. Правовая культура, правовая идеология и международное право. // Мир гуманитарной культуры академика Д.С. Лихачева. Международные Лихачевские научные чтения. 24–25 мая 2001 г. СПб., 2001.
10. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор и история русского права. М., 1995.
11. Доброхотов А.Л., Калинин А.Т. Культурология: учебное пособие. М.: ИД «Форум»; ИНФРА, 2013.
12. Драч Г.В., Штомель О.М., Штомель Л.А., Коропеев В.К. Культурология: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2013.
13. Каминская В.И., Ратинов А.Р. Правосознание как элемент правовой культуры. // Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974.
14. Культуры диалог народов мира. // ЮНЕСКО. 1984. № 3.
15. Контаев А.А. Идеи российской государственности. Ростов-на-Дону, 2000.

16. Лукашева Е.А. Право человека: конфликт культур. // Наш трудный путь к праву: материалы философско-правовых чтений памяти академиков В.С. Нерсисянца. / Сост. В. Г. Графский. М.: Норма, 2006.
17. Малько А.В. Правовая политика: Монография. М.: Юрлитинформ, 2012.
18. Мальцев Г.В. Очерк теории обычного права. // Обычное право в России: вопросы теории, истории и практики. Ростов-на-Дону, 1999.
19. Мелехин А.В. Теория государства и права. М., 2007.
20. Маркова А.Н. Культурология: учеб. пособие. М.: Проспект, 2013.
21. Мартышин О.В. Теория государства и права в постсоветское десятилетие. Некоторые итоги. // Ежегодник российского права. 2000.
22. Мартышин О.В. Проблема ценностей в теории государства и права. // Государство и право. 2004. № 10.
23. Нерсисянц В.С., Муровцев Г.И. и др. Право и культура.
24. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учебник для вузов. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999.
25. Новый энциклопедический словарь: большая российская энциклопедия. М., 2004.
26. Петрушевский-Тихомиров О.М. Культурология как теория культуры: учебное пособие для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Академический Проект: Парадигма, 2012.
27. Поляков А.В. Общая теория права: курс лекций. Спб., 2001.
28. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде. // История государства и права. 2006. № 2.
29. Сальников В.П. Правовая культура. // Общая теория права: курс лекций. / Под ред. В.К. Бабаева. Н.-Новгород, 1993.
30. Сативалдыев Р.Ш. Политическая и правовая мысль раннесредневекового мусульманского Востока: Монография. Душанбе, 1999.
31. Семитко А.П. Правосознание и правовая культура. // Теория государства и права / Отв. ред. В.Д. Перевалов. М., 2006.
32. Смирнов В.В. Политическая и правовая культура как фактор действия закона. // Драма российского закона. М., 1996.
33. Соколов А.Н. Правовое государство: от идеи до ее материализации. Калининград: Янтарь сказ, 2002.
34. Степин В.С. Философия и цивилизация. // Человек, наука, цивилизация. М., 2004.
35. Философский энциклопедический словарь.
36. Шубина О.Б. правовая культура как элемент культуры общества: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

## РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В ТАДЖИКИСТАНЕ В ПОСТ-СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

**Сативалдыев Р.Ш.,**

заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: [www-rustam-tj@mail.ru](mailto:www-rustam-tj@mail.ru).

**Научная специальность:** 12.00.01 — теория и история права и государства, история учений о праве и государстве

*Аннотация.* В статье исследуются этапы становления и развития теории государства и права, преемственность в ее развитии, раскрываются роль и значение теории государства и права на современном этапе. Основное внимание уделяется достижениям теории государства и права на современном, переломном этапе развития общества, перемене ее задач, функций, предмета, методологии. Анализируются общие тенденции развития теории государства и права в постсоветский период.

*Ключевые слова:* государство, право, теория, методология, задачи, функции.

## DEVELOPMENT OF THE THEORY OF STATE AND LAW IN TAJIKISTAN IN THE POST-SOVIET PERIOD

**Sativaldiev R.SH.,**

Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty, Tajik National University, Doctor of Legal Sciences, Professor.

E-mail: [www-rustam-tj@mail.ru](mailto:www-rustam-tj@mail.ru)

**Scientific specialty:** 12.00.01 — Theory and history of the law and state, History of the doctrines of the law and state

*Annotation.* The article deals with the stages of the formation and development of the theory of state and law, succession in its development, disclosed the role and importance of the theory of state and law in modern stage. The main attention is spared to achievements of the theory state and law in modern, critical stage of the development of society, change its tasks, functions, subject, methodology. It is analyzed general trends of the development of the theory of state and law in the post soviet period.

*Keywords:* state, law, theory, methodology, task, functions

Теория государства и права как самостоятельная сфера научного знания не сразу оформилась с таким названием и содержанием. Немецкая юриспруденция и в целом континентальная Европа оперировали понятием «теория права» (legal theory). В Западной Европе и России общая теория права сложилась в XVIII–XIX вв. на основе энциклопедии права и философии права

(Г. Гунниус, К. Неволин, Е. Трубецкой, Г. Чичерин и др.). В 70-х гг. XIX в. вводится термин «теория права» (А. Меркель). Большой вклад в разработку философских проблем права внесли В. Виндельбанд, Г.В.Ф. Гегель, Глюк, Г. Еллинек, Р. Иеринг, И. Кант, А. Лассон, Г. Майер, К. Стенберг, Ф. Шеллинг, Ф.Ю. Шталь, Р. Штаммлер, А. Шютце и др. [11; 16; 19].

Общая теория права как наука сформировалась в России в трудах Ю.С. Гамбарова, В.М. Гессена, Б.А. Кистяковского, Н.М. Коркунова, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого, В.П. Сергеевича, В.С. Соловьева, Б.Н. Чичерина, Г.Ф. Шершеневича и др. [21; 22].

В начале XX в. в работах Г. Кельзена, Л. Дюги и др. исследуются фундаментальные понятия теории государства и права в качестве самостоятельного направления научного знания. В середине XX в. в континентальной Европе теория государства и права развивается на базе информатики, кибернетики, социологии права, диалектической логики.

В Советском государстве к концу 20-х гг. начинается изучение курсов «Общая теория права», «Общее учение о праве, государстве и Советской Конституции» (Разумовский, Пашуканис, Рейснер, Стучка и др.). В 70-80-е гг. на развитие теории государства и права оказало влияние распространение широкого правопонимания, анализ философских проблем права. В период перестройки активизируется исследование теоретических проблем демократии, политической системы, правового положения личности, прав личности и др. В постсоветскую эпоху формируются новые подходы к государству и праву, обновляется методология юридической науки, развивается многообразие типов правопонимания и т. д., и соответственно закладываются основы для пересмотра советской теории государства и права [92. С.С. 152–156].

Теория государства и права в постсоветский период развивается в контексте дискуссии о первичности государства или права. Как известно, советская теория государства и права была монолитной, хотя в составе общей теории права выделялись правовая кибернетика, правовая психология, теория юридической техники [53]. В постсоветскую эпоху разгорается дискуссия между сторонниками [47; 48] и противниками раздельного изучения теории государства и права [12; 24; 32; 37; 40; 51; 88; 94; 95]. Точка зрения В.С. Нерсисянца о дуализме объекта познания и единстве

предмета юридической науки [52] в последние годы получила поддержку у большинства ученых-юристов.

На развитие теории государства и права в последнее десятилетие оказало влияние многообразие типов понимания, послужившее основанием распространения либертарной, цивилизационной, либеральной, естественно-правовой, антропологической, неопозитивистской, социологической, интегративной и иных теорий (концепций) права. Активизируется анализ философских проблем права, продолжается мировоззренческое обоснование общетеоретических проблем, выходит серия учебников по философии права [2; 17; 41]. Современные концепции права влияют также на анализ предмета, структуры, задач, методологии теории государства и права [38. С.С. 160–161]. Актуальные проблемы развития современного права находятся в поле зрения многих авторов [3; 55; 98; 99].

На данном этапе ведется активная научная разработка проблем функций государства [5. С.С. 67–62; 6. С.С. 243–252; 7; 9. С.С. 10–16; 13. С. 40; 36. С.С. 98–108], правоохранительной деятельности [8. С.С. 8–23; 18. С. 55; 80. С. 8; 90. С. 109; 91. С.С. 170–171], правовой политики [28; 30. С. 32; 31; 33. С. 14; 59. С.С. 71–74], правоприменительной практики [60], юридической техники и технологии [10; 14; 15; 20; 34. С.С. 9–20; 49] и др. Восприятие идеи правового государства придало теории государства и права гуманистическую направленность [4. С.С. 11–12; 50. С.С. 77–78].

Юридическая наука Таджикистана в советский период развивалась в рамках единого советского научного и образовательного процесса. Большой вклад в развитие теории государства и права внесли в данный период академик С.А. Раджабов, Л.С. Явич, Г.И. Манов, Р.С. Гимпелевич, Л.И. Зими́на, С.Х. Хасанов, Х.Х. Хамидов и др. Издаются советские учебники по теории государства [56; 57; 58].

В постсоветский период юридическая наука Республики Таджикистан, в том числе теория государства и права, продол-



жает развиваться в рамках постсоветского научно-культурного и образовательного пространства в рамках СНГ, особенно на базе научных контактов с Российской Федерацией. На данном этапе ведутся активные научные разработки по различным проблемам теории государства и права — юридической техники [61; 62; 63; 64; 87], законодательства [65; 66], судебного конституционного контроля [39; 67], правовой политики [68; 69; 70; 73; 74; 75; 76; 77; 78; 79], качества закона [71; 72], правовоспитательной и правообразовательной политики [73; 76; 79], правотворческой деятельности [42; 43], правовой культуры [44; 45; 46], нормативных правовых актов [23] и др. Продолжается также исследование иных общетеоретических проблем — правового воспитания, правосознания, систематизации законодательства, кодификации, форм государства, функций государства, антикоррупционной правовой политики и др. Издается серия учебников по теории государства и права, проблемам теории государства и права [81; 82; 83; 84; 91]. Ведется активная научная разработка проблем прав человека [81; 82; 83; 84; 91].

Формирование социального правового государства и гражданского общества, политическое и идеологическое многообразие, рыночные преобразования, новые глобальные вызовы и угрозы ставят на повестку дня проблемы, не известные ранее юридической науке. Перед теорией государства и права стоят задачи в сфере решения национальных, этнических, региональных конфликтов, поиска путей обеспечения социального консенсуса, социальной консолидации.

Многие проблемы, стоящие ныне перед теорией государства и права (глобализация и правовая система, юридические коллизии, технико-юридическое качество законов, судебная власть и правовое государство, право и права человека и др.), влияют на дальнейшее развитие государственно-правовой жизни. В условиях влияния глобализации на повестку дня выходят проблемы, связанные с защитой национальных интересов, обеспечением суве-

ренитета государства, сохранения культурных традиций.

На фоне проникновения западных идей и теорий (универсальная концепция прав человека, теории «мирового государства», концепции «глобального права» и др.) первостепенной задачей, стоящей перед теоретиками, является выработка идей, концепций и теорий, адекватных конкретно-историческим условиям и направленным на сохранение культурно-цивилизационных традиций. Новые глобальные вызовы и угрозы (международный терроризм, радикализм, экстремизм, информационные войны и др.) требуют активизации общетеоретических исследований.

На данном этапе существует комплекс очевидных факторов, которые объясняют наглядным образом необходимость общетеоретических исследований. Данные факторы обусловлены, с одной стороны, своеобразием предмета, объекта и методологии теории государства и права, с другой — усложнением общественной жизни, социально-экономическими преобразованиями, новыми тенденциями общественного развития. В литературе справедливо отмечается, что постсоветские страны переживают ныне особый этап эволюции государства и права [54. С. 81].

Теория государства и права является фундаментальной социально-гуманитарной наукой, которая конструирует теоретико-познавательные модели протекающих в обществе процессов, познает глобальные тенденции развития государственно-правовой системы, вооружает юристов необходимыми юридическими, политическими, идеологическими знаниями, благодаря которым они будут способны занимать собственную позицию по многим ключевым вопросам политики государства, отстаивать национальные интересы.

На данном этапе претерпевают изменения также функции теории государства и права — гносеологическая, онтологическая, эвристическая, методологическая, идеологическая, практическая, интегрирующая, прогностическая. Обновляется также методология теории государства и пра-

ва [25; 26; 27. С.С. 11–20; 29; 35; 85. С.С. 96–101; 90], все более осознается необходимость ее междисциплинарных контактов как условия рационального использования материальных, финансовых, трудовых ресурсов, выбора целесообразного пути технологического прогресса [1].

Общетеоретические знания используются в процессе государственного управления, в правотворческой, правореализационной, правоприменительной, правоохранительной, правоинтерпретационной деятельности, в борьбе с правонарушениями, совершенствовании юридической ответственности, обеспечении законности и правопорядка. Они обеспечивают успешную работу юриста, сотрудника пра-

воохранительных органов, суда и иных государственных органов и негосударственных организаций (адвокатура и др.), а также формируют в сознании юристов позитивные правовые ценности и установки, необходимый уровень правосознания и правовой культуры.

Таким образом, теория государства и права по-прежнему сохраняет за собой статус фундаментальной, базовой основы системы юридических наук, методологии научного познания государственно-правовой жизни. В последующем потребность в активизации общетеоретических исследований в рамках теории государства и права будет ощущаться в большей мере.

### Литература:

1. Алексеев С.С. Проблемы теории государства и права: учебник. М.: Юридическая литература, 2006.
2. Алексеев С.С. Философия права. М., 1997.
3. Актуальные проблемы права: монография / под общ. ред. д. ю. н., проф. Р.В. Шагиевой. М.: РУСАЙНС, 2015.
4. Афанасьева М.В. Становление, развитие и современное состояние теории государства и права. // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13). В 2-х ч. Ч. 1.
5. Архипова О.В. Эволюция понятий «функции государства» и «провалы государства». // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 6 (187). Экономика. Вып. 26.
6. Баймаханов М.Т. К разработке современной концепции функций государства. // Избранные труды по теории государства и права. Алматы, 2009.
7. Бабаев С.В. Теория функций современного российского государства: дис. ... канд. юрид. наук. / Бабаев С.В. Н.-Новгород, 2001.
8. Братко А.Г. Правоохранительная система: понятие и основные элементы содержания. // Проблемы развития правоохранительных органов. М., 1994.
9. Вагин С.Г. О некоторых аспектах развития современной теории функций права. // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2012. 1 (87).
10. Власенко Н.А. Основы законодательной техники: практ. пособие. Иркутск, 1995.
11. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В 2 т. М., 1973.
12. Головкин Р.Б., Молчун В.В., Новиков М.В. Теория государства и права: учебное пособие. Владимир, 2004.
13. Дьяконов В.В. Функции государства: понятие, содержание, сущность. // Закон и право. 2006. № 8.
14. Давыдова М.Л. Юридическая техника (общая часть): учебное пособие. Волгоград, 2009.
15. Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. Н.А. Власенко. М., 2010.
16. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908.
17. Ершов Ю.Г. Философия права: материалы лекций. Екатеринбург, 1995.

18. Зуев В.И. Правоохранительная деятельность как функция правового государства. // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 3.
19. Кант И. Собр. соч. В 6 т. М., 1964.
20. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. М., 2013.
21. Кистяковский Б.А. Право и метод. // Русская философия права: философия веры и нравственности: антология. СПб., 1997.
22. Коркунов Н.М. Лекции по общему государственному праву. СПб., 1914.
23. Камолов И.Х. Система нормативных правовых актов Республики Таджикистан: проблемы теории и практики: дис. ... докт. юрид. наук. Душанбе, 2015.
24. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. 8-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Юридического института, 2012.
25. Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М.: Мысль, 1986.
26. Козлов В.А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
27. Колдин В.Я. Проблемы методологии правоприменения. // Государство и право. 2011. № 1.
28. Кодан С.В. Правовая политика как научная теория в историко-правовых исследованиях. М., 2011.
29. Лапаева В.В. Конкретно-социологическое исследование в праве. М.: Юрид. лит., 1987.
30. Матузов Н.И. Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики. // Правовая политика и правовая жизнь. Академический и вузовский журнал. 2000. Ноябрь.
31. Малько А.В. Теория правовой политики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012.
32. Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юрист, 2004.
33. Муромцев Г.И. Правовая политика: вопросы методологии. // Правоведение. 2005. № 6.
34. Муромцев Г.И. Юридическая техника: некоторые теоретические аспекты. // Правоведение. 2000. № 1.
35. Методологические и теоретические проблемы юридической науки: Сб. науч. тр. / под ред. М.Н. Марченко. М.: Изд-во МГУ, 1986.
36. Морозова Л.А. Функция Российского государства на современном этапе // Государство и право. 1993. № 6.
37. Морозова Л.А. Теория государства и права. М., 2002.
38. Мартышин О.В. О либертарно-юридической теории права и государства. // Государство и право. 2003. № 10.
39. Мирзоев С.Б. Становление и развитие судебного конституционного контроля в Таджикистане: дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2014.
40. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Норма, 1999.
41. Нерсисянц В.С. Философия права. М., 1999.
42. Нематов А.Р. Правотворчество в Республике Таджикистан. Актуальные вопросы теории и практики: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2013.
43. Нематов А.Р. Правотворчество в Республике Таджикистан: монография. LAP LAMBERT, 2013.
44. Насурдинов Э.С. Проблемы формирования правовой культуры в условиях становления демократического государства в Таджикистане: монография. Душанбе, 2010.
45. Насурдинов Э.С. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: монография. Душанбе, 2013.
46. Насриддинзода Э.С. Формирование правовой культуры в Республике Таджикистан: монография (на тадж. яз.). Душанбе, 2016.

47. Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993.
48. Общая теория права / под общ. ред. А.С. Пиголкина. М., 1997.
49. Проблемы юридической техники: сб. ст. Н.-Новгород, 2009.
50. Поцелуев Е.Л. Современное состояние теории государства и права: кризис или поиск собственной идентичности. // Правоведение. 2005. № 2.
51. Перевалов В.Д. Теория государства и права: учебник. М., 2012.
52. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под. общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2001.
53. Проблемы теории государства и права / под. ред. С.С. Алексеева. М., 1987.
54. Рыбаков В.А. Время в развитии права (философско-юридический аспект). // Государство и право. 2010. № 8.
55. Радько Т.Н. Актуальные проблемы права: учебник. М.: ООО «Формула права», 2014.
56. Раджабов С.А., Явич Л.С. Теория государства и права. Душанбе, 1969.
57. Раджабов С.А., Денисов А.И. Теория советского государства и права. М., 1972.
58. Раджабов С.А., Хасанов С.Х. Теория государства и права (на тадж. яз.). Душанбе, 1989.
59. Рыбаков О.Ю. Правовая политика как юридическая категория: понятие и признаки. // Журнал российского права. 2002. № 3.
60. Рудковский В.А. Правоприменительная практика. Сущность и содержание. Волгоград, 1999.
61. Сативалдыев Р.Ш. Прикладные и теоретические аспекты развития юридической техники. // Законодательство. Душанбе: Национальный центр законодательства. 2015. № 2 (18).
62. Сативалдыев Р.Ш. Основные этапы развития юридической техники. // Правовая жизнь. Душанбе, 2015. № 2 (10).
63. Сативалдыев Р.Ш. Развитие теоретических взглядов на юридическую технику. // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Душанбе, 2015. № 3 / 12 (189).
64. Сативалдыев Р.Ш. Проблема статуса юридической техники в системе юридических наук. // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Душанбе, 2015. № 2 / 6 (175).
65. Сативалдыев Р.Ш. Законодательство как исходно-правовое понятие юридической науки и практики. // Академический юридический журнал. Душанбе, 2015. № 1 (13).
66. Сативалдыев Р.Ш. Теоретико-методологические проблемы понятия законодательства. // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Душанбе, 2015. № 3 / 5 (173).
67. Сативалдыев Р.Ш., Мирзоев С.Б. Судебный конституционный контроль в Таджикистане: монография. Душанбе, 2015.
68. Сативалдыев Р.Ш. Правовая политика как общетеоретическая категория: анализ концептуальных подходов. // Вестник ТНУ. Серия: гуманитарные науки. 3 / 2. № 108. 2013.
69. Сативалдыев Р.Ш. Методологические подходы к соотношению категорий «правовая политика» и «юридическая политика». // Материалы международной научно-практической конференции на тему: «Правовые системы Республики Таджикистан и стран СНГ: состояние и проблемы», посвященной научной деятельности проф. Менглиева Ш. М. Душанбе, 2015.
70. Сативалдыев Р.Ш. Научный характер правовой политики. // Мир политики и социологии. Санкт-Петербург, 2013. № 11.
71. Сативалдыев Р.Ш. Гуманистический аспект качества закона. // Современные тенденции развития науки и технологии. По материалам XII Международной научно-

практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологии». Г. Белгород. 31 марта 2016 г. Периодический научный сборник. 2016. № 3-6.

72. Сативалдыев Р.Ш. Права человека как критерий качества закона. // Государствоведение и права человека. 2016. № 1.

73. Сативалдыев Р.Ш. Правовоспитательная политика: научные основы и проблемы модернизации. // Вестник ТНУ. 3 / 4 (139). 2014.

74. Сативалдыев Р.Ш. Правовая политика как фактор прогрессивного развития общества. // Правовая жизнь. 2014. № 1 (01).

75. Сативалдыев Р.Ш. Научные основы правовой политики. // Вестник ТГУПБП. 2015. № 4.

76. Сативалдыев Р.Ш. Правовоспитательная политика: научные основы и проблемы модернизации. // Вестник ТГУПБП. 2014. № 4.

77. Сативалдыев Р.Ш. Правовая политика в сфере противодействия коррупции. // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2014. № 4 (24).

78. Сативалдыев Р.Ш. Научные основы и понятие правовой политики. // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2015. № 3 (23).

79. Сативалдыев Р.Ш. Правосознание как фактор эффективности правовой политики Республики Таджикистан. // Типы правопонимания и меняющиеся вызовы современного мира. Сб. научных статей по результатам Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 23–24 сентября 2016 г.). СПб.: Астерион, 2016.

80. Сативалдыев Р.Ш. Правовое воспитание и образование как интегративное направление правовой политики: опыт Таджикистана и стран СНГ. // Евразийский юридический журнал. № 1 (92). 2016.

81. Сативалдыев Р.Ш. Теория государства и права: учебник для вузов. Душанбе, 2009.

82. Сативалдыев Р.Ш. Проблемы теории государства и права: учебник (на тадж. яз.). Т. 1. Душанбе, 2010.

83. Сативалдыев Р.Ш. Проблемы теории государства и права: учебник (на тадж. яз.). Т. 2. Душанбе, 2010.

84. Сативалдыев Р.Ш. Теория государства и права: учебник (на тадж. яз.). Душанбе, 2014.

85. Сидорова Е. В. Проблемы методологии исследования правовых ценностей. // Государство и право. 2012. № 7.

86. Студеникин В.Е. Понятие, признаки и основные виды правоохранительной деятельности. // Право: теория и практика. 2003. № 13.

87. Теория государства: учебник / под ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало-М, 2011.

88. Теория государства и права в схемах и определениях / В. К. Бабаев, В. М. Баранов, В. А. Толстик. М.: Юристъ, 2005.

89. Тагойбеков Х.С. Правовая политика в Республике Таджикистан: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2014.

90. Тиунова Л.Б. Системные связи правовой действительности: методология и теория. СПб: СПб ун-т, 1991.

91. Хасанов С.Х. Теория государства и права. Худжанд, 2005.

92. Холдова В.А. Актуальные проблемы советской и современной юридической науки. // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 5.

93. Ходжаев Ш.Ш. Законодательная техника в Республике Таджикистан: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2016.

94. Цыганов В.И. Тезисы лекций по теории государства и права. Н.-Новгород, 2006.

95. Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства: учебное пособие. М.: Институт государства и права РАН, 2003.



96. Чеснов И.Л. Правоохранительная функция современного государства. // Криминалист. 2011. № 1 (8).

97. Шагиева Р.В., Шагиев Б.В. Правоохранительная деятельность как разновидность юридической деятельности: проблемы теоретического обоснования // Евразийский юрид. журнал. 2014. № 2.

98. Шамаров В.М. Актуальные проблемы современной российской теории права: монография. М.: Альфа-М, 2015.

99. Шагиева Р.В. Актуальные проблемы права: учебное пособие. М.: НОРМА, 2014.

**САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ КАК ОСНОВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА****Ибрагимов Д.К.,**

ассистент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Таджикского национального университета.

E-mail: [Cschmitt@mail.ru](mailto:Cschmitt@mail.ru).**Научная специальность:** 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве**Научный руководитель:** Сативалдыев Р.Ш., доктор юридических наук, профессор**Рецензент:** Диноршоев А.М. доктор юридических наук, профессор

*Аннотация.* В статье раскрываются условия возникновения информационной функции государства, ее признаки и значение. Излагаются различные суждения по поводу момента возникновения информационной функции государства. Обращается внимание на многообразие подходов к понятию информационной функции, ее целям и сущности. Определяются особенности информационной функции государства, позволяющие обосновать ее самостоятельность в системе функций государства.

*Ключевые слова:* функция государства, информация, информационная функция государства, возникновение информационной функции, особенности информационной функции, понятие информационной функции государства.

**INDEPENDENCE OF THE INFORMATION FUNCTION AS THE MAIN DIRECTION OF STATE ACTIVITY****Ibragimov D.K.,**

Junior lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty, Tajik National University.

E-mail.ru: [Cschmitt@mail.ru](mailto:Cschmitt@mail.ru)**Scientific specialty:** 12.00.01 — Theory and history of the law and state; History of the doctrines of the law and state**Research supervisor:** Sativaldiev R. Sh., Doctor of Legal Sciences, Professor**Reviewer:** Dinorshoev A.M., Doctor of Legal Sciences, Professor

*Annotation.* The article deals with the conditions of emergence of the information function of the state, its signs and significance. Various judgments are made about the moment of the emergence of the information function of the state. Attention is drawn to the diversity of approaches to the concept of the information function, its goals and essence. Specific features of the information function of the state are determined, allowing substantiating its independence in the system of state functions.

*Keywords:* state function, information, information function of the state, the emergence of the information function, the features of the information function, the concept of the information function of the state.

Проблема реализация информационной функции государства является сегодня предметом исследования многих ученых. Она затронута, например, в работах Н.Г. Александрова, М.И. Байтина, А.И. Денисова, Л.И. Зайгинова, А.П. Косицына, Г.Н. Манова, Н.П. Фарберова, Н.В. Черноглазкина и других ученых, но они рассматривали основные функции государства без выделения информационной. Как пишет Р.Ш. Сативалдыев, «функция государства — традиционная проблема юридической науки. Данная проблема находилась в центре внимания нескольких поколений исследователей и продолжает оставаться объектом активных научных поисков» [1. С. с. 6–7].

Среди функций государства сегодня на первый план выходит информационная функция. Морозова Л.А. констатирует, что на функции государства воздействуют процессы информатизации общества, создание общепланетарного информационного пространства. [2. С. 72] В то же время следует определиться с моментом ее возникновения, поскольку устоявшейся позиции по этому поводу нет. Отношение современной науки к моменту возникновения информационной функции государства весьма неоднозначно. Можно обозначить три основные точки зрения.

1. Просвирнин Ю.Т. отмечает, что «с момента своего возникновения государство осуществляло сбор, хранение, обработку и распределение информации на различных направлениях деятельности: для принятия управленческих решений, проведения бюджетной, налоговой политики, осуществления разведывательной и контрразведывательной деятельности, охраны правопорядка и т. п.». [3. С. 357]. По его мнению, корректировка информационных потоков в рамках направления государственной деятельности неизменно присуща государству на любом этапе его развития.

2. Информационная функция возникает только на современном этапе развития государства (Л.А. Морозова [4. С. с. 101–107]; А.С. Титов [5. С. с. 9–12]; Э.В. Талапина [6. С. с. 20–28] и другие). Талапина Э.В. утверждает, что «... сегодня информация пронизывает все этапы деятельности государственных органов, поэтому в современных условиях можно говорить о выделении информационной функции государства ...» [7. С. 21]. Титов А.С. также утверждает, что «информационная деятельность российского государства становится одним из основных направлений деятельности всего государства в 90-х гг. XX века».

По мнению А.И. Денисова, осуществление государством информационной деятельности является, с одной стороны, реакцией государства на технологический прорыв в информационной сфере, сформировавший информационные потребности общества и, с другой стороны, следствием появления свободных СМИ в результате демократических преобразований в стране» [8. С. с. 9–12].

Тонков Е.Е. отмечает: «Принимая во внимание безусловную взаимосвязь сущности государства и его функций, полагаем, что те изменения, которые произошли в России в последние годы, не могли не повлиять соответствующим образом на содержание и природу целого ряда функций» [9. С. 4].

3. Информационная функция не выделяется в качестве самостоятельной функции государства (М.И. Байтин [3. С. 302]; А.И. Бобылев [4. С. с. 11–18]; М.А. Бухтерева [5. С. 202]; А.И. Денисов [8. С. 426]; Н.В. Черноглазкин [23. С. 215] и другие). Более того, информационная деятельность относится учеными к разряду методов реализации функции государства. По мнению ряда авторов, «информационное влияние представляет собой косвенно-регулятивное воздействие на сознание и поведение людей, на создание

информационного поля вокруг конкретных политических процессов, мероприятий, институтов. Посредством информационного поля возможно как ускорить развитие социальных и юридических конфликтов, так и локализовать, смягчить их» [2. С. 87].

Многие ученые считают, что информационная функция неизменно присуща государству на всех стадиях развития общества [21. С. 58]. «Несомненно, информация всегда рассматривалась (особенно в эпоху бурного развития информационных технологий) как фактор, влияющий на все сферы общественной жизни. Быстрота коммуникации, насыщение информацией, ее бесконтрольный оборот позволяет осуществлять неограниченное всеохватывающее воздействие на сознание и поведение людей. Это влияние порождает необходимость серьезного, взвешенного отношения к такому феномену, как информационная функция государства [13. С. 25].

Исследуя вопрос о моменте возникновения информационной функции государства, следует обратить внимание на то, что любая функция государства возникает под воздействием определенных объективных факторов.

Как отмечает Р.Ш. Сативалдыев, функции государства «объективно обусловлены закономерностями функционирования данной политико-правовой системы, особенностями взаимодействия общества и государства, актуальными целями и задачами, встающими перед ними как на протяжении всей истории развития государства, так и в определенный исторический период» [14. С. 218].

На функции государства влияют научно-технический прогресс и многие факторы социально-экономического, политического, экологического и информационного характера [15. С. 219].

На современном этапе развития общества и государства качество и аспекты реализации информационной функции наиболее актуальны. Действительно, современный этап развития общества характеризуется беспрецедентным объемом и интенсивностью развития информационных технологий в жизни социума. Наш

век, именуемый веком информационных технологий, уже трудно представить без инноваций, направлений, имеющих место в настоящее время и во многом являющимися предпосылками процессов глобализации, международного сотрудничества и т. п. В настоящее время, как утверждает А.А. Чернов, и с этим трудно не согласиться, «мы являемся не только пассивными свидетелями, но и активными участниками процесса формирования и развития рынка информации, знаний как факторов производства в дополнении к традиционным рынкам природных ресурсов. Можно с полной уверенностью говорить о том, что знание, информация являются на сегодняшний день одним из стратегических ресурсов государства и общества, ресурсом социально-экономического, технологического и культурного развития. Масштабы использования этого ресурса сопоставимы с использованием традиционных ресурсов, а величина суммарных затрат на него уже имеет макроэкономическую значимость» [24. С. с. 12–13].

Обоснованность выделения информационной функции государства определяется, по нашему мнению, следующими моментами.

1. Возникает объективная потребность в формировании направления государственной деятельности, призванного регулировать отношения в информационной сфере. Информационная функция проявляется в выработке современной государственной политики, постановки целей, задач, сосредоточении ресурсов (управленческих, хозяйственных, материальных, финансовых).

2. Кроме того, претендуя на категорию «функция государства», деятельность государства, как отмечает Д.В. Пожарский, должна носить вневедомственный, межведомственный характер и охватывать деятельность всего государственного аппарата, по крайней мере, большей его части, что вполне характерно для информационной функции государства [11. С. 72].

3. Информационная сфера влияет на состояние всех сфер жизни общества, что

не может не сказываться на функциях государственной деятельности.

Само слово «информация» происходит от латинского слова *information* — разъяснение, изложение. Надо сказать, что «информация» — достаточно многогранное понятие, что позволяет исследовать данный феномен в разных областях знаний. И специфика определений зависит, соответственно, либо от сферы научного интереса, то есть предмета исследования, на который делается акцент, либо от воззрений ученого, автора дефиниции. Никодимов И.Ю. справедливо говорит о том, что «информация, как объект научного исследования и изучения, предполагает выделение семантических, лингвистических, прагматических и технических аспектов» [10. С. 112]. В современной науке, несмотря на обильное количество дефиниций информации, перечень ее сущностных признаков можно считать вполне устоявшимся.

По мнению А.Н. Васениной, информационная функция предполагает в качестве итоговой цели управление информационной сферой общества. Сущность информационной функции соответственно заключается «в создании и контроле информационного обмена внутри общества, определение критериев его внешних взаимодействий» [6. С. 55]. По ее утверждению, информационная функция государства — это «обусловленное потребностями социально-политического развития комплексное направление деятельности государственного механизма по обеспечению граждан, их объединений, в целом общества и государства актуальной в конкретный временной период публично значимой информацией посредством ее производства, распространения и контроля в законодательно установленных формах» [7. С. 68].

Итак, в настоящее время в отечественной науке не выработано единого определения информационной функции государства, что, безусловно, говорит о неоднозначном и многообразном ее понимании. В связи с указанными обстоятельствами первостепенное выделение сущ-

ностных черт информационной функции государства, как сравнительно нового предмета научных разработок, видится нам вполне справедливым. Анализ существующих трактовок информационной функции, а также процесса ее реализации в современном государстве, позволяет выделить следующие сущностные черты данного явления:

- информационная функция государства — это направление его деятельности, в котором прослеживается общесоциальное начало;

- информационная функция в той или иной мере осуществляется всеми органами государственной власти, не имея ограниченного круга субъектов реализации, комплексна по своей сути;

- информационная функция имеет свой объект, а именно общественные отношения, возникающие в информационной сфере;

- содержанием информационной функции является деятельность уполномоченных государственных органов по распоряжению информацией. Информационная функция — это властная деятельность, отражающая, с одной стороны, информационные потребности общества, а с другой стороны, интересы государства и государственной власти;

- информационная функция носит длящийся, непрерывный характер;

- информационная функция оказывает воздействие на правовую идеологию;

- государственный язык служит базой формирования ее содержания.

В итоге подчеркнем, что в настоящее время выделение информационной функции в системе функций государства адекватно современным тенденциям. Информационная функция государства комплексна по своей сути и, так или иначе, оказывает влияние на качество реализации всех функций государства. Информационная функция государства также обеспечивает воздействие на правовую идеологию.

Информационная функция государства, таким образом, представляет собой основное направление государственной деятельности, реализуемое всем государ-



ственным механизмом комплексно и посредством регулирования информацион-

ной сферы.

### Литература:

1. Бабаева В.К. Теория государства и права. / Под ред. В.К. Бабаева. Москва, 2001.
2. Бабаева В.К. Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М.: Юрист, 2001.
3. Байтин М.И. Сущность и основные функции социалистического государства. Изд-во Саратовского государственного университета, Саратов, 1979.
4. Бобылев А.И. Функции государства: понятие, классификация, общая характеристика. // Право и государство. М., 2010.
5. Бухтерева М.А. Формы реализации функций государства: дис. ... канд. юрид. наук. / Академия управления МВД России. Москва, 2002.
6. Васенина А.Н. Информационная функция современного Российского государства. Дисс. ... канд. юрид. наук. Н.-Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2007.
7. Васенина А.Н. Информационная функция современного Российского государства. Дисс. ... канд. юрид. наук. Н.-Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2007.
8. Денисов А.И. Советское государство. Возникновение, развитие, сущность функции. // Изд-во Московского государственного университета. М., 1967.
9. Морозова Л.А. Влияние глобализации на функции государства. // Государство и право. М., 2006. № 6.
10. Никодимов И.Ю. Информационно-коммуникативная функция государства и механизм ее реализации в современной России: теоретический и сравнительно-правовой анализ. Дисс. ... докт. юрид. наук. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2001.
11. Пожарский Д.В. Контрольно-надзорная функция современного государства. Дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2004.
12. Просвирин Ю.Т. Теоретико-правовые аспекты информатизации в современном Российском государстве: дисс. ... докт. юрид. наук. / Ю.Т. Просвирин. Московский государственный социальный университет. Москва, 2002.
13. Рожкова А.И. Теоретические аспекты правового регулирования информационной сферы. Дисс. ... канд. юрид. наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2005.
14. Сативалдыев Р.Ш. Актуализация проблемы функций государства на современном этапе. // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2016. 2 / 7 (2013).
15. Сативалдыев Р.Ш. Актуализация проблемы функций государства на современном этапе. // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2016. 2 / 7 (2013).
16. Сативалдыев Р.Ш. Теория государства и прав. / Р.Ш. Сативалдыев. Душанбе, 2014.
17. Сативалдыев Р.Ш. Функция государства — актуальная проблема юридических наук. // Правовая жизнь. Душанбе, 2016 № 4 (16).
18. Талапина Э.В. К вопросу об информационной функции государства. // Информационное общество. П., 2002. № 1.
19. Талапина Э.В. К вопросу об информационной функции государства. // Информационное общество. П., 2002. № 1.
20. Титов А.С. К вопросу о понятии информационной функции российского государства. // Право и государство: теория и практика. М., 2008. № 11.(47).

21. Титов А.С. К вопросу о понятии информационной функции российского государства. // Право и государство: теория и практика. М., 2008. «Х» 11 (47).
22. Тонков Е.Е. Юридические формы государственной деятельности и функции государства: проблемы соотношения. // Государственная власть и местное самоуправление. М., 2010. «Х» 1.
23. Цыганова Д.Ю. Правовая идеология и информационная функция государства: теоретико-правовой аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. / Д.Ю. Цыганова. Москва, 2012.
24. Чернов А.А. Становление глобального информационного общества; проблемы и перспективы. М.: Дашков и К, 2003.
25. Черноголовкин Н.В. Теория функций социалистического государства. М.; Юридическая литература, 1970.

**СТРАНИЦЫ ПРАВОВОЙ ИСТОРИИ****ЦЕЛИ НАКАЗАНИЯ ПО МУСУЛЬМАНСКОМУ ПРАВУ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ТАДЖИКИСТАНЕ****Азизов У.А.,**

Заведующий кафедрой прав человека и сравнительного правоведения, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: [ubaydullo\\_azizov@mail.ru](mailto:ubaydullo_azizov@mail.ru).**Научная специальность:** 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

*Аннотация.* В данной статье автором с использованием богатой специальной литературы и учений ведущих мыслителей в области теории и истории права, мусульманского права и уголовного права анализируются правонарушения и особенности назначения наказаний по мусульманскому праву в дореволюционном Таджикистане. Также анализируются исторические источники и нормы обычаев, регулирующих общественные отношения, относящиеся к правонарушению и наказанию.

*Ключевые слова:* мусульманское право, цели наказания, категория наказания, институт наказания, смертная казнь, отсечение определенных частей тела, телесные наказания, высылка, конфискация имущества, возмещение ущерба, лишение права свидетельствовать, лишение права на наследство.

**THE AIMS OF PUNISHMENT ON MUSLIM LAW IN PREREVOLUTIONARY TAJIKISTAN****Azizov U.A.,**

Head of the Department of Human Rights and Comparative Law, Doctor of Legal Sciences, Professor.

E-mail: [ubaydullo\\_azizov@mail.ru](mailto:ubaydullo_azizov@mail.ru)**Scientific specialty:** 12.00.01 — Theory and history of the law and state; History of the doctrines of the law and state

*Annotation.* The article deals with the offenses and peculiarities of punishment and muslim law in prerevolutionary Tajikistan with usage of special rich literature end doctrines of leading thinkers in the branch of the theory and history of law. It is also analyzed historic literature end norms of customs, regulated public relations concerning to the offenses and punishment.

*Key words:* the Muslim law, purpose of punishment, categories of punishment, institution of punishment, death penalty, cutting off certain parts of a body, corporal punishment, dispatch, property confiscation, compensation of damage, right deprivation to testify, deprivation of the right to the inheritance.

В научной литературе существуют различные трактовки целей уголовного наказания по мусульманскому праву. Согласно И.Б. Буриеву, такое наказание было средством предупреждения преступления,

чему весьма способствовала публичность его исполнения [5. С. 155]. Ишанова Ш.А. в свою очередь считает, что основной целью применения наказания в исламском праве, во-первых, является возмездие за

содеянное, и, во-вторых, его можно рассматривать как превентивную меру, т. е. наказание применялось с целью избежать повторения такого деяния в будущем как со стороны самого преступника, так и со стороны других лиц [9. С. 18]. К названным целям Д.А. Зияуддин добавляет еще и возмещение ущерба, и предупреждение совершения греха, наказуемого как в этой жизни, так и в потустороннем загробном мире [8. С. 20].

Конечно, все наказания должны иметь исправительные свойства. Они не должны исправлять только самого преступника, который непосредственно подвергается наказанию, но и иметь воспитательное воздействие на всех, кто склонен к правонарушению [5. С. 159].

Анализ уголовно-правовых норм во все периоды развития мусульманского уголовного права на территории исторического Таджикистана показывает, что наказание не всегда одинаково воздействовало на всех осужденных, что зависело от психологического и физиологического уровня развития лица, подвергавшегося наказанию. С учетом этого мусульманское право предусматривало намного более строгое наказание для тех, кто совершал правонарушение неоднократно или чье деяние наносило больший вред. Строгость назначения наказаний в мусульманском праве зависела и от личности виновного. Согласно хадисам, Пророк рекомендовал судьям и другим правоприменителям при назначении наказания иметь в виду личность лица, совершившего правонарушение, сказав: «Простите почитаемым людям ошибку» [15. С. с. 127–128].

Уголовное наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Оно применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренном уголовным законом лишении или ограничении прав и свобод этого лица [16].

Наказание является карой, и оно заключается в лишении или ограничении прав и свобод лица, осужденного за совершение противоправного деяния. Как показывает история развития института

наказания, все блага человека, такие как жизнь, тело, имущество, свобода, честь, достоинство и т. д., выступали в качестве предмета наказания, кара же всегда была основным постулатом наказания во все периоды развития этого института. Кара в мусульманском праве выражалась и в смертной казни, и в удалении отдельных частей тела, и в ударах плетью и др. Своей целью она имела отмщение лицу, совершившему преступное деяние, государственными органами или должностными лицами, имеющими на это компетенцию.

Еще одним значимым элементом наказания было устрашение. Общеобразовательное и предупредительное назначение наказания могут быть реализованы только тогда, когда оно имеет устрашающий характер. При этом условии люди боятся совершить преступление из-за страха наказания. В мусульманском праве наказания имеют двойной характер, а именно: за совершение преступления предусматривается не только земное наказание, но и наказание в загробном мире. И если кто-то каким-то образом избегнет наказания за содеянное в этом мире, то ему обязательно придется отвечать за свои поступки в мире загробном.

В юридической литературе существует достаточно распространенное мнение о том, что наказание обязательно должно иметь целью страдания, причиняемые лицу, совершившему преступное деяние. Считается, что единственным наказанием, имеющим обезвреживающую цель, является смертная казнь. В уголовно-правовых нормах всех государств древнего и средневекового периода система наказаний состояла из таких средств принуждения, которые (или большинство из них) ставили лицо, совершившее преступление, в такие условия, которые или полностью исключали вероятность совершения им новых преступлений, или же значительно препятствовали этому. Например, смертная казнь, которая предусматривалась за совершение многих преступлений, полностью лишала человека возможности совершать новые преступления в будущем, а лишение свободы на определенный или на

неопределенный срок ограничивало преступника возможности совершения новых преступлений [1. С. с. 144–150].

Смертная казнь, как известно, осуществлялась и до сих пор осуществляется различными способами. Часто способ казни зависел от вида преступления. Например, в основных источниках мусульманского права установлен способ применения смертной казни за совершение прелюбодеяния лицом, состоящим в браке (ихсан) — побивание камнями, которое считается квалифицированной смертной казнью (реджм). В других случаях в разные периоды использовались разные виды, способы и методы исполнения смертной казни, такие как обезглавливание или повешение — простая смертная казнь (кетл).

Следует отметить, что во все периоды развития мусульманского права такой вид смертной казни, как побивание камнями, из-за сложности доказывания виновности человека редко приводился в исполнение. Из соответствующих источников мы знаем, что для вынесения приговора за прелюбодеяние закон требовал выслушать показания четырех свидетелей, видевших совершение прелюбодеяния (полового акта) непосредственно своими глазами, что может иметь место лишь в исключительных случаях. Ученые отмечают, что в большинстве случаев применение смертной казни, которая была приведена в исполнение за совершение прелюбодеяния, преступники сами признавались в совершении этого преступления [17. С. с. 63–64].

В момент осуществления наказания осужденный мог отказаться от совершенного деяния и попытаться все же доказать свою невиновность. Например, он мог отказаться от своего признания либо словами, либо побегом, и в этом случае к нему применялось наказание категории «тазир». К этой категории относились те преступные деяния, за совершение которых в Коране и Сунне не предусмотрено определенного наказания. В Хидоя определение тазир дается следующим образом: «Тазир в первоначальном смысле означает запрещение, а также наставление. В законе под ним подразу-

мевается кара, степень которой не определена ни в отношениях божеского, ни в отношениях частного права» [18. С. 471]. Исходя из этого, Л.В.С. Ван ден Берг пишет, что «в совершении деяний, не являющихся преступлениями категорий «хадд» и «кисас», но противоречащих требованиям закона, приказанием властей либо нравственному чувству, которые нарушают установленный общественный порядок, то в таком случае судья имеет право, рассматривая положения дела, применять в отношении этого лица исправительное наказание» [6. С. 180]. Боронбеков С. к такой группе преступлений относит любой проступок, нарушающий запреты в мусульманской общине. По его мнению, смысл этих деяний — в нарушении основных правовых принципов и норм [4. С. 101].

К преступлениям категории «тазир» также относятся те деяния, за совершение которых предусмотрено строгое наказание в Коране и Сунне. Например, кража является одним из основных видов преступлений категории хадд, но если стоимость украденного имущества дешевле установленного минимума, то это деяние входит в категорию преступлений тазир. Если потерпевший прощает преступника за совершенное преступление категории кисас, то к нему будет применяться наказание категории тазир.

Заслуживает внимания тот факт, что осуществление наказания в отношении женщин и мужчин различалось. Когда мужчину наказывали побиванием камнями, его не связывали по рукам и ногам, и если его наказывали на основе его собственного признания, и при этом он смог убежать, то его не преследовали. Если же его осудили на основании показаний свидетелей, то его в случае побега преследовали, ловили, и наказание доводили до конца. Женщину при исполнении такого наказания закапывали в землю по грудь. В случае осуждения ее по приказу, наказание осуществлялось на ровном месте с целью предоставить ей возможность убежать [4. С. 65]. В некоторых случаях разрешалось отложить наказание, например, если осужденная была беременной или у нее есть малолетние дети.



На территории дореволюционного Таджикистана за совершение вероотступничества тоже применялась смертная казнь. Но с целью исправления вероотступнику давали время, чтобы он мог подумать и возвратиться в ислам, и если вероотступник раскаивался и возвращался в ислам, то его прощали, а если нет, то его наказывали смертной казнью.

Для достижения цели наказания на территории исторического Таджикистана применялись такие наказания, которые не предусматривались в мусульманских правовых нормах и исходили из норм обычаев и традиций народов этого региона. Например, главарей бунтовщиков наказывали придавливанием стеной, а наказанием «сараспа» — прелюбодеев и вероотступников (виновный человек становился мишенью, в которую на скаку целились и стреляли) [5. С. 155, 157].

Такие наказания имели цель устрашения. Например, в долине Хуф за прелюбодеев предусматривалась смертная казнь другими, еще более варварскими способами. Есть сведения о том, что по приказанию шаха женщину, совершившую прелюбодеев, привязали к хвосту кобылицы и за ней пустили жеребцов. Бежая за кобылицей, они забивали женщину до смерти. Применялся и другой вид исполнения смертного приговора, когда, к примеру, связывали руки и ноги осужденного и сбрасывали его с высокого берега в реку [2. С. 20].

Второе место в мусульманском праве занимает наказание категории кисас. Терминологически понятие слова «кисас» в арабском языке означает «равное» и «преследование» [17. С. 80]. Смысл его как уголовного наказания заключается в применении к виновному человеку того, что он причинил потерпевшему. Это право принадлежит самому потерпевшему, а в случае невозможности — его родственникам и законным представителям. Для достижения поставленной цели наказания и эффективности применяемых наказаний в мусульманском праве предусматривалось, что кисас должно было приводиться в исполнение одним из родственников потер-

певшего или наследников убитого. При этом наказание нужно было исполнить таким же способом, которым преступник совершил свое деяние [17. С. 84].

Если достижение цели наказания было возможным без применения жестоких наказаний, то вину правонарушителя могли простить полностью или частично. При полном прощении он освобождался от всех видов наказания, а при частичном оно заменялось другим, менее тяжким наказанием [5. С. 151]. Согласно единодушному мнению правовых школ мусульманского права, прощать вину преступника имели право все, кто имел право на кисас. Это право ограничивалось только для несовершеннолетних и слабоумных [5. С. 157].

Согласно учениям мусульманско-правовых школ, правовая система ислама не имела целью причинение страдания человека и предусматривала смягчение вариантов исполнения наказания. Например, отсечение части тела должно было осуществляться только острым инструментом с меньшим мучением для осужденного [7. С. 49]. Мусульманско-правовые нормы предусматривали такие условия доказывания, которые намного затрудняли назначение наказания и применение телесных наказаний. Например, за совершение кражи Коран и другие источники мусульманского права устанавливали наказание в виде отсечения частей тела, т. е. отсечение рук и ног. Но для применения этого наказания совершенное деяние должно было соответствовать некоторым требованиям. В случае его несоответствия этим требованиям применялись другие виды наказания.

Наказание в виде отсечения частей тела, конечно, имеет жестокий и негуманный характер, но в мусульманском праве были разработаны специальные условия его применения. Надо отметить, что указанное наказание предусматривалось за совершение всего двух видов преступления категории хадд — за кражу и в некоторых случаях — за разбой. При этом мусульманские правоведы подчеркивали, что применение наказания хадд за кражу возможно в следующих случаях:

- во-первых, обвиняемый должен быть свободным, совершеннолетним и психически здоровым;

- во-вторых, похищение должно было совершиться тайно из места хранения;

- в-третьих, преступник не должен был иметь свободного доступа к украденному имуществу;

- в-четвертых, собственник жестко настаивал на возвращении украденного имущества;

- в-пятых, стоимость похищенного имущества обязательно должна была быть выше определенного минимума;

- в-шестых, это имущество должно было свободно продаваться на рынке и не быть запрещенным в мусульманском мире, как вино, мясо свиней и т. д. [17. С. с. 72–73]. Только при наличии всех этих условий и можно было назначать наказание хадд.

Вторым по жесткости в иерархии наказаний, применяемых в мусульманском уголовном праве, было телесное наказание — нанесение ударов плетью или другими подобными предметами (джалд). С целью достижения максимальных целей наказания в мусульманском праве устанавливались соответствующие способы и методы его осуществления. Они должны были соответствовать тем целям, которые ставились перед наказанием, т. е. прежде всего — исправление и перевоспитание самого лица, совершившего преступление. Например, при исполнении наказания в виде побивания палкой не должен был наноситься вред жизненно важным органам осужденного, но при этом это побивание должно было быть достаточно болезненным, чтобы преступник задумался и побоялся повторить свое преступное деяние. При применении данного вида наказания мусульманское право предусматривало кого к нему приговаривать: женщину или мужчину, свободного или раба, семейного человека или лица, не состоящего в браке, несовершеннолетнего или зрелого человека и т. д. Исходя из целесообразности наказаний, в мусульманском праве не разрешается применять некоторые виды наказаний одновременно или как дополни-

тельное к основному наказанию. Например, за совершение одного и того же деяния применять к одному человеку сразу двух наказаний в виде бичевания и пробивания камнями запрещено [18. С. с. 432–434; 12. С. 56].

В зависимости от местных традиций и обычаев таджикского народа приведение в исполнение наказания в виде ударов плетью в отношении мужчин и женщин тоже отличалось. И те, и другие получали равное количество — 100 ударов, но исполнение наказания для женщины отличалось тем, что ее помещали в мешок и вместе с ней туда сажали кошек. Когда били по мешку, то, естественно, удары попадали и на кошек, и они царапали женщину когтями [2. С. 180; 5. С. с. 156–157].

За повторное совершение правонарушения наказание в мусульманском праве ужесточалось. Например, повторное употребление спиртных напитков признавалось рецидивом преступления, и наказание становилось строже. Если человек попался в пьяном виде в третий или четвертый раз, то его казнили [13. С. 115].

Применялся в мусульманском праве и такой вид наказания, как высылка. Высылка, как дополнительный вид наказания, заключается в следующем:

- во-первых, преступнику не удастся быстро забыть об основном виде наказания — телесном;

- во-вторых, применение такого наказания может уберечь лицо, совершившее преступление, от преследования со стороны общества. Вдобавок к этому преступник не сможет общаться с тем лицами, которые склоны к совершению общественно опасных деяний. В данном случае можно надеется, что и осужденный на чужбине быстрее раскается и больше не совершит противоправного деяния. Этот вид наказания, как и все другие наказания, тоже имеет устрашающий характер [17. С. с. 75–76].

На территории исторического Таджикистана высылка назначалась на определенный и неопределенный срок. Определенный срок составлял 1 год, а неопределенный продолжался в основном до раскаяния осужденного. Исполнение этого

вида наказания осуществлялось путем изгнания преступника из общества и с постоянного места жительства за пределы мусульманского государства, и пока он не раскаивался, его возвращение было невозможным. Применение наказания высылки на неопределенный срок считалось основным наказанием, как о нем говорится в Коране за совершение разбоя «... изгнание из страны» [10. С. 132].

Бессрочное наказание высылки осуществлялось такими же способами, какими исполнялась срочная высылка. Но преступник мог быть прощен, если он каялся и больше не совершал подобного правонарушения. Раскаяние преступника принималось до того, как его ловили представители власти за совершенный разбой. В таком случае он освобождался от наказания категории хадд, что и предусматривается в Коране:

«Помимо тех, кто обратится (с покаянием)

Прежде, чем вы получите над ними власть,

Ведь Всепрощающ Бог и милосерд!» [10. С. 132].

В мусульманском уголовном праве одним из самых распространенных и часто применяемых видов наказания являются имущественные наказания, имеющие свои характерные черты. В досоветский период развития уголовного права Таджикистана этот вид наказания назначался за совершение многочисленных видов преступлений.

Одним из основных видов наказаний, имеющих материальный характер, считалось наказание дийа. В зависимости от разных обстоятельств, характера совершенного деяния и личности правонарушителя, его вины, шариат устанавливал порядок уплаты дийа. Например, при неумышленном совершении преступлений уплачивалось «облегченное» дийа, которое осуществлялось в трехлетний срок — по 20 годовалых верблюдов, 20 двухгодовалых верблюдов, 20 годовалых верблюдов, 20 трехгодовалых верблюдов, 20 четырехгодовалых верблюдов. При совершении умышленного преступления назначалось «тяжелое» дийа, при котором число вер-

блюдов разделялось на три части или устанавливалось уплата за них деньгами соответственно рыночной стоимости. Особенность заключалась в том, что названная сумма должна была уплачиваться самим преступником в определенный короткий срок после совершения преступления [17. С. 94].

Исходя из вышеизложенного, необходимо отметить, что, защищая религиозные ценности и общественные отношения от преступных посягательств, ислам разработал такую мощную правовую систему, которая продолжает действовать и в современном мусульманском мире. По поводу особенностей мусульманского права в юридической литературе отмечается, что религия и защита религиозных ценностей в этой правовой системе занимают основное место. Ислам не только состоит из религиозных учений, но он создал свод правил и установлений, регулирующих все стороны общественных отношений мусульманской общины и частной жизни мусульман [4. С. 84].

В мусульманском праве была глубоко обоснована такая система наказаний, которая постоянно развивалась, стала основным инструментом борьбы с преступностью. Она и сейчас успешно выполняет эту функцию и является основанием стабильности развития государств, где действует мусульманская правовая система. Трудно согласиться с мнением некоторых ученых, которые считают, что в мусульманском праве не разработаны нормы и институты права, особенно нормы мусульманского уголовного права, определяющие наказание и цели наказания [11. С. с. 35–39].

Исходя из вышеизложенного, мы попытались конкретизировать следующие цели наказания в мусульманском уголовном праве и дать его общую характеристику.

1. Наказание в мусульманском уголовном праве имеет целью предупреждение преступления. Своими запретами оно предупреждает общество о наказуемости совершения определенных деяний. В теории мусульманского права последнее

называется общим предупреждением. Такое предупреждение берет свое начало из предписаний Корана и Хадисов Пророка. Названные источники называют совершение определенных деяний преступлениями и устанавливают за них наказание и в этом, и в другом, загробном, мире. Запрет и угроза неотвратимого наказания ещё до совершения преступного деяния предупреждают людей о том, что лучше отказаться от совершения этого деяния, и что после его совершения им придется ответить за содеянное. Для достижения конечной цели — исправления осужденного и предупреждения совершения других преступлений, наказание осужденного усиливается. Но достижение эффективности наказаний в полной мере в мусульманском государстве, как и в других государствах, зависит и от других обстоятельств — экономических, политических, социальных.

2. Пределы уголовного наказания зависят от степени общественной опасности совершенного преступления. Чем больше степень опасности совершенного деяния и лица, совершившего его, тем больше и строже будет и наказание с его исправительными и воспитательными элементами. Наказание в мусульманском уголовном праве направлено на защиту общественных интересов, прежде всего, на защиту

людей от преступных посягательств, что способствует укреплению мусульманской общины и совершенствованию человека, входящего в нее.

3. Уголовное наказание в первую очередь направлено на исправление и перевоспитание лица, совершившего преступление. Если таковое невозможно, то уголовно-правовые нормы мусульманской правовой системы предусматривают такие наказания преступника, как смертная казнь, содержание преступника в условиях изоляции от общества или изгнание его из места постоянного проживания, пока не умрет или не раскается.

4. Уголовное наказание в мусульманском уголовном праве имеет весьма широкий характер. С целью борьбы с преступностью суд или другой правоприменитель имеет право использовать любые средства, не противоречащие общественным интересам. Это средства самозащиты общества против нарушения условий его существования. Именно с учетом этого в мусульманском уголовном праве наказание категории тазир имеет неисчерпывающий перечень наказаний, и применение любого из них судьей или другим правоприменителем считается законным.

### Литература:

1. Азизов У.А. Становление и развитие институтов преступления и наказания на территории дореволюционного Таджикистана. Монография. Душанбе, «Андалеб-Р». 2004. 200 с.
2. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. (Верховья Аму-Дарьи). / М.С. Андреев. Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1953. Вып. 1. 250 с. (Труды АН Тадж. ССР. Т. 7).
3. Барковская Е.Ю. Мусульманское право и правовая культура: учеб. пособие. / Е.Ю. Барковская. Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. М.: Изд-во РАГС, 2001.
4. Боронбеков С. Шариат: его место и роль в формировании климата доверия, толерантного сознания и борьбе с экстремизмом в российском обществе. / С. Боронбеков. Рязань: Ряз. фил. МУ МВД РФ, 2004.
5. Буриев И.Б. Действие мусульманского права в дореволюционном Таджикистане (VIII – начало XX вв.). / И.Б. Буриев. Душанбе, 1999.
6. Ван ден Берг Л.В.С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии [пер. с гол.]. / Л.В.С. Ван ден Берг; предисл. Л.Р. Сюкияйнена. М.: Наталис, 2005.
7. Елаян Г.Ф. Основы мусульманского уголовного права. / Г.Ф. Елаян. Махачкала, 2002.

8. Зияуддин Десабзи. Проблемы уголовной ответственности и наказания по мусульманскому праву и уголовному законодательству Афганистана (история и современный этап развития): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. / Зияуддин Десабзи. Одесса, 1994.
9. Ишанова Ш.А. Нормы шариата и их применение казийскими судами в Средней Азии до 1924 г.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. / Ш.А. Ишанова. Ташкент, 1992.
10. Коран. Перевод смыслов и комментарии Валерии Пороховой. Тегеран, 2004.
11. Микульский Д.В. Арабский Геродот. / Д.В. Микульский. М.: Алетейа, 1998.
12. Муллаев М.М. Происхождение и реакционная сущность шариата. / М.М. Муллаев. Душанбе: Ирфон, 1988.
13. Садагдар М.И. Основы мусульманского права. / отв. ред. О.А. Жидков. М., 1968.
14. Саид Муджтаба Рукни Мусави Лари. Западная цивилизация глазами мусульманина / Саид Муджтаба Рукни Мусави Лари. Баку: Иршад, 1994.
15. Талезари Али Аббас. Становление и развитие институтов преступления и наказания в истории права Ирана: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. / Талезари Али Аббас. Душанбе, 2014.
16. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Душанбе, 2012.
17. Халил Хикмат Хусейн. Система наказаний по мусульманскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. / Халил Хикмат Хусейн. Махачкала, 2008.
18. Хидоя. Комментарии мусульманского права: в 2 ч. Ч. 1: Т. I-II / пер. с англ. под ред. Н.И. Гродекова; отв. ред., авт. предисл., вступ. ст. и науч. комм. А.Х. Саидов. М.: Волтерс Клувер, 2010.



## ИНКИШОФИ СИЁСАТИ ҲУҚУҚИИ МАЪМУРИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

## РАЗВИТИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

**Диноршоев А.М.,**

заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор.

E-mail: [dinorshoev@gmail.com](mailto:dinorshoev@gmail.com).

**Соибов З.М.,**

ассистент кафедры конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета.

E-mail: [zayniddin.soibov.92@mail.ru](mailto:zayniddin.soibov.92@mail.ru).

**Научная специальность:** 12.00.14 — административное право, административный процесс

*Аннотация.* Одной из составных частей в правовой политике государства является административно-правовая политика. Данное направление правовой политики занимает особое место в вопросе регламентации и реализации государственного управления. В данной статье авторы исследуют вопросы, связанные с формированием административно-правовой политики государства, и раскрывают его содержание в период независимости Таджикистана.

*Ключевые слова:* административно-правовая политика, разделение государственной власти, исполнительная власть, государственное управление.

**DEVELOPMENT OF THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL POLICY IN  
THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN**

**Dinorsoev A.M.,**

Head of the Department of Constitutional Law of the Law Faculty, Tajik National University, Doctor of Legal Sciences, Professor

E-mail: [dinorshoev@gmail.com](mailto:dinorshoev@gmail.com)

**Soibov. Z.M.**

Junior lecturer of the Department of Constitutional Law of the Law Faculty, Tajik National University.

E-mail: [zayniddin.soibov.92@mail.ru](mailto:zayniddin.soibov.92@mail.ru)

**Scientific specialty:** 12.00.14 – Administrative law, administrative process

*Annotation.* One of the components in the legal policy of the state is the administrative and legal policy. This direction of legal policy occupies a special place in the place of regulation and implementation of public administration. This article deals with the issues related to the formation of administrative and legal policy of the state and reveal its content in the period of independence of Tajikistan.

*Keywords:* administrative and legal policy, separation of state power, executive power, public administration.

Дар тамоми ҷомеаи муосир ҳуқуқ воситаи муҳими батанзимдарории муносибатҳои муайяни ҷамъиятӣ аст. Бо мақсади таъсир расонидан ба муносибатҳои ҷамъиятӣ давлат сиёсати ҳуқукиро пеша менамояд. Сиёсати давлатӣ мазмунан инъикосгари фаъолияти мақомоти давлатӣ аст, ки дар шаклу воситаҳои гуногун зоҳир мегардад. Сиёсати давлатӣ ба намудҳои муайяне, чун сиёсати иқтисодӣ, сиёсати иҷтимоӣ, сиёсати фарҳангӣ, сиёсати ҳуқуқӣ ва ғ. ҷудо мешавад [7]. Сиёсати ҳуқуқӣ дар қатори дигар намудҳои сиёсати давлатӣ нақши асосӣ дошта, дар заминаи он дигар сиёсати давлатӣ амалӣ мегардад.

Сиёсати ҳуқуқӣ бо дарназардошти соҳаҳои ҳуқуқи кишвар ба намудҳо ҷудо мешавад. Чунончи, сиёсати ҳуқуқи конституционӣ, сиёсати ҳуқуқи маъмурӣ, сиёсати ҳуқуқи граждани, сиёсати ҳуқуқи ҷиноятӣ ва ғ. Сиёсати ҳуқуқи маъмурӣ (ба таври дигар, сиёсати маъмурӣ-ҳуқуқӣ) дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун ҷузъи таркибии сиёсати ҳуқуқӣ ба шумор меравад, ки иродаи давлатро дар самти муносибатҳои маъмурӣ-ҳуқуқӣ инъикос мекунад.

Сиёсати ҳуқуқи маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар давраи истиқлолияти давлатии он бо назардошти хусусиятҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон муайян гардид. Давраи истиқлолияти Ҷумҳурии Тоҷикистонро метавон чун марҳилаи муҳими рушди сиёсати ҳуқуқи маъмурӣ номид. Зеро Ҷумҳурии Тоҷикистон мустақилияти сиёсиро ба даст овардааст ва дар амалӣ намудани сиёсати давлатии худ иродаи худро таҷассум мегардонад. Баамалбарории босубот ва созандаи сиёсати ҳуқуқи маъмурӣ ҳамчун самти алоҳидаи сиёсати ҳуқуқии давлатӣ дар шароити соҳибистиклолии давлат қомилан имконпазир аст, ки исботи ин дар таҷрибаи давлати соҳибистиклоли Ҷумҳурии Тоҷикистон ба назар мерасад.

Воқеан, дастовардҳо дар самти рушди муносибатҳои маъмурӣ-ҳуқуқӣ (ҳамчунин, идоракунии давлатӣ) дар Ҷумҳурии Тоҷикистон зиёданд, аммо инкишофи муқаммалӣ низоми идораку-

нии давлатӣ аз давраи то истиқлолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон ибтидо мегирад [5]. Чунончи, аввалин бор дар Эъломияи истиқлолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 24 августи соли 1990 консепсияи таҷзияи ҳокимияти давлатӣ пешбинӣ гардида буд, ки ҳокимияти иҷроияро чун шохаи алоҳидаи ҳокимияти давлатӣ муайян намуда буд [3]. Дар заминаи ҳуҷҷати номбурда мазмун, таъинот, вазъ, мавқеъ ва мустақилии ҳокимияти иҷроия дар низоми ҳокимияти давлатӣ муқаррар гардида буд, ки моҳиятан аз сиёсати муваффақи маъмурӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон гувоҳӣ меод. Ҳамчунин, ташкили таҷзияи ҳокимияти давлатӣ ба шохаҳо қадами устувор ниҳодан ба сӯи давлати ҳуқуқбунёд аст, ки яке аз нишонаҳои давлати мазкур ин тақсимоли ҳокимияти давлатӣ ба шохаҳо аст.

Дар ин замина сиёсати маъмурӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон тадриҷан дар шаклу усулҳои ба худ хос роҳандозӣ гардидан гирифт, ки мазмунан ба устувории ташкили мақомоти ҳокимияти иҷроия, танзими муносибатҳои байни иштирокчиёни муносибатҳои маъмурӣ-ҳуқуқӣ, таъмини қонуният ва интизом дар идоракунии давлатӣ, кафолати маъмурӣ-ҳуқуқии ҳуқуқи манфиатҳои шахсони воқеӣ ва ҳуқуқӣ ва ғ. мусоидат намуд.

Қабули Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон рӯйдоди муҳим дар фазои маъмурӣ-ҳуқуқӣ буд, ки ба ин муносибатҳо сифати қомилан нав бахшид [4, с.80]. Қабули Конститутсияи мантиқан дар заминаи сиёсати ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон ба вуқӯъ пайваست ва тағйиротхоро дар муносибатҳои маъмурӣ-ҳуқуқӣ ба миён овард. Аз қабилӣ, дар сатҳи конституционӣ эътироф намудани ҳокимияти иҷроия чун шохаи мустақили ҳокимияти давлатӣ, муқаррар намудани Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун сарвари ҳокимияти иҷроия, дар сатҳи дахлдор муқаррар намудани меъёрҳои конституционӣ марбут ба вазъи ҳуқуқии Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ва мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ

(махсусан, мақомоти иҷроияи маҳаллии ҳокимияти давлатӣ), ки ба рушду мукамалгардии муносибатҳои маъмурӣ-ҳуқуқӣ майл намуд.

Баъди қабули Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон сиёсати маъмурӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар заминаи ин ҳуҷҷати олии кишвар тадриҷан қорӣ карда шуд. Сиёсати маъмурӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар шаклҳои гуногун зоҳир мегардид. Хусусан, сиёсати маъмурӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар шакли ҳуқуқэҷодкунӣ, ҳуқуқтатбиқкунӣ, таъшиқоти тарғибот ва тарбияи ҳуқуқии шахрвандон ва дигар шахсон амалӣ мегардид.

Дар давраи истиқлолияти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҷиҳати ба танзим даровардани муносибатҳои маъмурӣ-ҳуқуқӣ санадҳои зиёди меъёрии ҳуқуқӣ қабул гардиданд, ки ба муносибатҳои номбурда сифати хоса бахшид. Муносибати муҳими маъмурӣ-ҳуқуқие, ки меҳвари асосии муносибатҳои мазкурро ташкил медиҳад, ин ташкили мақомоти ҳокимияти иҷроия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошад. Баъди қабули Конститутсия аз ҷониби Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон чандин бор Фармонҳо дар бораи тақмили сохтори мақомоти ҳокимияти иҷроия қабул гардид [2], ки ба раванди босуботи ташкил ва фаъолияти мақомоти ҳокимияти иҷроия таъсири мусбӣ гузошт.

Бобати ба танзим даровардани ташкил ва фаъолияти мақомоти ҳокимияти иҷроия дар Ҷумҳурии Тоҷикистон санадҳои меъёрии ҳуқуқии дахлдор қабул гардиданд. Ба монанди қонунҳои конститутсионӣ, қонунҳо, кодексҳо, низомномаҳо ва ғ. Қабули Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи низомии мақомоти идоракунии давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон» [1] худ ифодаи таваҷҷуҳи давлат нисбати мустаҳкам намудани муносибатҳои марбут ба идоракунии давлатӣ аст. Ҳамчунин, аз ҷониби субъектони ваколатдори ҳокимияти иҷроия бо мақсади ба танзим даровардани муносибатҳои маъмурӣ-ҳуқуқӣ санадҳои зиёди зерқонунӣ қабул намуданд, ки ин баёнгари сиёсати

маъмурӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар шакли ҳуқуқэҷодкунӣ аст.

Дар самти рушд ва таҳким бахшидани муносибатҳои маъмурӣ-ҳуқуқӣ бо Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон «Стратегияи ислоҳоти низомии идоракунии давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 15 март соли 2006 №1713 [6, с.285] қабул гардидааст. Стратегияи мазкур барои солҳои 2005-2015 қабул гардида, самтҳои асосии рушди низомии идоракунии давлатӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистонро пешбинӣ мекард. Қабули ин Стратегия маҳсули сиёсати муваффақи маъмурӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар замони соҳибистиклолӣ аст.

Сиёсати маъмурӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар шароити муосир шартан дар заминаи ду ҷанбаи асосӣ амалӣ карда мешавад: ҷанбаи ҳуқуқӣ ва ҷанбаи ташкилӣ. Ҷанбаи ҳуқуқии сиёсати маъмурӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон бо фаъолияти ҳуқуқэҷодкунии давлат рабт дорад, ки дар асоси санадҳои меъёрии ҳуқуқии танзимкунандаи муносибатҳои маъмурӣ-ҳуқуқӣ таҳия ва қабул мегарданд. Албатта, санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ воситаи муҳим ва асосии танзими муносибатҳои ҷамъиятӣ, ки ба таври дигар, таъсиррасонии ҳуқуқӣ ба рафтор ва шуури иштирокчиёни муносибатҳои ҳуқуқиро амалӣ мекунанд. Дар фазои маъмурӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон нақши санадҳои мақомоти ҳокимияти иҷроия баланд аст, ки маҳз онҳо ба таври мушаххас муносибатҳои маъмурӣ-ҳуқуқиро ба танзим меандозанд. Онҳо характери зерқонунӣ дошта, дар асоси қонунҳо қабул мегарданд.

Ҷанбаи дигари сиёсати маъмурӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон ин ҷанбаи ташкилии он аст. Ҷанбаи ташкилии сиёсати маъмурӣ-ҳуқуқӣ моҳиятан ба ташкили мақомоти ҳокимияти иҷроия, рушди зербинои (инфраструктураи) идоракунии давлатӣ, устувории иқтисодии кадрӣ мақомоти ҳокимияти иҷроия (хизматчиёни давлатӣ), ҳавасмандгардонии маъмурӣ ва ғ. иртибот дорад. Ҷанбаи ташкилии сиёсати маъмурӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон бевосита

ба ғаъолияти амалии мақомоти ҳокимияти иҷроия дахл дошта, воситаи муносиби рушди идоракунии давлатӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошад.

Ҷанбаҳои номбурда бо якдигар дар алоқаманд қарор дошта, барои якдигар заминаҳо мегузоранд. Масалан, барои ташкили мақомоти ҳокимияти иҷроия бояд санади меъёрии ҳуқуқӣ қабул намуд, ки аз лиҳози ҳуқуқӣ ташкили мақомоти ҳокимияти иҷроияро ба расмият дарорад. Ҳамчунин, масъалаҳои марбут ба ҷанбаҳои ташкилии сиёсати маъмурӣ-ҳуқуқӣ метавонад чун объекти танзимсозии санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ бошад.

Ҳамин тариқ, сиёсати маъмурӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар шароити муосир аз ҷумлаи самти муҳими сиёсати ҳуқуқии он аст, ки ба таъсиррасонии маъмурӣ-ҳуқуқӣ ба рафтор ва шуури иштирокчиёни муносибатҳои маъмурӣ-ҳуқуқӣ ва дигар муносибатҳои ҷамъиятӣ равона мегардад, ки тавассути восита, усулҳо ва чораҳои муайян баҳри

устуворӣ ва рушди фазои идоракунии давлатӣ амалӣ мегардад.

Бобати беҳтар намудани раванди амалигардонии сиёсати маъмурӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон чунин пешниҳодҳо карда мешавад:

- асосҳои ҳуқуқии сиёсати маъмурӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон мукаммал ва рушд дода шавад;

- дар сатҳи меъёрий ташкил ва низомии мақомоти ҳокимияти иҷроия дуруст муқаррар карда шавад;

- ҳамкории байни мақомоти ҳокимияти иҷроия ва дигар институтҳои ҷамъиятӣ густариш дода шавад;

- тақозо карда мешавад, ки Консепсияи рушди ҳуқуқи маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон қабул карда шавад;

- падидаи шартномаи маъмурӣ дар сатҳи идоракунии давлатӣ рушд дода шавад;

- фарҳанги ҳуқуқи маъмурии шаҳрвандон бояд баланд бардошта шавад.

#### Адабиёт:

1. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи низомии мақомоти идоракунии давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 16 апрели соли 2012 № 828 // АМОҶТ. соли 2012, №4, мод.278.

2. Фармонҳои Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи системаи мақомоти марказии ҳокимияти иҷроияи Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 4 июли соли 2002 №853, «Дар бораи тақмили сохтори мақомоти марказии ҳокимияти иҷроияи Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 30 ноябри соли 2006 №9, «Дар бораи тақмили сохтори мақомоти иҷроияи ҳокимияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 19 ноябри соли 2013 №12 // Бонки марказии иттилооти ҳуқуқии Вазорати адлияи Ҷумҳурии Тоҷикистон. Шакли электронии «Адлия».

3. Диноршоев А.М. Конституционные основы разделения властей в Республике Таджикистан. Душанбе, 2007.

4. Имомов А. Ҳуқуқи конституционии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Китоби дарсӣ. Нашри сеюм. Бо тағйироту иловаҳо. Душанбе. 2012.

5. Ойев Х. О. Ҳуқуқи маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон (қисми якум). Душанбе – 2013.

6. Раззоқов Б.Ҳ. Проблемы теории и практики организации исполнительной власти в Республике Таджикистан. Дисс. ... д. ю. н. Москва, 2014.

7. Сотиволдиев Р.Ш. Назарияи давлат ва ҳуқуқ. Душанбе, «Империял – Групп», 2014.

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА****ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ****Камолов Ш.Х.,**

старший преподаватель кафедры конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета.

E-mail: [shah-1980@mail.ru](mailto:shah-1980@mail.ru).**Научная специальность:** 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право**Научный руководитель:** Имомов А.И., кандидат юридических наук, доцент**Рецензент:** Диноршоев Азиз Мусоевич, доктор юридических наук, профессор

*Аннотация.* Права человека являются одним из актуальных вопросов в демократическом и правовом государстве. Согласно Конституции Республика Таджикистан является правовым государством, и права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью. Автор в данной статье попытается раскрыть и анализировать права человека в правовом государстве и пути их реализации.

*Ключевые слова:* правовое государство, правопорядок, стабильность, контрольная система, менталитет, юридическая грамотность.

**HUMAN RIGHTS IN THE LEGAL STATE****Kamolov Sh. Kh.,**

Senior lecturer of the Department of Constitutional Law of the Law Faculty, Tajik National University.

E-mail: [shah-1980@mail.ru](mailto:shah-1980@mail.ru)**Scientific specialty:** 12.00.02 – Constitutional law; constitutional proceeding; municipal law**Scientific supervisor:** Imomov A. I., Candidate of Legal Science, Associate Professor**Reviewer:** Dinorshoev A. M., Doctor of Legal Sciences, Professor

*Annotation.* Human rights are one of the topical issues in a democratic and legal state. According to the Constitution, the Republic of Tajikistan is a legal state and the rights and freedoms of human and citizen are the highest value. The author in this article tries to disclose and analyze human rights in the legal state and ways of their realization.

*Keywords:* legal state, rule of law, stability, control system, mentality, legal literacy.

Статья 1 Конституции Республики Таджикистан провозглашает Республику Таджикистан суверенным, демократическим, правовым, светским и унитарным

государством. Провозглашая себя правовым, государство берет на себя серьезную ответственность на пути реализации данной оговорки. Смысл и содержание право-



вого государства в Республике Таджикистан можно раскрыть через статью 5 Конституции РТ, которая гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны. Права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством».

В правовом государстве одна из важнейших проблем, которая имеет глобальный характер, — это признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Провозгласив себя демократическим, правовым и светским государством, Республика Таджикистан находится довольно в трудном периоде перехода от советской системы к новой. Логично, что, провозгласив себя демократическим и правовым, государство, не становится таковым механически. Для этого необходимо определенное время. Уже четверть века как Республика Таджикистан находится на этом пути. Надо признать, что практика формирования демократического и правового государства трудна, а порой иногда противоречива. Правовое государство развивается в преодолении трудностей и противоречий как чисто правового свойства, так и находящихся вне правового поля. [5. С. 182] Формирование правового государства и уважение прав человека — задача чрезвычайно трудная, и ее решение требует многолетних (а может быть и десятилетних) усилий всего общества, связанных с преодолением как наследия прошлого, так и тех ошибок и просчетов, которые были допущены в последние годы [5. С. 184] Однако, на наш взгляд, поставленная задача перед Республикой Таджикистан как правового и демократического государства в большей степени достигнута. Представление о правовом государстве проявляется в двух основных принципах: порядок в обществе и государстве и защищенность граждан. Государство является правовым в том случае, если его деятельность основана на праве, а целью его деятельности служит обеспечение, защита прав и свобод человека и гражданина. Исходя из этого положения, надо отметить,

что деятельность Республики Таджикистан как любого другого современного правового государства, основывается на определенных принципах, среди которых:

- 1) верховенство закона,
- 2) господство права над государством или приоритет права,
- 2) разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную,
- 3) ответственность государства перед своими гражданами,
- 4) равенство граждан перед законом, их правовая защищенность.

На основе соблюдения этих принципов государство может реально считаться правовым. Эти принципы в основном координируют деятельность государства как правового. Принципы играют ключевую роль в создании прочной системы гарантий основных прав и свобод человека.

Более того, основу правового государства составляет принцип справедливости. Правовое государство — не просто соблюдение формальной законности и правопорядка, но и справедливость, основанная на признании и полном принятии высшей ценности человеческой личности. Принцип верховенства закона в правовом государстве означает, что закон обладает высшей юридической силой, и все другие правовые акты должны ему соответствовать. Органы государственной власти и их должностные лица не могут совершать действий, выходящих за пределы рамок закона. Государство, издавшее закон, обязано уважать этот закон до тех пор, пока он действует. Соответственно, в государстве должны властвовать не отдельные личности, а право и законы. Здесь ключевое значение имеет верховенство права и закона. Именно этот принцип в значительной мере обеспечивает правовой характер государства. Также этот принцип означает, что ни один субъект в обществе не освобождается от обязанности подчиняться закону, соблюдать и исполнять его. Сущность принципа приоритета права заключается в том, что он всегда находится в центре внимания. Право неразрывно связано с человеком, оно возникло раньше, чем государство, и поэтому носит есте-

ственный характер, чем государство. Приоритет прав человека по отношению к государству является первичным, определяющим, системообразующим признаком правового государства, с которым связаны иные его признаки, служащие осуществлению свободы и прав человека: построение государственной и общественной жизни на принципах права, разделение властей, взаимная ответственность индивида и государство [5. С. с. 178–179].

В Республике Таджикистан основным демократическим конституционно-правовым принципом является принцип разделения властей. Именно в нем проявляется, прежде всего, сущность демократии. Принцип разделения властей как важнейший институт демократии является гарантом обеспечения власти народа, который осуществляет ее через своих представителей [2. С. 4]. Разделение властей — это правовой принцип, суть которого заключается в недопущении сосредоточения всей полноты государственной власти в руках какой-либо одной из ее ветвей: законодательной, исполнительной или судебной, — чтобы тем самым предотвратить возможность злоупотребления властью. В правовом государстве не только граждане несут ответственность за невыполнение своих обязанностей, но и государство, все его органы и должностные лица несут ответственность за свои действия перед гражданами. Речь идет о взаимной ответственности государства с одной стороны и всех, кто вступает с ним в правоотношения, — с другой. Суть данного принципа заключается в том, что государство должно всесторонне обеспечить путь реализации и обеспечения прав и свобод, и их защиту. Принцип равенства граждан перед законом и их защита являются основными признаками правового государства.

Признание, соблюдение гарантий и защита прав и свобод человека и гражданина — это основная обязанность государства. Государство обязано не только соблюдать права и свободы человека, но и создавать реальные условия для их воплощения. Суть правового государства — это права человека. Функциональная деятель-

ность государства направлена на достижение генеральной цели: блага человека, его нравственного, материального и физического благополучия, максимальной правовой и социальной защищенности личности. Государство всегда должно выступать как верховный хранитель и защитник законных интересов личности [1. С. с. 16–17]. Признание прав и свобод человека и гражданина непосредственно означает, что человек и гражданин могут осуществлять свои права и свободы, а также защищать их в случае нарушения. Надо отметить, что не каждое правовое государство, в котором есть право и законодательство, можно считать правовым и демократичным. В авторитарных, тоталитарных и иных режимах с мнимым конституционализмом права и свободы человека только провозглашаются. Поэтому во взаимоотношениях правового государства и личности должен господствовать приоритет прав человека, закрепленный конституционно, который не может быть нарушен никем. Права и свободы человека гарантируются, защищаются и обеспечиваются там, где могут функционировать эффективная форма демократии и совершенная система законов. На наш взгляд, только при помощи правового государства осуществляется то, что ценно, дорого и необходимо всем людям.

Цель Республики Таджикистан как правового государства состоит в обеспечении и защите прав и свобод человека. Именно поэтому для создания и формирования такого государства таджикское общество должно направлять все усилия в этом направлении. Правовое государство невозможно создать в обществе, раздираемом социальными противоречиями, конфронтацией, политической борьбой, выходящей за пределы права. Правовое государство может существовать и успешно развиваться в обществе, где есть согласие граждан относительно принципов его устройства, целей его развития, где свобода и права человека сопряжены с уважением и доверием сограждан к государственным учреждениям и друг другу.

Таджикистан как правовое государство конкретно, четко и ясно определяет

виды, механизмы, пути и деятельность государства. Одновременно оно определяет пределы и границы прав и свобод человека и гражданина, гарантированных государством. Из этого вытекает, что государство связано с правом. Государство должно принимать и осуществлять тот или иной закон исключительно в рамках права. А при этом государство обязано действовать в рамках закона не выходя за ее пределы, починяясь ему. Цель правового государства — обеспечение границ свободы индивида, недопустимость нарушения поля свободы, очерченного правом, запрет применения насильственных мер, не основанных на праве [5. С. 179]. Правовое государство немислимо представить без определенных прав и свобод человека и гражданина.

В Конституции Республики Таджикистан правам и свободам посвящена глава 2, которая так и называется — права, свободы и основные обязанности человека и гражданина. В этой главе утверждается, что права и свободы человека и гражданина регулируются и охраняются Конституцией, законами республики, признанными Таджикистаном международными правовыми актами. Права и свободы человека и гражданина осуществляются непосредственно. Они являются главным структурным элементом конституционных отношений. Эти отношения возникают между человеком и государством, порождая обязанность государства соблюдать права и свободы каждого человека и гражданина. Исходя из этого, человек вправе требовать защиты прав, которые государство признало естественными и неотъемлемыми. Это и определяет отличительную особенность отношений по поводу основных прав и свобод от других видов отношений, т. е. они наделены особым механизмом защиты и силой прямого действия конституции [3. С. 154]. Они определяют цели, содержание и применение законов, деятельность законодательной, исполнительной и местной власти, органов местного самоуправления и обеспечиваются судебной властью. Ограничение прав и свобод граждан допускается только с целью

обеспечения прав и свобод других граждан, общественного порядка, защиты конституционного строя и территориальной целостности республики.

В Республике Таджикистан, согласно Конституции, все равны перед законом и судом. Государство гарантирует права и свободы каждого, независимо от его национальности, расы, пола, языка, вероисповедания, политических убеждений, образования, социального и имущественного положения. Каждый гражданин Республики Таджикистан имеет право на жизнь. Неприкосновенность личности гарантируется государством. Никто не может быть подвергнут пыткам, жестокости и бесчеловечному обращению. Каждому гарантируется судебная защита. Никто не может быть подвергнут без законных оснований задержанию, аресту. Каждому гарантируется неприкосновенность частной жизни, иную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, тайну переписки телефонных и иных личных сообщений переговоров. Гражданин имеет право на свободное передвижение и выбор места жительства, выезд за пределы республики и возвращение в нее. Каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, отдельно или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов и обрядов. Гражданин имеет право участвовать в политической жизни и управлении государством непосредственно или через представителей. Граждане имеют равное право на государственную службу. Каждому гарантируется свобода слова, печати, право на пользование средствами информации. Граждане имеют право объединяться и лично или совместно с другими обращаться в государственные органы. Каждый имеет право на собственность и право наследования. Никто не вправе лишать и ограничивать право гражданина на собственность. Каждый имеет право на труд, выбор профессии, работы, охрану труда и социальную защиту от безработицы. Всякие ограничения в трудовых отношениях запрещаются. Каждый имеет

право на жилище. Это право обеспечивается путем осуществления государственного, общественного и индивидуального жилищного строительства. Каждый имеет право на образование, на охрану здоровья, на отдых и социальное обеспечение в старости. Каждому дано право на свободное участие в культурной жизни общества, художественном, научном и техническом творчестве. В этой же главе отражены некоторые принципы правосудия, презумпция невиновности, а также и обязанности. Для государства значение этих прав состоит в том, что они формируют предпосылки для участия населения в развитии государства и общества, улучшения условий жизни, демократизации общества и государства [3. С. 153]. Исходя из того, что на уровне конституции определены права и свободы человека, можно сделать вывод о том, что целью существования современного правового государства является создание в рамках закона условий для оптимального развития личности. По нашему мнению, в условиях построения правового государства и демократического общества как фактор его возникновения и развития правовой активности граждан (правовая культура, правосознание и правовое воспитание) имеет большое значение. Значимость конституционно закрепленных прав и свобод выражается в том, что именно их реализация необходима для претворения в жизнь сущностных свойств государства как демократического и правового. Конституционные права и свободы человека и гражданина можно определить как закрепленную и гарантированную Конституцией РТ возможность человека и гражданина пользоваться различными социальными благами для удовлетворения своих потребностей [3. С. 153]. В правовом государстве ущемление прав человека не допустимо. Более того, государство неукоснительно должно обеспечить их защиту. Как уже было сказано, Таджикистан считается независимым государством уже четверть века. А после принятия конституции оно провозгласило себя правовым государством. Однако действительно ли современный Таджикистан является правовым

государством? И насколько он правовой? Ответы на эти вопросы требуют глубокого анализа. На наш взгляд, это пока цель. А для того, чтобы она была достигнута, надо преодолеть несколько трудностей. Остановимся на нескольких причинах трудностей развития правового государства в Республике Таджикистан.

1) Одна из основных трудностей Таджикистана — это его исторические традиции, которые были несовместимы с демократией и свободой. Таджикистан — страна, в которой господствовали и господствуют восточные традиции. Идеи прав и свобод человека, справедливости, равноправия реально они были признаны лишь в начале 20 века, когда были приняты первые конституции в Таджикистане. А до этого права и свободы регулировались шариатскими нормами. Хотелось бы сказать, что не только Таджикистан, но и все страны Средней Азии имеют эту трудность. Все страны бывшего союза, системоцентрично подходил во взаимоотношениях личности и власти. Перестройка в конце 80-х гг. явилась важным переломным этапом в отношении прав человека и правового государства. И хотя это были первые робкие и непоследовательные шаги по пути свободы недооценивать их нельзя [5. С. 186].

2) Низкая правовая культурность в обществе. Низкая юридическая культура самих граждан, которые не привыкли отстаивать свои права, использовать правовые формы судебной защиты, обращаться в государственные органы с жалобами в порядке административного производства. Вероятнее всего это результат неверия в реальность любых попыток защищать себя от беззакония [5. С. 187]. Не только у граждан чувствуется этот недостаток, но и у должностных лиц и чиновников тоже существует это проблема. Низкая правовая культура должностных лиц, усугубляемая отсутствием реальной ответственности за отступление от права, ярче всего проявляется в неуважении и пренебрежении правом [5. С. 187]. Р. Иеринг стремление отстаивать свое право сопрягал с чувством достоинства личности. «Кто не чувствует,



что в том случае, когда беззастенчиво нарушают и попирают его право, вопрос идет не просто об объекте этого права, но о его собственной личности, кто в подобном положении не испытывает стремления защищать себя и свое право, тот уже человек безнадёжный...» [4. С. 3]. Приоритет прав и свободы человека и гражданина в правовом государстве требует усилий всех граждан для утверждения в своем обществе «идеи права». Необходимо подготовить и сконцентрировать общество, в том числе граждан к «борьбе за право и ликвидации юридической безграмотности», как проявлению их гражданского долга. Для «ликвидации юридической безграмотности и борьбе за право», граждане сами должны проявить инициативу. Низкая правовая культура или юридическая безграмотность граждан приводит к тому, что на практике должностные лица и компетентные органы используют этот момент не в пользу данного лица. Массовое практическое участие граждан в борьбе за утверждение порядка, основанного на праве, — необходимое условие формирования правового государства [5. С. 188].

3) Гарант и успех формирования и развития правового государства непосредственно зависит от признания особой роли Конституции Республики Таджикистан. Конституция Республики Таджикистан как основной закон государства определяет и устанавливает важные государственные отношения. После обретения независимости Республика Таджикистан взяла курс на построение демократического и правового государства, в котором права человека занимают особое место. Конституция Республики Таджикистан координирует деятельность государственных органов и должностных лиц в регулировании и защите прав и свобод человека и гражданина. Согласно статье 10 Конституции РТ она обладает высшей юридической силой, ее нормы имеют прямое действие. Законы и другие акты, противоречащие Конституции, не имеют юридической силы. Государство и все его органы, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать и исполнять

Конституции и законы республики. Указание на прямое действие Конституции не имеет аналогов в отечественной практике и обязывает к тому, чтобы Конституция не была декоративным украшением общества, а стала работающим законодательным актом, которым следует руководствоваться при рассмотрении конкретных дел в судах и органах исполнительной власти [5. С. 189]. Это существенный признак правового государства. Часть 2 статьи 14 конкретизирует эту ситуацию, которая гласит: Права и свободы человека и гражданина осуществляются непосредственно. Они определяют цели, содержание и применение законов, деятельность законодательной, исполнительной и местной властей, органов местного самоуправления и обеспечиваются судебной властью. Признать права и свободы человека и гражданина непосредственно действующими означает, что они могут осуществлять свои права и свободы, а также защищать их в случае ущемления. Непосредственное действие прав и свобод человека означает их верховенство в правовой системе государства.

4) Необходимость совершенствования механизмов и процедур защиты и обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Это делает надежной государственную защиту прав граждан, который является важным фактором развития правовой государственности. Непосредственное действие прав и свобод человека установленном в Конституции далеко ещё не снимает вопрос о совершенствовании механизмов и процедур их защиты. С целью гарантий обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина Конституция Республики Таджикистан устанавливает систему государственных органов, в обязанности которых входят обеспечение и защита прав и свобод. Гарантированность государственной защиты непосредственно связана с обязанностью государства признавать, соблюдать и охранять права и свободы человека и гражданина [5. С. 192].

Для формирования правового государства, на наш взгляд, сначала надо создать социальное государство. Если соци-



альная обязанность обеспечивается государством, то это будет основным импульсом для формирования правового государства. Социальное государство — это государство, в котором человеку гарантируется социальное равенство. Это государство, в котором социальные противоречия преодолеваются эффективно работающими государственными структурами и представленными в них неподкупными компетентными государственными служащими [1. С. с. 16–17] Правовое и социальное государство — это не противоположности, а диалектика развития государства, признающего приоритет прав человека и определяющего в соответствии с этим формы и методы своей деятельности. Права человека как главное звено правового режима стимулирования для индивида есть источник постоянного воспроизводства его инициативы предприимчивости, инструмент развития гражданского общества [6. С. 133]. Право человека и правовое государство, несомненно, характеризуются общими закономерностями возникновения и функционирования, ибо существовать и эффективно действовать они могут только в одной «связке». Оба феномена имеют в своей основе право, хотя роль последнего для них практически прямо противоположна, но одновременно и внутренне единая. Это свидетельствует о том, что соединяющим звеном между человеком и государством должно быть именно право, а отношения между ними — истинно правовыми [6. С. 134]. Сущность правового государства заключается в зависимости и ограничении права государством. Правовые ограничения необходимы для того, чтобы недостатки властной личности не трансформировались в пороки государственной власти.

В условиях демократии право как бы «меняется местами» с государством — утверждается верховенство первого, и право возвышается над государством [6. С. 134]. Таджикистан как правовое государство должен всесторонне и последова-

тельно исполнять свои главные обязанности и предназначение, то есть обеспечивать и гарантировать каждому возможность всестороннего развития личности. Именно от этого зависит авторитет государства на международной арене.

Подводя итог нашему исследованию, следует сделать следующие выводы и предложения:

А) В практике современного Таджикистана формировать правовое государство сложно, а в реальности трудно воплотить его принципы. Для этого надо повысить юридическую грамотность в обществе.

Б) Таджикистан — восточная страна, а восточный менталитет иногда не совпадает с принципами правового государства, так как оно зародилось на западе.

В) Права и свободы человека и гражданина — важнейший противовес всемогущей государственной власти, призванной обеспечить ее ограничение и самоограничение, а цель Таджикистана как правового государства — это определение, обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина.

Г) Для выполнения своей основной обязанности, то есть охрана и защита прав и свобод человека и гражданина, правовое государство должно быть оснащено мощной системой гарантирующих защиту прав и свобод.

Д) Стабильность законности, правопорядок и справедливость в обществе — это основной импульс, который может быстро осуществлять принципы правового государства.

Е) В качестве гарантии законности в правовом государстве выступают социальные, экономические, политические и юридические гарантии.

Ё) В правовом государстве должна быть контрольная система, для того чтобы в законодательных актах воплощалась общенародная воля, а не групповая или индивидуальная.

#### Литература:

1. Безлепкина Л.Ф. Социальное государство — это социальное развитие для всех // Социальное обеспечение. М., 2001. № 11.
2. Диноршоев А.М. Конституционные основы разделения властей в РТ. Душанбе. 2007.
3. Диноршоев. А.М Конституционные основы регламентации и реализации защиты прав и свобод человека и гражданина в Республике Таджикиста». Дисс. ... д. ю. н. Москва, 2015.
4. Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991.
5. Лукашева Е.А. Права человека. М., 2003.
6. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2007.

**ИНСТИТУТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ****Искандаров Ш.Ф.,**

ассистент кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета.

E-mail: [isharafjon@mail.ru](mailto:isharafjon@mail.ru).**Научная специальность:** 12.00.01 — теория и история государства и права; история учений о праве и государстве**Научный руководитель:** Холикзода А.Г., доктор юридических наук, профессор**Рецензент:** Сафарзода Б.А., доктор юридических наук, профессор

*Аннотация.* В статье рассматриваются вопросы относительно понятия и видов института по правам человека в международном плане вообще и на национальном уровне в частности. Также анализируются актуальные вопросы защиты прав человека со стороны национальных специализированных институтов по правам человека и их роль в укреплении прав и свобод человека в Таджикистане.

*Ключевые слова:* права человека, поощрение и защита, национальные институты по правам человека, международные институты по правам человека, Уполномоченный по правам человека, комиссия по правам человека.

**INSTITUTIONS OF HUMAN RIGHTS: CONCEPT AND TYPES****Iskandarov Sh.F.,**

Junior lecturer of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Law Faculty, Tajik National University.

E-mail: [isharafjon@mail.ru](mailto:isharafjon@mail.ru)**Scientific specialty:** 12.00.01 – Theory and history of the law and state; History of the doctrines of the law and state**Research supervisor:** Kholikzoda A.G., Doctor of Legal Sciences, Professor**Reviewer:** Safarzoda B.A., Doctor of Legal Sciences, Professor

*Annotation.* The article deals with the issues relative to the concept and types of the institution of human rights in the international sphere in general, and at the national level in particular. It is also analyzed topical issues of human rights protection by national specialized human rights institutions and their role in strengthening human rights and freedoms in Tajikistan.

*Key words:* human rights, encouragement and protection, national institution of human rights, international institution of human rights, Commissioner of human rights, Commission on human rights.

В настоящее время институт по правам человека стал целеопределяющим признаком права и государственно-

правовой системы в целом. Поэтому ясно, что отраслевое его представления недостаточно, институты по правам человека нуж-

даются в более глубоком и одновременно более широком научном осмыслении.

Прежде чем говорить об институте прав человека, считаем целесообразным дать его определение. Институт по правам человека — один из важнейших инструментов, которым располагает государство для защиты полноценной, свободной, безопасной, здоровой жизни человека, для регулирования его отношений с государством [1]. По нашему мнению, под институтом по правам человека следует понимать систему международных и государственных органов власти, правомочных должностных лиц, учреждений и организаций, деятельность которых направлена на осуществление защиты и поощрение прав человека от неправомерных действий или бездействий.

Институт по правам человека выступает одним из комплексных институтов в науке прав человека. Для более качественного и последовательного исследования механизмов защиты прав человека считаем целесообразным рассматривать вопросы определения в соответствующих группах видов институтов по правам человека. Изучая и анализируя существующих международно-правовых актов в области прав человека, действующее законодательство Республики Таджикистан в этой области и специализированных научных литератур [2], мы пришли к выводу, что, принимая во внимание объем деятельности и нормативно-правового регулирования, наиболее приемлемым можно выделить институты по правам человека на два вида: международные институты по правам человека и внутригосударственные институты по правам человека.

Под международным институтом по правам человека следует понимать систему международных органов, их соответствующие структурные подразделения и правомочных должностных лиц, деятельность которых направлена на поощрение и защиту прав человека от неправомерных действий или бездействий.

Одним из наиболее значительных достижений в международном плане является создание системы международного кон-

троля (ООН) за претворением в жизнь юридических обязательств, взятых на себя государствами в области прав человека. Последнее время все больше внимания уделяется функциям и полномочиям в деятельности ООН. В этой связи были созданы соответствующие органы в системе ООН, имеющие характер международного контрольного механизма. Необходимо подчеркнуть, что формы контроля этих структурных подразделений ООН во многом зависят от характера нарушений прав человека и могут быть самыми разнообразными. Они определяются Уставом и решениями ООН и её специализированных учреждений. По нашему мнению, в этом процессе ООН играет главенствующую роль.

Функции и полномочия Организации Объединённых Наций в области прав человека разнообразны, так как ООН принимает рекомендации, выносит решения, созывает международные конференции, подготавливает проекты конвенций, проводит исследования, оказывает консультативную и техническую помощь отдельным странам и т. д.

Среди целей ООН, закреплённых в п. 3 ст. 1 Устава, значится: «Осуществлять международное сотрудничество ... в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» [3].

Инновационный характер Устава ООН заключается в том, что он не ограничивается провозглашением целей и принципов в сфере поощрения и защиты прав человека. Устав ООН наделяет широкими полномочиями и обеспечивает главные органы ООН значительными возможностями в деле поощрения и защиты прав человека для всех [4. С. 7].

Правовой основой деятельности ООН является Устав — международный договор, согласно которому государства-члены обязуются, наряду с другими обязательствами, принимать совместные меры, направленные на поощрение и защиту прав человека во всем мире [5. С. 247].

Подавляющее большинство главных

и вспомогательных органов ООН в той или иной степени связано прямо либо косвенно с вопросами прав человека, но наибольшее внимание данному вопросу уделяют Генеральная Ассамблея и Экономический и Социальный совет.

Основная нагрузка ответственности за выполнение функций Организации по содействию всеобщему уважению и соблюдению основных прав и свобод человека возложено на ГА ООН. Согласно п. 1 (b) ст. 13 Устава ООН: «Генеральная Ассамблея организует исследования и делает рекомендации в целях... содействия международному сотрудничеству в области экономической, социальной, культурной, образования, здравоохранения и содействия осуществлению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии».

Наряду с Генеральной Ассамблеей за выполнение функций Организации в области прав человека ответственность несёт также Экономический и Социальный Совет, который работает под руководством Ассамблеи. Он осуществляет исследования и составляет доклады по международным вопросам в области экономической, социальной, культуры, образования, здравоохранения и т. д., также уполномочивается делать рекомендации в целях поощрения уважения и соблюдения прав человека и основных свобод для всех [4. С. 64].

Под руководством ЭКОСОС в 1946 году была создана Комиссия ООН по правам человека, в функции которой входила подготовка предложений по всем вопросам, касающимся прав человека. Однако в связи с неподлежащим выполнению своих обязанностей в 2006 году Комиссия была преобразована в Совет по правам человека (резолюцией 60/251 ГА ООН). Данная резолюция определила сферу деятельности Совета. В частности, в резолюции указывается, что Совет должен отвечать за содействие всеобщему уважению и защите всех прав человека и основных свобод для всех без каких-либо различий и на справедливой и равной основе, но рассматривать ситуации, связанные с нарушением прав человека, включая грубые и система-

тические нарушения, и делать по ним свои рекомендации. Он должен также содействовать эффективной координации и интеграции деятельности, касающейся прав человека, в рамках системы ООН [6].

В литературе встречаются такие мнения, что Совет должен руководствоваться принципами универсальности, беспристрастности, объективности и неизбирательности, конструктивного международного диалога и сотрудничества [7. С. 647], в целях содействия поощрению и защите всех прав человека — гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, включая право на развитие.

Верховный комиссар ООН по правам человека также выступает в качестве международного института по правам человека, который был учреждён 20 декабря 1993 года ГА ООН. Верховный комиссар ООН является главным должностным лицом, ответственным за координацию всей деятельности, касающейся вопросов прав человека в рамках ООН.

Управление Верховного комиссара состоит из квалифицированных экспертов, представляющих различные регионы земного шара, которые в необходимых случаях могут участвовать в проведении расследований, касающихся нарушений прав человека.

В международном плане действует такой орган, как Комитет ООН по правам человека, деятельность которого направлена на защиту и поощрение прав человека.

Кроме международных институтов по правам человека, также функционируют и внутригосударственные институты по правам человека, которые считаем основным и важным институтом по правам человека. По нашему мнению, внутригосударственные институты по правам человека понимаются как в узком понятии, так и в широком.

В узком понятии под институтом по правам человека понимаются государственные органы, учреждения, организации и должностные лица, деятельность которых направлена прямо на предотвраще-



ние и на защиту прав и свобод человека и гражданина.

Национальные институты по правам человека традиционно в литературе, международном праве и правоприменительной практике называются также и специализированными институтами по правам человека. Под национальными институтами по правам человека понимаются специально созданные органы, организации, учреждения или должностное лицо в рамках конкретного государства, которые в рамках своей компетенции занимаются исключительно вопросами, связанными с поощрением и защитой прав человека. Такими национальными институтами по правам человека в РТ выступают Уполномоченный по правам человека и комиссия по правам человека, которые специально созданы для защиты прав человека.

В широком понятии под внутригосударственными институтами по правам человека понимаются все государственные органы, учреждения, организации и должностные лица, которые либо специально созданы для защиты прав человека, либо созданы в других целях, но в рамках своих компетенции и функций с использованием специфических мер правового воздействия, протекающая в определённых формах и процедурах, предотвращают нарушение прав человека и восстанавливают нарушенных прав. Данные органы и учреждения не заменяют существующие институты (Уполномоченного по правам человека, комиссий по правам человека), которые созданы для защиты и поощрения прав человека, первоначальные функции этих органов совсем иные, но в пределах своих полномочий осуществляют деятельность по защите прав человека. К таким институтам по правам человека можно отнести: Президента РТ, Правительство РТ, Парламент РТ, Прокуратуру РТ, Министерство юстиции РТ, общественные организации и т. д.

В соответствии с положениями Конституции РТ высшим органом государственной власти является Президент, который выступает гарантом конституционных прав и свобод человека и гражданина, и

обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие других государственных органов.

Правительство Республики Таджикистан в своей деятельности руководствуется принципами верховенства закона, народо-властия, разделения властей, гласности, коллегиальности, обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Правительством РТ предпринимается ряд шагов, направленных на улучшение ситуации с правами человека.

Основным направлением деятельности Парламента является законотворчество, который осуществляет свою деятельность от имени народа. В этой связи мы считаем законы, которые принимает парламент, не должны ухудшать положение человека и гражданина и не нарушать их права и свободы. Одной из форм деятельности депутата Маджлиси намояндагон и члена Маджлиси Милли является работа с избирателями [8]. В каждой палате Парламента РТ образованы соответствующие комитеты, которые занимаются вопросами, связанными с правами человека: Комитет Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли РТ об конституционной законности, законотворчества и права человека и Комитет по обеспечению основ конституции, прав и свобод человека и гражданина и законности Маджлиси милли Маджлиси Оли РТ. Деятельность данных комитетов тесно связана с правами человека и их защитой, а также подготовки законопроектов в сфере защите прав и свобод человека и т. д.

Прокуратура в государственном механизме Таджикистана является специальным надзорным органом, который находит своё предметное воплощение в функциях. Они представляют собой основные направления деятельности прокуратуры, осуществляемые с использованием специфических форм и методов в рамках точно очерченных полномочий. Прокуратура в рамках своей компетенции «осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, признанными высшей ценностью, всеми структурами и должностными лицами» [9]. Можно подчёркнуть, что, осуществляя надзор за со-

блюдением прав и свобод человека и гражданина, органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы и должностных лиц, которые контролируют эту сферу.

Как правильно отмечает академик Махмудов М.А., «одна из целей прокурорского надзора заключается в том, чтобы обеспечить верховенство закона, единство и прочность законности при осуществлении человеком своих социально-экономических, политических и иных прав и свобод [10. С. с. 171–173].

Следующим органом государственной власти, деятельность которого направлена на защиту прав человека, является Министерство юстиции РТ. Деятельность Министерства юстиции направлена на обеспечение законности нормотворческой деятельности органов государственной власти, в частности на защиту прав и интересов граждан. Защищая одно из прав гражданина, право на объединение, Министерство юстиции проводит государственную регистрацию национальных и международных общественных объединений и осуществляет контроль за соответствием их деятельности уставным целям, прини-

мая необходимые меры по предупреждению и пресечению различных нарушений законодательства общественными объединениями.

Исходя из этого можно сказать с уверенностью, что права и свободы человека и гражданина осуществляются непосредственно. Они определяют цели, содержание и применение законов, деятельность законодательной, исполнительной и местной властей, органов местного самоуправления и обеспечиваются судебной властью.

В заключение можно констатировать, что в качестве специализированных правоохранительных институтов по правам человека выступают специально созданные уполномоченные органы и должностные лица по осуществлению защиты прав человека, деятельность которых на законодательном уровне закреплена. Можно отметить, что для одних субъектов осуществления этой деятельности она является лишь одним из направлений их работы (Президент, парламент, прокуратура), а для других — это основное направление их деятельности (Уполномоченный по правам человека, комиссия по правам человека).

### Литература:

1. Протыко Т. Роль неправительственных организаций в поощрении и защите прав человека — кандидат философских наук, экс-председатель Белорусского Хельсинкского комитета URL: <http://www.evolutio.info/content/view/34/38/> (дата обращения: 20.09.2014 г.).
2. Искандаров З.Х. Права человека и национальный механизм его защиты. Душанбе, 2007. 136 с.; Холиков А.Г., Диноршоев А.М. Права человека. // Под ред. д. ю. н., проф. А.Г. Холикова. Душанбе, 2008. 780 с.; Холиков А.Г., Диноршоев А.М. Права женщин. Учебное пособие. // Под ред. д. ю. н., проф. А.Г. Холикова. Душанбе, 2010. 264 с.; Ойев Х., Сафаров Б.А. Механизмы защиты прав человека и гражданина в Республике Таджикистан. Душанбе, 2013. 256 с.; Диноршоев А.М. Механизмы защиты прав человека в Республике Таджикистан. Душанбе, 2014. 152 с.
3. Устав Организации Объединённых Наций от 26.06.1945 г. См. сайт: [www.un.org](http://www.un.org).
4. Абашидзе А.Х. Универсальные механизмы защиты прав человека: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». / А.Х. Абашидзе, А.О. Гольтяев. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 135 с.
5. Международное публичное право. / Под ред. К.А. Бекяшев. М. 2008. 784 с.
6. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 60 / 215 «Совет ООН по правам человека». // Док. ООН А / RES / 60 / 251 от 15.03.2006 г.
7. Холиков А.Г., Диноршоев А.М. Права человека. / Под ред. д. ю. н., проф. А.Г. Холикова. Душанбе, 2009. 708 с.
8. Конституционный закон РТ «О правовом статусе члена Маджлиси милли и депутата

Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан» от 6 августа 2001 № 43 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2001 год, № 7, ст. 517; 2003 год, № 12, ст. 689; 2004 год, № 12, ч-1, ст. 698; 2005 год, № 7, ст. 397; 2006 год, № 3, ст. 145; 2007 год, № 7, ст. 454.

9. Конституционный закон РТ «Об органах прокуратуры РТ» от 25 июля 2005 года // № 107 Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан 2005 год, № 7, ст. 398; 2006 год, № 3, ст. 141; 2007 год, № 5, ст. 350; № 7, ст. 652; 2008 г, № 12.

10. Махмудов М., Худоёров Б. Правоохранительные органы Таджикистана (на тадж. яз.). Душанбе: «ЭР-граф», 2012. 396 с.

**ТАҲЛИЛИ МУҚОИСАВӢ - ҲУҚУҚИИ ПРИНЦИПҲОИ АСОСИИ МУАЙЯНКУНИИ МАҚОМИ ГУРЕЗА ТИБҚИ САНАДҲОИ ҲУҚУҚИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ ВА ҚОНУНГУЗОРИИ МИЛЛӢ****СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА БЕЖЕНЦЕВ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ И НАЦИОНАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ****Саиданваров К.Д.,**

ассистент кафедры конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета.

E-mail: [Kurbon1985tj@mail.ru](mailto:Kurbon1985tj@mail.ru).**Научная специальность:** 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право**Научный руководитель:** Диноршоев А.М., доктор юридических наук, профессор**Рецензент:** Кодиркулов Х.Р., кандидат юридических наук, доцент

*Аннотация.* В статье проанализированы принципы, касающиеся беженцев и лиц, ищущих убежища, а также правовые механизмы, которые отражены в международном и национальном праве и в других нормативно-правовых актах. Также в статье раскрывается понятие «принципы» с точки зрения международного и национального законодательства.

*Ключевые слова:* Основные принципы, международное и национальное право, права и обязанности государства, законы, гарантии, права и свободы, человек, защита.

**COMPARATIVE AND LEGAL ANALYSIS OF THE MAIN PRINCIPLES OF DEFINITION OF THE STATUS OF REFUGEES ON INTERNATIONAL AND NATIONAL LEGISLATION****Saidanvarov K. D.,**

Junior lecturer of the Department of Constitutional law of the Law Faculty, Tajik National University.

E-mail: [Kurbon1985tj@mail.ru](mailto:Kurbon1985tj@mail.ru)**Scientific specialty:** 12.00.02 — Constitutional law; constitutional proceedings; municipal law**Research supervisor:** Dinorshoh A. M., Doctor of Legal Sciences, Professor**Reviewer:** Kodirkulov Kh.R, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

*Annotation.* The article deals with the principles concerning to the refugees and asylum seekers which are reflected in the international and national law and in the others normative and legal acts. It is also disclosed the concept "principles" from the point of view of the international and national legislation.

*Keywords:* the main principles international and national law, the rights and duties, laws, guarantee, the rights and freedoms, the person, protection.

Конунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон дар чараёни камолоти доимии худ ва мувофиқ намудани меъёрҳои дохилӣ – миллий бо меъёрҳои байналмилалӣ қарор дорад. Дар баробари ин, ба риояи як қатор принципҳои ҳуқуқӣ тавсияҳои байналҳалқӣ эътибори ҷиддӣ дода мешавад, зеро онҳо аҳамияти аввалиндарача доранд. Аслан уҳдадорӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун иштирокчии Конвенсияи Созмони Милали Муттаҳид «Дар бораи мақоми гурезаҳо» аз 28-уми июли соли 1951 ва протоколи марбут ба вазъи гурезаҳо аз 4-уми октябри соли 1967, ки онро соли 1993 ба тасвиб (ратификатсия) расонид, пайдо гардид ва дар заминаи он конунгузорӣ кишвар ба самти махсус инкишоф ёфтандро оғоз кард. Дар баробари ин Ҷумҳурии Тоҷикистон барои риоя ва амалӣ гардонидани принципҳои вобаста ба гурезаҳо ва шахсони паноҳҷӯ дар Тоҷикистон масъул гардид.

Аслан истилоҳи принсипи ҳуқуқи байналҳалқӣ дар илм ва амалияи байнидавлатӣ васеъ истифода бурда мешавад. Категорияи «принсип» бо мафҳуми меъёри ҳуқуқӣ, ки хусусияти умумӣ дорад, ҳаммаъно мебошад. Тибқи низоми конунгузорӣ миллий ва байналмилалӣ принципҳои ҳуқуқӣ - ин ифодакунанда ва батанзимандозандаи ҳамагуна муносибатҳо ба шумор рафта, ҳамчун мафкураи асосӣ фаҳмида мешаванд. Чунин фаҳмиши принсип аз маънои мақбулшудаи умумӣ фарқ намекунад, лекин бешубҳа, дар ҳуқуқи байналҳалқӣ мавқеи махсуси маъноӣ дорад.

Ҳамаи принципҳои ҳуқуқи байналҳалқӣ ба асосӣ ва соҳавӣ (ё махсус) тақсим карда мешаванд. Принципҳои асосӣ дар ҳамаи соҳаҳои муносибатҳои байнидавлатие, ки аз тарафи ҳуқуқи байналҳалқӣ ба танзим дароварда мешаванд, истифода мегарданд [1. С. 30]. Принципҳои махсус бошанд дар соҳаи муайяни муносибатҳои ҳуқуқӣ, ки ба онҳо принципҳои байналҳалқии ҳимояи ҳуқуқҳои гурезаҳо дохил мешаванд, истифода мегарданд.

Бояд қайд кард, ки принципҳои байналҳалқии ҳимояи ҳуқуқҳои гурезаҳо

хусусияти худро доранд, ки бо омилҳои гуногун вобаста мебошанд. Ин принципҳо дар ҳуқуқи байналҳалқӣ аз соҳаи ҳуқуқҳои инсон ибтидо мегиранд, лекин истифодаи худро дар соҳаи ҳуқуқҳои гурезаҳо дарёфт карда, аҳамияти махсусро пайдо мекунанд. Ин бо он маънидод карда мешавад, ки ҳамчун иштирокчӣ онҳо категорияи шахсони озордидаи махсус баромад мекунанд.

Ҳамин тариқ, ба принципҳои байналҳалқии ҳимояи ҳуқуқҳои гурезаҳо инҳо дохил мешаванд:

а) принсипи маҳдуднасозӣ ё худ маҳдудият накардан;

б) принсипи махфӣ (конфиденсионалӣ);

в) принсипи манъи рондан.

А. Мавриди таҳлил қарор додани принсипи маҳдуднасозӣ ё худ маҳдудият накардани ҳуқуқҳои гурезагон - ин пеш аз ҳама ба инобат гирифтани таъмини ҳимояи ҳуқуқи инсон фаҳмида мешавад. Принсипи мазкур, пеш аз ҳама, яке аз принципҳои асосии муносибатҳои байналҳалқӣ ба шумор рафта, батанзимдорандаи ҳуқуқҳои инсон мебошад. Ин принсип дар б.3 моддаи 1 Оинномаи СММ мустаҳкам карда шудааст, ки дар онҳо ҳамчун мақсади асосии фаъолият ва ҳамкориҳои байналҳалқӣ, «ҳавасмандкунӣ ва инкишофи эҳтироми ҳуқуқҳои инсон ва озодиҳои асосӣ барои ҳама новобаста аз наҷод, ҷинс, забон ва дигар» қайд карда шудааст. Ин маънои онро дорад, ки ҳуқуқ ва озодиҳои инсон бояд дар ҳама давлатҳо риоя карда шаванд ва нисбати ҳама шахсон дар доираи ҳудуди давлат бе ягон намуди маҳдудкунӣ имконият ҷорӣ карда шавад.

- Ҷояи манъ кардани маҳдудсозӣ дар асоси ҳуқуқи байналмилалӣ дар соҳаи ҳуқуқи инсон воқеъ мебошад. Зухуроте, ки бо истилоҳи «маҳдудият» муайян карда мешавад, бешубҳа, вайрон намудани ҳуқуқи фундаменталиро (принсипҳои адолат, баробарӣ, инсондӯстӣ) нишон медиҳад. Манъ кардани маҳдудсозӣ ё худ маҳдудият барои гурезаҳо аҳамияти калон дорад. Вақте ки гурезаҳо ва шахсони паноҳҷӯянда бо шумораи бисёр ворид мешаванд, ба



давлати паноҳгоҳ ва аҳолии маҳаллӣ таъсири саҳт мерасонанд. Баъзе ҷамъиятҳои маҳаллие, ки гурезахоро қабул мекунанд, онҳоро ҳамчун хавф ба тарзи ҳаёти худ, маданият ва ҳатто амният ва устувории давлат қабул мекунанд. Дигарҳо ҳамаи хориҷиёро ҳамчун одамони ба захираҳои маҳаллӣ зараррасон мешуморанд. Дар бораи саҳми мусбие, ки гурезаҳо ба ҳаёти давлати паноҳгоҳдода метавонанд дохил кунанд, оид ба эҳтиёҷи онҳо ба кӯмаки гуманитарӣ ва ҳимояе, ки онҳо дар ватани худ надоштанд, бисёр вақт хангоми муҳофизаҳо оид ба муҳоҷирони «но-хоҳам» аз хотир мебароранд [2. С. 90].

Гурезаҳо, ҳамчун шахсони хориҷӣ дар давлати дигар ба ҳисоб рафта, дар таносуби маҳдудият беҳад нозук мебошанд:

- мавқеи қонунҳои давлати паноҳгоҳ метавонанд дар сатҳи нокифоя талаботҳои гурезахоро ба назар гиранд, ё мумкин аст, ки нофаҳмо бошанд, тааллуқ доштани имтиёзҳо ба гурезаҳо, ки аз ҷониби қонун пешниҳод карда мешаванд;

- дин ё пайдоиши этникии гурезаҳо ва аксарияти аҳоли дар давлати паноҳгоҳ метавонад гуногун бошад ва дар навбати худ, мавҷудияти онҳо норозигихоро ба вучуд меорад, ё нисбати онҳо бошубҳа муносибат мекунанд;

- гурезаҳо бисёр вақт ҳуччатҳое, ки шахсияти онҳоро тасдиқ мекунанд, надоранд ва дар натиҷа бо онҳо дар муносибат бо маъмурият мушкилӣ пайдо мешавад.

Ба ин нигоҳ накарда, ҳатто бо назардошти он, ки гурезаҳо шахсони хориҷӣ дар давлати паноҳгоҳ ба ҳисоб мераванд, мувофиқи Конвенсияи СММ аз соли 1951 онҳо аз ҳуқуқ ва озодиҳои асосие, ки шаҳрвандони ин давлат доранд, истифода мебаранд [4. С. 41]. Дар навбати худ моддаи 3-и ин Созишнома муқаррар мекунад, ки «Давлатҳои аҳдкунанда муқаррароти ин Конвенсияро нисбати гурезаҳо бидуни ягон табиз бо нишонаи наҷоди онҳо, дин ё кишвари аслии онҳо истифода хоҳанд кард».

Лекин, чи хеле ки амалияи байналмилалӣ нишон медиҳад, гурезаҳо бо

маҳдудияти ин ё он дараҷа дучор мешаванд. Масалан, шахсони паноҳҷӯянда бисёр вақт ба мурофиаи одилонаи пешниҳоди паноҳгоҳ аз сабаби зоҳир шудани маҳдудият аз рӯи нишонаи давлати асли ё миллат иҷозат надоранд. Ин аз он сабаб рӯй медиҳад, ки мақомотҳое, ки тартиби қабули пешниҳод барои паноҳгоҳро мегузаронанд, аз рӯи меъёрҳои ҳуқуқ не, балки аз рӯи сабабҳои сиёсӣ роҳбарӣ мекунанд. Албатта, ҳар як мақоми давлатӣ наметавонад берун аз сиёсате, ки ин давлат мегузаронад, ҷаъолият кунад, ин ҳолат ба дуршавӣ аз меъёрҳои ҳуқуқ меорад.

Б. Принципи махфӣ (конфиденсиалӣ).

Мувофиқи моддаи 12-и Эълумияи умуми ҳуқуқи башар аз 10 декабри соли 1948 ва моддаи 17-и Паймони байналмилалӣ доир ба ҳуқуқҳои шаҳрвандӣ ва сиёсӣ принципи махфӣ (конфиденсиалӣ) ҳамчун принципи этникӣ арзёбӣ гардида, дахлнопазирии ҳаёти шахсии инсонро муҳофизат мекунад ва ҳамчун яке аз ҳуқуқҳои асосии инсон махсуб меёбад. Дар матни мазкур махфӣ (конфиденсиалӣ) ҳамчун мақоме, ки дараҷаи муҳофизати зарурии маълумотҳои шахсии пешниҳодшударо муайян мекунад, фаҳмида мешавад.

Нисбат ба гурезаҳо принципи мазкур аз сабаби нозукии ин гурӯҳ аҳамияти калон дорад, бинобар он ки дар бисёр ҳолатҳо маҳз пайдоиши этникӣ ё наҷодӣ, инчунин ақидаҳои динӣ, сиёсӣ, аъзогӣ дар ҳар гуна гурӯҳҳои иҷтимоӣ сабаб шуда метавонад, ки шахс паноҳгоҳ ҷустуҷӯ мекунад. Бо ин сабаб, ин маълумотҳо ва махфӣ (конфиденсиалӣ)-и онҳо ба манфиатҳои ҳаётан муҳими на танҳо худӣ гурезаҳо, балки ҳешу табор, рафикон, шиносони онҳо, ки дар давлати тавлидшуда монданд, равона шудааст. Мутобиқи моддаи 3-и Созишнома аз соли 1984 бар зидди шиканҷа ва дигар намуди муносибатҳо, ҷазоҳои бераҳмона, золимона ё таҳқири шаъну шараф ҳар гуна маълумот ва ҳама маводҳои парвандаи шахси паноҳҷӯянда махфӣ мебошанд. Бояд қайд кард, ки ин дастур қисми ҷудонашавандаи ҳуқуқ ва озодиҳои гурезаҳо мебошад. Қоидаи мазкур

дар Дастурамал оид ба тартиб ва меъёрҳои муайян намудани мақоми гуреза мустаҳкам карда шудааст, ки дар онҳо қайд карда мешавад: «Тафтишкунанда бояд шароити мусоид муҳайё намояд, ки арзкунанда масъалаи худро аниқ ва пурра баён карда тавонад ва нуқтаи назар ва эҳсоси худро равшан ифода кунад. Барои ин беҳад муҳим аст, ки аризаи шахс ҳамчун маълумоти махфӣ (конфиденсиалӣ) дида баромада шавад ва ӯ дар бораи ин огоҳонида шавад» [3. С. 55].

Дар ҳуқуқи гурезаҳо ин принцип хангоми гузаронидани тартиби муайян намудани мавқеи гурезаҳо аҳамияти калон дорад, бахусус хангоми гузаронидани суҳбат. Аз ин сабаб Департаменти муҳофизати байналмилалӣ РКОГ СММ стандартҳои аниқро барои муайян намудани мавқеи гурезаҳо ҷорӣ кардааст, ки дар он гуфта мешавад: «Пинҳонӣ (конфиденсиалӣ) расмиёти муайян намудани мақоми гуреза дар РКОГ СММ барои ташкил намудани шароити беҳтар, боварӣ ба шахсоне, ки ба РКОГ СММ барои гирифтани паноҳгоҳ муроҷиат мекунанд, беҳад муҳим мебошад. Бинобар ин арзкунандагонро, ки оид ба гирифтани мавқеи гуреза муроҷиат мекунанд дар бораи ҳуқуқҳои онҳо ба пинҳонӣ (конфиденсиалӣ) дар доираи тартибҳои РКОГ СММ, огоҳонидан зарур аст. Мутаассифона принсипи мазкур расман дар қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон сабт наёфтааст ва имрӯз ҳуҷҷатҳое, ки муносибатҳои ҳуқуқиро, хангоми кор бо гурезаҳо дар соҳаи нигоҳдорӣ, истифодабарӣ ва муҳофизати маълумотҳои махфӣ (конфиденсиалӣ), ба танзим медиароранд, вучуд надоранд.

Дар амалия принсипи мазкур зуд-зуд вайрон карда мешавад, лекин одатан ин вайронкуниҳоро муайян кардан душвор аст. Ин бо он фаҳмонида мешавад, ки сохторҳои давлатӣ хангоми амалӣ намудани вазифаҳои худ бисёртар қонунҳои милли ва дастурамалҳои дохилиро истифода мекунанд, на ин ки принципҳои байналмилалиро. Дар натиҷаи ин маълумоте, ки хусусияти махфӣ (конфиденсиалӣ) дорад, ба ҳуқу-

мати давлати асли тавассути сафоратхонаҳо ва бо тариқи воситаҳои муносибатҳои байниидоравӣ таҳвил мегардад.

В. Принципи манъи рондан.

Ҳуқуқ барои истифода бурдан аз муҳофизати байналмилалӣ дар дастурамалҳои асосӣ, пеш аз ҳама дар Конвенсияи СММ аз соли 1951, дар шакли *принципи манъи бозгардонии маҷбурӣ* пешбинӣ карда шудааст. Принципи манъи рондан ё худ баргардонидани иҷбории онҳо бо истилоҳи *non-refoulement* – рад кардан аз баргардонидани (рондани) маҷбурии гуреза ба қаламрави давлате, ки ба ӯ таъқиб шудан таҳдид мекунад, ифода мешавад.

Хангоми ҷустуҷӯи паноҳгоҳ гурезаҳо зуд – зуд ба ҷораҳои маҳдудкардашуда дучор мешаванд, ё онҳоро дастгир мекунанд, ё маҷбуран ба минтақаҳое, ки ҳаёт, озодӣ ва беҳатари онҳо дар хавфу хатар қарор гирифта метавонад, бармегардонанд. Бо ин сабаб принципи манъи рондани гурезаҳо дар Конвенсияи соли 1951 қайд шуда буд, ки дар моддаи 33-и он гуфта мешавад: «Манъи рондани маҷбурӣ ё баргардонидани гурезаҳо ба кишварҳое, ки онҳо аз онҳо омадаанд». Дар навбати худ принципи манъи бозгардонии маҷбурӣ нафақат дар созишномаи соли 1951 мустаҳкам шуда буд, инчунин инкишофи минбаъдаи худро дар моддаи 3-и Созишномаи СММ барзиди шиканча ва дигар намуди муносибатҳо ва ҷазоҳои бераҳмона, золимон ё таҳқири шаъну шараф пешбинӣ шудааст. Чунончи: «ягон давлат – иштирокчӣ набояд ягон шахсро ба давлати дигар, агар сабабҳои асоснок мавҷуд бошанд, ки ба ӯ дар он ҷо истифодаи шиканча таҳдид мекунад, бадарға кунад ё баргардонад. Ҳамин тариқ, мақсади асосии принципи манъи рондан ё худ баргардонидан дар он аст, ки давлатҳо набояд гурезаҳоро ба минтақае, ки ба таъқиб дучор мешаванд, баргардонанд. Хангоми ба гуреза паноҳгоҳ пешниҳод кардан, давлати дахлдор уҳдадорихоро оид ба ҳимояи ӯ аз баргардонии маҷбурӣ, риоя ва таъмини ҳуқуқ ва озодиҳои устувори гуреза, инчунин уҳдадорихоро оид ба имконият додан дар сарзамини худ зиндагӣ кар-

дан, то ҳал шудани масъалаи дарозмуҳлатӣ кабул мекунад.

Бешубҳа, принсипи манъи рондан, ки дар моддаи 33-и Конвенсияи соли 1951 мустаҳкам карда шудааст, ба гурезаҳо мутобиқи моддаи 1-и ҳамин Конвенсия паҳн карда мешавад. Дар навбати худ ин принсип ба ашхосе, ки дар марҳилаи ибтидоӣ ва дар дигар ҳолатҳо паноҳгоҳ меҷӯянд, истифода бурда мешавад, барои он, ки дар ҳолати дигар ҳимояи босамарро пешниҳод кардан номумкин мебошад. Ин бо он фаҳмонида мешавад, ки ҳар як шахси паноҳҷӯянда, эҳтимолона гуреза шуданаш мумкин аст.

*Аз ин ҷо бармеояд, ки ин гуна шахсон таҳти таъсири принсипи манъи рондан ё худ баргардонидан то баромадани қарор оид ба ариза дар бораи додани мақоми гуреза дохил мешаванд.*

Лекин меъёри нишондодашуда мутлақ намебошад, барои он, ки қисми 2 Созишномаи соли 1951 нисбати онҳое, ки ҳамчун таҳдид ба амнияти давлати ҷойгиршуда ё нисбати маҳкумшудагон дар содир намудани ҷиноятҳои махсусан вазнин, ки таҳдиди ҷамъиятиро барои давлат метавонанд расонанд, тавзеҳ медиҳад. Ҳамин тариқ, принсипи манъи рондан ҳамчун тавсифномаи инфиродии шахс мухтасар ифода карда шудааст, лекин ҳалли масъала дар бораи он, ки ӯ ба амният таҳдид мекунад ё не дар салоҳияти мақомоти давлатӣ мебошад. Иҷозат барои баргардонии маҷбурӣ дар мавридҳои махсус принсипи барнагардониро инкор намекунад, балки меъёрҳои амалҳои озодонаи давлатҳоро нишон медиҳад.

Қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон ба меъёрҳои байналмилалӣ – ҳуқуқӣ пурра мувофиқат мекунад, ки дар онҳо принсипи барнагардонидан акси худро ёфтааст. Чунинчи, моддаи 14 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи гурезаҳо» аз соли 12002 бо тағйири иловаҳо аз 26.07.2014 с. пешбинӣ мекунад, ки «Шахсони паноҳҷӯянда, ки дар хусуси доништан дархост пешниҳод намуданд, гуреза доништа шудаанд, мақоми гурезаро аз даст додаанд, ё аз мақоми гуреза маҳрум шудаанд, ҳилофи иродаи онҳо ба қаламрави давлате, ки дар он ба ҳаёт ё озодии онҳо бинобар нишонаҳои наҷодӣ, этникии динӣ, шахрвандӣ, мансубият ба гурӯҳи муайяни иҷтимоӣ ё ақидаҳои сиёсӣ хатари таҳқиб таҳдид мекунад, баргардонидани намешаванд». Аз ин бармеояд, ки қонунгузории дохилӣ нисбати ин принсип ба стандартҳои байналмилалӣ бо пуррагӣ мувофиқат мекунад. Лекин, чихеле ки амалия нишон медиҳад ин гуна мувофиқат дар бисёр ҳолатҳо аз камбудихо ҳолӣ нест. Ин бо он асоснок карда мешавад, ки дар амалия аксарияти кишварҳо бо шартномаҳои дутарафа ва бисёртарафа оид ба боздод ва кӯмаки ҳуқуқӣ, ки дар ҳуҷҷатҳои гуногуни байналмилалӣ пешбинӣ шудааст, амал менамоянд. Масалан, дар соли 2012 Тоҷикистон шахрванди Қирғизистонро, ки мақоми гуреза дошт, бо дархости мақомоти ҳифзи ҳуқуқи Ҷумҳурии Қирғизистон баргардонидани дод, ки ин дар асоси Созишномаи ИДМ (Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил) оид ба расонидани кӯмаки ҳуқуқӣ гузаронида шуд [5].

#### Адабиёт:

1. Международное право. / Под ред. А.И. Микутьшина. М., 2005. - С. 30.
2. Руководство по международному праву беженцев. // Пособие для парламентариев № 2 / 201. Женева. 2005. - С. 90.
3. Руководство по процедурам и критериям определения статуса беженцев. УВКБ ООН. Женева, 1992. - С. 55.
4. Права человека и защита беженцев. Учебное пособие УВКБ ООН. Часть 1. Женева 1966. - С. 41.
5. Центральная Азия: соблюдение принципа невысылки беженцев. Рабочая группа неправительственных организаций по законодательству и защите беженцев. Бишкек. 2004 г.

**ЭЪЛОМИЯИ УМУМИИ ҲУҚУҚИ БАШАР ДАР НИЗОМИ САРЧАШМАҲОИ  
ҲУҚУҚИ БАЙНАЛМИЛАЛИИ ХУСУСӢ****ВСЕМИРНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОД-  
НОГО ЧАСТНОГО ПРАВА****Кодиров Н.А.,**

асистент кафедры международного права юридического факультета Таджикского национального университета.

E-mail: [master.nek@mail.ru](mailto:master.nek@mail.ru).**Научная специальность:** 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право**Научный руководитель:** Сулаймонов Ф.С., кандидат юридических наук, доцент**Рецензент:** Сафарзода Б.А., доктор юридических наук, профессор

*Аннотация.* В данной статье проводится научный сравнительно-правовой анализ всемирной Декларации и законодательства Республики Таджикистан. Автор показывает случай регулирования общественных отношений с иностранным элементом на основе всемирной Декларации и Конституции РТ.

*Ключевые слова:* декларация, международное право, система, источник, международное частное право.

**UNIVERSAL DECLARATION OF HUMAN RIGHT IN THE SYSTEM OF INTER-  
NATIONAL PRIVATE LAW****Qodirov.N.A.,**

Postgraduate student of the Department of International Law of the Law Faculty, Tajik National University.

E-mail: [master.nek@mail.ru](mailto:master.nek@mail.ru)**Scientific specialty:** 12.00.03 - civil law; entrepreneurial law; family law; private international law**Research supervisor:** Sulaimonov F. S., Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

*Annotation.* In this article it is analyzed the scientific comparative and legal analysis of the Universal Declaration on Human Rights and the legislation of Republic of Tajikistan. Author shows the cases of regulation of the public relation with foreign elements on the basis of Universal Declaration on Human Right and the Constitution of Republic of Tajikistan.

*Key words:* the declaration, international law, the system, source, international private law.

Сарчашмаҳои умумиэтирофшудаи ҳуқуқи байналмилалӣ хусусӣ заминаҳои асосии муносибатҳои байналмилалӣ-ҳуқуқӣ ба ҳисоб

мераванд. Чун қоида дар ҳуқуқи байналмилалӣ хусусӣ шарномаҳои байналмилалӣ, одатҳои байналмилалӣ, қонунгузори милли, амсолиаи судӣ,

дар баъзе аз давлатҳо бошад, ақидаи олимони ҳуқуқшинос (доктрина) ба ҳайси сарчашма пазируфта шудаанд. Бояд тазакурр дод, ки яке аз сарчашмаҳои муҳим ва ҳимоятгари ҳуқуқҳои инсон ва шахрванд дар низоми сарчашмаҳои ҳуқуқи байналмилалии хусусӣ ин Ёломиаи умумии ҳуқуқи башар мебошад. Аҳамияти таърихии ин Ёломиа дар он зоҳир мегардад, ки аввалин бор дар таърихи башарият санадҳои ёлоншудаи ҳимояи ҳуқуқи башар буданд, ба монанди Ёломиаи Куруши Кабир, Хартияи Бузурги озодии Англия [1. С. 72]. Вале ин Ёломиа мавқеи муҳим дорад. Дар Ёломиаи ҳуқуқи инсон ва шахрванди Фаронса ҳуқуқ ва усулҳои ҳуқуқие муқаррар шуда буданд, ки ба таҳкурсии асосҳои умумии мақоми шахсият, инчунин ба пуррагӣ ба асосҳои конституционализм дохил шудаанд. Ин усулҳои асосӣ, аз қабилӣ баробарии одамон, ҳислати табиӣ ва инкорнашаванда доштани ҳуқуқи инсон, соҳибхитиёрии халқ, волеияти қонун, ҳуқуқи инсон ба озодии шахсӣ ва дахлнопазирӣ, озодии вичдон ва изхори ақида ва ғ. дар шакли мураттабшуда ёлон карда шудаанд. Аммо дар замони муосир сарчашмаи дигари умумӣ-ҳуқуқӣ Ёломиаи умумии ҳуқуқи башар таҳия шудааст, ки тамоми паҳлуҳои ҳаёти инсонро фаро гирифтааст. Ин Ёломиа 10 декабри соли 1948 аз ҷониби Ассамблеяи Генералии СММ қабул шудааст. Ёломиа 48 давлат ҷонибдорӣ карданд, 8 давлат бетарафӣ изҳор намуданд ва ягон давлат муқобили ин санад овоз надод [2. С. 308]. Ба тамоми давлатҳои дунё тавсия гардид ва минбаъд дар принсипи асосии ҳуқуқи байналмилалӣ, яъне принсипи эҳтироми ҳуқуқу озодиҳои инсон аз 1-уми августи соли 1975 мустаҳкам карда шуд.

Ассамблеяи Генералӣ ин Ёломиаи умумии ҳуқуқи башарро ҳамчун вазифаи тамоми халқҳо ва тамоми давлатҳо ёлон медорад, то ҳар фард ва ҳар мақоми давлатӣ онро доиман дар назар дошта бошад ва ҷидду ҷаҳд намояд, ки тавассути омӯзишу таълим ва бо тадбирҳои пешрафтаи миллию

байналмилалӣ эътирофу иҷрои умумию самарабахши онҳоро ҳам дар миёни халқҳои давлатҳои узви Созмон ва ҳам дар миёни халқҳои қаламрави тахти тобеияти ҳуқуқии онҳо қарордошта, ба эҳтироми ин ҳуқуқу озодиҳо ва таъмини онҳо мусоидат намояд. Тамоми давлатҳо ва субъектҳои хоҷагидори онҳо дар фаъолияти ҳеш меъёрҳои Ёломиа ро пурра бонизом истифода менамоянд. Меъёрҳои Ёломиа дар Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун қонунгузории миллӣ ва сарчашмаи ҳуқуқи байналмилалии хусусӣ таҷассуми хешро ёфтаанд. Масалан, дар моддаи 3-и Ёломиаи ҳуқуқи башар чунин омадааст, ҳар як инсон ба ҳаёт, озоди ва дахлнопазирӣ шахсӣ ҳақ дорад [3]. Чунин истилоҳ дар моддаи 5-и Конститутсияи ҚТ оварда шудааст ҳаёт, қадр, номус ва дигар ҳуқуқҳои фитрии инсон дахлнопазиранд, ё ин ки моддаи 17-и Ёломиа ҳар як инсон ҳақ дорад амволро чи шахсан ва чи якҷоя бо дигарон ихтиёрдорӣ намояд. Муносибатҳои иқтисодӣ бошанд дар низоми муносибатҳои байнидавлатӣ дар мадди аввал меистанд. Ин муносибатҳо мутобиқи моддаи 12-и Конститутсия «давлат фаъолияти озоди иқтисодӣ, соҳибкорӣ ва ҳифзи ҳуқуқии ҳамаи шаклҳои моликият, аз ҷумла моликияти хусусиро қафолат медиҳад» [4]. Дар заминаи ин меъёр муносибатҳои иқтисодии хориҷии ҷумҳурӣ густариш ёфта истодааст. Аз як ҷониб маҷмӯи қонунгузорӣ дар ин ҷода қабул шуда истодааст, ки асоси ҳуқуқии ин ҷабҳаро ташкил медиҳад, аз ҷониби дигар субъектҳои хоҷагидори Ҷумҳурии Тоҷикистон имкон пайдо намудаанд, ки бо дигар шахсони ҳуқуқию воқеии давлатҳои хориҷӣ робитаи иқтисодӣ намоянд [5. С. 350]. Ин аст, ки ҷалби сармоягузории хориҷӣ авҷ гирифта истода, муносибатҳои тижоратии берунаи Тоҷикистон бо суръат пеш рафта истодааст. Гузашта аз ин, шартномаҳои гуногуни граждани-ҳуқуқӣ бо иштироки шахсони ҳуқуқию воқеии ватанӣ бо чунин субъектҳо аз хориҷи кишвар афзуда истодааст. Аз



лаҳзаи ба даст овардани истиқлолият, Ҷумҳурии Тоҷикистон садҳо шарномаҳои дучониба ва бисёрчониба дар баҳши муносибатҳои ҳуқуқӣ-хусусӣ ба имзо расонидааст.

Шартномаи байналмилалӣ ин созиши ду ва ё зиёда субъектони ҳуқуқи байналмилалӣ мебошад, ки дар натиҷа байни тарафҳо ҳуқуқ ва уҳдадориҳо ба вучуд меоянд [6. С. 69]. Дар шароити муосир нақши шартномаҳои байналмилалӣ дар танзими муносибатҳои ҳуқуқӣ-хусусӣ калон шуда истодааст; а) шартномаҳои байналмилалӣ нисбат ба қонунгузори милли бартарият доранд, ки муносибатҳои молумулкиро бо унсури хориҷӣ таъмин менамоянд; б) зарурати унификатсияи меъёрҳои моддӣ-ҳуқуқиро амалӣ менамоянд; в) тарақиёти иқтисодии давлатҳоро ба роҳ мемонанд; г) шартномаҳои байналмилалӣ асоси амалигардонии муносибатҳои дохилию хориҷӣ, инчунин танзими ҳуқуқи онҳо мегарданд.

Идомаи мантикии ин ҳуқуқ дар моддаи 32-и Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон дида мешавад, ки оварда шудааст: «Ҳар кас ҳақ дорад соҳиби моликият ва мерос бошад. Ҳеҷ кас ҳақ надорад ҳуқуқи шахсро ба моликият бекор ва маҳдуд кунад. Молу мулки шахсро барои эҳтиёҷоти ҷамъият фақат дар асоси қонун ва розигии соҳиби он бо пардохти арзиши пуррааш давлат гирифта метавонад».

Дар Конститутсия шаклҳои гуногуни моликият мустаҳкам шудаанд, ба монанди, хусусӣ ва давлатӣ, ки мазмуни онҳо дар Кодекси граждани ҚТ муқаррар гардидааст. Моликияти хусусӣ моликияти шахрвандон ё шахси ҳуқуқи ғайридавлатӣ ё иттиҳодияҳои онҳо мебошад (қ. 1 м. 237 КГҚТ) [7].

Ҳуқуқ ба меҳнат яке аз ҳуқуқҳои асосии иқтисодии инсон ба шумор меравад. Ҳанӯз соли 1948 Эълонияи умумии ҳуқуқи башар танзими меъёрии байналхалқии ҳуқуқ ба меҳнатро асос

гузоштааст. Танзими ҳуқуқҳои меҳнатӣ дар қонунгузори милли ба таври мушаххас амалӣ шудааст. Чунончи, моддаи 35-и Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон эълон мекунад: «Ҳар кас ба меҳнат, интиҳоби касбу кор, ҳифзи меҳнат ва ҳимояи иҷтимоӣ ҳангоми бекорӣ ҳақ дорад.

Ҳуқуқи иштирок дар ҳаёти фарҳангӣ дар низми ҳуқуқҳои инсон ҷойи муҳимро ишғол мекунад. Ҳуқуқҳои фарҳангӣ дар банди 1 моддаи 27 ЭУҲБ дар чунин шакл ифода ёфтааст: «Ҳар як инсон ҳуқуқ дорад дар ҳаёти фарҳангии ҷамъият озодона иштирок намояд, аз санъат баҳра барад, дар пешравии илмӣ иштирок намояд ва аз манфиатҳои он бархурдор бошад». Ҳар шахс ҳақ дорад озодона дар ҳаёти фарҳангии ҷамъият, эҷоди бадеӣ, илмӣ ва техникаӣ ширкат варзад, аз дастовардҳои онҳо истифода кунад (моддаи 40 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон).

Ҳуқуқ ба таъминоти иҷтимоӣ ҷиҳати муҳими давлати иҷтимоӣ - парастории инсонро инъикос мекунад, ки он низ дар шартномаҳои байналхалқӣ таҷассум ёфтааст. Чунончи, ЭУҲБ (қ. 1 моддаи 25) ҳуқуқ ба таъминоти иҷтимоиро эълон мекунад. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳуқуқи ҳар як касро ба таъминоти иҷтимоӣ эътироф мекунад ва ба зиммаи давлат уҳдадори ташкили чунин шароит, ки ба амалигардонии бемонесаи ин ҳуқуқҳо заруранд, гузоштааст. Номгуи асосҳои ҳуқуқӣ, ки мавҷудияти онҳо талаботи инсонро ба таъминоти иҷтимоӣ ба вучуд меорад, дар моддаи 39-и Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон пешбинӣ шудаанд. Умуман меъёрҳои ЭУҲБ ҳам дар санадҳои ҳуқуқи байналмилалӣ ва ҳам дар санадҳои дохилидавлатӣ ба сифати сарчашмаи ҳуқуқи байналмилалӣ хусусӣ таҷассуми бевоситаи худро ёфтаанд.

Адабиёт:

1. Конституцияи ҚТ аз 6 ноябри соли 1994, боби 2.
2. Кодекси граждании Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 30 июни соли 1999, № 803//Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, соли 1999, № 6, мод. 153, 154; соли 2001, № 7, мод. 508; соли 2002, № 4, қ-1, мод. 170; соли 2005, №3, мод. 125; соли 2006, №4, мод. 193; соли 2007, №5, мод.356; соли 2010, №3 ,мод.156; №12, қ1, мод. 802; ҚҚТ аз 03.07.2012с., №850, ҚҚТаз 28.12.12 №928; ҚҚТ аз 22.07.2013с. №976.
3. Кодиров Н.А. Система источников международного частного права в Республике Таджикистан. // Таджикистанский ежегодник международного публичного и частного права. 2016. Душанбе, Издательство «Эр-граф», 2016.
4. Менглиев Ш. Международное частное право. Душанбе: Типография Таджикского национального университета, 2013.
5. Раҷабов С.А., Фарҳанги ҳуқуқи байналмилалӣ. - Душанбе: Дониш, 2012. - С.308
6. Саъдизода Қ. Файзизода Н. Ёълумияи Куруши Кабир ва Хартияи Бузурги Озодӣ: монандӣ ва тафовут// Правовая жизнь " 2015, № 2 (10).
7. Ёълумия умумии ҳуқуқи башар 10 декабри 1948 с.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ.  
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО**

**МАҚОМОТИ ҲАМОҲАНГСОЗАНДАИ ПАЛАТАҲОИ МАҶЛИСИ ОЛӢ ВА  
НАҚШИ ОНҲО ДАР ТАШКИЛИ КОРИ ПАРЛУМОН**

**КООРДИНАЦИОННЫЕ ОРГАНЫ ПАЛАТ МАДЖЛИСИ ОЛИ И ИХ РОЛЬ В  
ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ПАРЛАМЕНТА**

**Имомов А.И.,**

доцент кафедры конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук.

E-mail: [imomov39@mail.ru](mailto:imomov39@mail.ru).

**Научная специальность:** 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

**Рецензент:** Диноршоев Азиз Мусоевич, доктор юридических наук, профессор

*Аннотация.* Парламент в соответствии с представительным составом, структурой, формой своей деятельности является коллегиальным органом. Он состоит из различных подразделений, имеющих различное функциональное предназначение. Это обстоятельство обязывает парламент объявить одно из своих подразделений координирующим органом. Таким координационным органом Маджлиси Оли являются Совет Маджлиси милли и Совет Маджлиси намояндагон.

*Ключевые слова:* координационные органы, Маджлиси Оли, Совет Маджлиси милли, Совет Маджлиси намояндагон, комитеты, комиссии, сессии, заседания, регламент.

**COORDINATION BODIES OF THE CHAMBERS OF THE MAJLISY OLI AND THEIR  
ROLE IN THE ORGANIZATION OF THE PARLIAMENT'S WORK**

**Imomov A.I.,**

Assistance Professor of the Department of Constitutional Law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legal Sciences.

E-mail: [imomov39@mail.ru](mailto:imomov39@mail.ru)

**Scientific specialty:** 12.00.02 — Constitutional law; constitutional proceeding; municipal law

**Reviewer:** Dinorshoev Aziz Musoevich, Doctor of Legal Sciences, Professor

*Annotation.* Parliament in accordance with the representative composition, structure, form of its activities is a collegial body. It consists of different units having a functional purpose. This circumstance obliges the parliament to declare one of its units a coordinating body. Such coordination body of the Majlisi Oli is the Council of the Majlisi milli and the Council of the Majlisi Namoyandagon.

*Key words:* coordinating bodies, Majlisi Oli, Council of the Majlisi Milli, Council of the Majlisi Namoyandagon, committees, commissions, sessions, meetings, regulations.

Парлумон мақомоти олии намо-яндагӣ, қонунгузорӣ ва назоратие мебошад, ки сохтори мураккаб дошта, аз ниҳодҳои гуногуни вобаста ба амалӣ намудани шаклҳои ташкилӣ - ҳуқуқии фаъолият, ба иҷро расонидани салоҳият ва таъмини назорати иҷроӣ қонунҳо ва қарорҳо иборат мебошад. Ҳар як ниҳоди мазкур дар самти муайяни фаъолияти парлумон амал карда, шароити мувофиқро барои иҷроӣ ваколатҳои парлумон ва палатаҳои он муҳайё месозанд. Кори муназзами ҳамаи онҳо дар маҷмӯъ самаранокӣ фаъолияти парлумонро таъмин менамоянд [7; 8; 16. С. 249-301]. Вале дар муайянсозии аз тарафи кадом сохтори парлумонӣ амалӣ намудани ин ё он функцияи ташкилии парлумон ва палатаҳои он муносибат дар таҷрибаи парлумонии давлатҳо гуногун аст.

Дар таҷрибаи фаъолияти парлумонии давлатҳои хориҷӣ яке аз чунин ниҳодҳо, ки барои ҳамоҳангсозии сохторҳои парлумонӣ (палатаҳо, кумитаҳо, комиссияҳо, фраксияҳо, гурӯҳҳои вакилон) ташкил карда мешавад, Раёсат, Шӯро, Бюро ва ба ин монанд ниҳоди парлумонӣ мебошад. Дар бештари давлатҳо парлумон махсус мақомоти ҳамоҳангсозӣ надорад ва вазифаи мазкурро Раиси парлумон ё палатаҳо ва муовинони онҳо ба иҷро мерасонанд (Молдова, Туркменистон, Эстония, Чехия, ҚФР ва ғайра).

Вазифаҳои мазкур дар таҷрибаи парлумони чанде давлатҳои хориҷӣ тавассути раёсати парлумон (Ҷумҳурии Латвия, Ҷумҳурии Ислонд Эрон, Туркия), раис ва бюрои палатаҳо (Гурҷистон, Италия, Руминия) амалӣ карда мешаванд. Вазъи ҳуқуқӣ-конститутсионии онҳо ба ҳам монанд ва ё фарқ дошта метавонанд. Дар парлумони баъзе давлатҳо иҷроӣ функцияи мазкур ба уҳдаи мақомоти олии ҳокимияти давлатӣ дар байни иҷлосияҳои парлумон гузошта шудааст. Чунин мақомот бештар вақт Раёсат ва ё Шӯрои давлатӣ номида мешавад. Масалан, Раёсати Маҷлиси Бузурги Миллии Туркия, Раёсати Сейми Ҷумҳурии Латвия, Раёсати Маҷлиси Шӯрои Ислонд Эрон. Мақомоти доимии Маҷлиси Умумихитоии

Намояндагони халқ Кумитаи доимии он, мақомоти доимии Маҷлиси Олии Халқи ҚХД Корея Шӯрои доимии он мебошад. Собиқ Раёсати Шӯрои Олии ИҚШС ва Раёсати Шӯрои Олии ҷумҳуриҳои иттифоқӣ ва мухторӣ аз ҳамин қабил мақомот буданд, ки дар наздашон дастгоҳи ҳамоҳангсозандаи фаъолияти Шӯрои Олӣ ва сохторҳои онҳо амал мекарданд [8; 11; 12; 17]. Одатан, доираи ваколатҳои Раёсати парлумон дар Конститутсия ва қонун дар бораи парлумон муқаррар карда мешаванд.

Раёсати парлумонӣ аз тарафи парлумон таъсис ёфта, дар назди парлумон аз кори худ ҳисоботдиҳанда мебошад ва парлумон ҳар вақт метавонад фаъолияти онро қатъ намуда, онро аз нав интихоб намояд. Бо вучуди ин Раёсати парлумонӣ дар баъзе мамлакатҳо вазифаи мақомоти олии ҳокимияти давлатиро ба иҷро мерасонад. Онҳо барои иҷроӣ ваколатҳои худ сохтори таркибӣ доранд, ки барои иҷроӣ ин ё он соҳаи фаъолиятшон таъсис медиҳанд. Раёсати парлумонӣ одатан дар низомии мақомоти ҳокимияти давлатӣ ҷойи махсус доранд ва мақомоти дуҷуми олии ҳокимияти давлатӣ ба ҳисоб мераванд. Ҳамчун қоида, Раёсати парлумонӣ бештар дар назди парлумони якпалатагӣ таъсис дода мешавад.

Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон мувофиқи Конститутсияи с.1994 дар таҳрири с.1999 Маҷлиси миллий ва Маҷлиси намо-яндагон мақомоти ҳамоҳангсозандаи ҳудро мустақилона таъсис медиҳанд. Мақомоти ҳамоҳангсозандаи палатаҳои Маҷлиси Олӣ дар алоҳидагӣ ҷаласа мегузаронанд (моддаи 53). Баробари ин дар Конститутсия номи мақомоти мазкур, тартиби таъсисёбӣ ва доираи салоҳияти он муайян карда нашудааст. Масъалаи мазкур тавассути Қонуни конститутсионӣ «Дар бораи Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон» ва Дастури ҷаласаҳои якҷояи Маҷлиси миллий ва Маҷлиси намо-яндагон, Дастури Маҷлиси миллий ва Дастури Маҷлиси намо-яндагон ҳалли ҳудро ёфтааст [1-5; 13].

Дар Қонуни конститутсионии номбурда мақомоти мазкур Шӯрои Маҷлиси миллий ва Шӯрои Маҷлиси намо-яндагон номида шудааст. Муқаррар карда шуда-

аст, ки Шӯрои Маҷлиси миллий ва Шӯрои Маҷлиси намояндагон мақомоти ҳамоҳангсозанда, ҳисоботдиҳандаи палатаҳо буда, мутобиқи Конститутсия, қонуни конституционӣ ва дастури палатаҳо ғайриқонунӣ менамоянд (моддаҳои 24 ва 44). Муқаррар карда шудааст, ки барои ташкили кори Маҷлиси намояндагон аз ҳисоби вакилони палата раис ва муовинони ӯ, раисони кумитаҳо ва комиссияҳои палата Шӯрои Маҷлиси намояндагон таъсис меёбад.

Ба ҳайати Шӯрои палатаҳо раис, муовинони онҳо, раисони кумитаҳо ва комиссияҳои палатаҳо дохил мешаванд. Илова ба ин муқаррар карда шудааст, ки Маҷлиси намояндагон метавонад ба ҳайати Шӯрои палата вакилони дигарро низ интихоб намояд.

Ба кори Шӯрои палатаҳо раисони палатаҳо сарвари менамоянд. Ба қарори онҳо имзо мегузоранд.

Чаласаҳои Шӯрои палатаҳо қисми таркибии иҷлосияҳои палата мебошанд. Чаласаҳои Шӯрои палатаҳоро раисони палатаҳо аз рӯи зарурат даъват менамоянд. Чаласаҳои палатаҳо дар сурати ҳозир будани зиёда аз нисфи ҳайати умумии Шӯро босалоҳият доништа мешавад. Дар чаласаҳои Шӯрои палатаҳо мушовири Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон дар палатаҳои Маҷлиси Олӣ, намояндагони субъектҳои ҳуқуқи ташаббуси қонунгузорӣ вобаста ба лоиҳаи қонунҳо ва тақлифҳои қонунгузори пешниҳод кардаашон, шахсони масъули Дастгоҳи палатаҳо ва дигар шахсони даъватшуда иштирок карда метавонанд. Аъзои Маҷлиси миллий ва вакили Маҷлиси намояндагон ҳуқуқ доранд дар чаласаҳои палатаҳо иштирок намоянд.

Шӯрои палатаҳо дар доираи салоҳияти худ қарор қабул мекунанд. Қарори Шӯро бо тарафдорӣ аксарияти шумораи ҳайаташон қабул карда мешаванд. Қарорҳои Шӯрои палатаҳо, ки ба Конститутсия, қонунҳо ва қарорҳои палата мухолифат менамоянд, палата бекор карда метавонад.

Мувофиқи Қонуни конституционӣ «Дар бораи Маҷлиси Олии ҶТ» вобаста ба ташкили кори палата, мураттабсозии

ғайриқонунӣ кумита ва комиссияҳо, ташкили робитаҳои байнипарлумонӣ ва пешакӣ баррасӣ намудани лоиҳаи қонунҳо Шӯрои палатаҳо салоҳияти васеъ доранд. Тартиби танзими намудани ваколатҳои палатаҳои Маҷлиси Олӣ дар Дастури палатаҳо муқаррар карда шудаанд.

Мувофиқи моддаи 28 Қонуни конституционӣ «Дар бораи Маҷлиси Олии ҶТ» Шӯрои Маҷлиси миллий ба кори ташкили тайёрии гузаронидани чаласаҳои якҷояи Маҷлиси миллий ва Маҷлиси намояндагон, иҷлосияҳои онҳо роҳбарӣ мекунад, масъалаҳои баррасишаванда ва тартиби кори чаласаҳои якҷояи ҳарду палатаҳоро Шӯрои палатаҳо баррасӣ менамоянд.

Тақлиф дар бораи ворид намудани тағйирот ба тақвими баррасии масъалаҳо қаблан аз тарафи кумитаҳо, комиссияҳо, фраксия, гурӯҳи вакилон ё вакилони алоҳидаи Маҷлиси намояндагон дар шакли хаттӣ ба Шӯрои Маҷлиси намояндагон пешниҳод карда мешавад. Шӯрои Маҷлиси намояндагон дар бораи ворид намудани тағйирот ба тақвими баррасии масъалаҳо ё дар бораи баргарадонидаи пешниҳод қарор қабул мекунад. Дар сурате, ки дар чаласаи Маҷлиси намояндагон рӯзномаи пешбинишуда пурра баррасӣ нашуда бошад, Шӯрои Маҷлиси намояндагон ҳангоми таҳияи лоиҳаи тартиби кори чаласаи минбаъдаи Маҷлиси намояндагон масъалаҳои мазкурро дар навбати аввал тибқи муқаррароти бандҳои 182-184, 186 ва 187 Дастури Маҷлиси намояндагон ба рӯзнома ворид менамояд.

Мувофиқи моддаи 66 Дастури Маҷлиси миллий ваколатҳои Маҷлиси маҳаллии вакилони халқ бо пешниҳоди Шӯрои Маҷлиси миллий аз ҷониби Маҷлиси миллий қатъ мегарданд.

Шӯрои палатаҳои Маҷлиси Олӣ ташкили тайёрии чаласаҳои палата, таҳияи лоиҳаи рӯзнома ва тартиби кори чаласаҳои палатаро мураттаб месозанд. Масъалаҳои даъват намудани чаласаҳои навбатӣ ва ғайринавбатии палатаҳоро бо пешниҳоди раисони палатаҳо, кумитаҳо, комиссияҳои палатаҳо ва аз се як ҳиссаи шумораи умумии аъзои Маҷлиси миллий



ва вакилони Маҷлиси намояндагон баррасӣ менамоянд.

Шӯрои палатаҳо фаъолияти кумита ва комиссияҳои палатаро мураттаб месозанд. Кумитаи масъулро, ки лоиҳаи қонуни аз ҷониби субъекти ҳуқуқи ташаббуси қонунгузорӣ ба Маҷлиси намояндагон пешниҳодшударо барои баррасӣ дар палата омода месозад, муайян менамояд.

Шӯрои Маҷлиси намояндагон лоиҳаи қонун ва маводи ба он вобаста, ки кумитаи масъули Маҷлиси намояндагон барои баррасии палата тайёр кардааст, ба Президент ва Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон, субъекти ҳуқуқи ташаббуси қонунгузорӣ, ки лоиҳаи қонуни мазкурро ба палата пешниҳод намудааст ва вакилони Маҷлиси намояндагон дар муҳлатҳои муқарраркардаи Дастури палата мефиристонад. Лоиҳаи қонуни пешниҳодкардаи субъекти ҳуқуқи ташаббуси қонунгузорӣ дар сурати муҳолифати он ба муқаррароти Конституция, Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ», [1-5; 13] дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ ва Дастури Маҷлиси намояндагон пас мегардонад.

Шӯрои палатаҳо ҳамкориҳои байни палатаҳо ро таъмин менамоянд. Ҳамчунин Шӯрои Маҷлиси миллий банақшагирии қорҳои вобаста ба фаъолияти Маҷлиси миллиро ташкил мекунад. Шӯрои Маҷлиси намояндагон бошад банақшагирии қорҳои марбут ба тартиб додани лоиҳаи қонунҳо, пешакӣ баррасӣ намудани лоиҳаи қонунҳо ва дигар санадҳо ро роҳ мемонад.

Шӯрои Маҷлиси миллий баррасии пешакии лоиҳаи қонунҳое, ки Маҷлиси намояндагон қабул кардааст ва дигар санадҳо ро амалӣ мекунад.

Шӯрои Маҷлиси намояндагон экспертизаи ҳуқуқӣ, забонӣ ва зиддикоррупсионии санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ ё лоиҳаи ҷунин санадҳо ро таъин мекунад. Субъектҳое, ки экспертизаро мегузаронанд ва муҳлати гузаронидани онҳо, фиришонидани маводи зарурӣ барои гузаронидани экспертизаро муайян мекунад.

Шӯрои палатаҳо таҳлили таклифу эродҳои аъзои Маҷлиси миллий ва ваки-

лони Маҷлиси намояндагонро, ки дар иҷлосияҳои палатаҳо баён кардаанд ва аз рӯи онҳо қабул намудани қарорҳои дахлдорро ба роҳ мемонанд. Онҳо робитаҳои байнипарлумонии палатаҳо ро ташкил мекунад. Назорати иҷроии қарорҳои палатаро таъмин менамоянд. Ба амал баровардани ваколатҳои вобаста ба қори палатаҳо ва аз ҷониби аъзо ва вакилони онҳо самарабахш ба ҷо овардани ваколатҳое, ки Конституция, Қонуни конституционӣ ва Дастури палатаҳо муайян намудаанд, таъмин мекунад.

Ҳамчунин Шӯрои Маҷлиси намояндагон ваколатдор аст, ки комиссияҳо аз рӯи масъалаҳое, ки ба салоҳияташ мансуб аст, созмон диҳад.

Ваколатҳои Шӯрои палатаҳои Маҷлиси Олӣ, ки дар қонуни конституционӣ муқаррар карда шудааст, дар боби 3 Дастури Маҷлиси миллий ва боби 2 Дастури Маҷлиси намояндагон муфассал танзим карда шудааст. Дар онҳо роҳҳои татбиқи меъёрҳои дар қонуни конституционӣ муайян карда шуда ва баъзе ҳолатҳои дигар муайян карда шудаанд.

Оид ба омода кардани лоиҳаи қонунҳои аз ҷониби субъектҳои ҳуқуқи ташаббуси қонунгузорӣ пешниҳодшуда ба Маҷлиси намояндагон, Шӯрои палата ваколатҳои васеъ дорад. Дар сурати лоиҳаи қонуни пешниҳодшуда ба Конституция, Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ», дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ ва Дастури палата муҳолифат доштан Шӯрои палата онро пас мегардонад.

Дар татбиқи қарори Маҷлиси намояндагон дар бораи банақшагирии ва гузаронидани муҳокимаҳои парламентӣ аз тарафи палата ва кумитаҳои он, қарори дахлдор оид ба пешниҳоду эродҳои вакилон, ки дар ҷаласаҳои Маҷлиси намояндагон изҳор карда шудаанд, нақши Шӯрои палата хеле қалон аст.

Шӯрои Маҷлиси намояндагон ҳисоботи вазоратҳо, кумитаҳои давлатӣ, идораҳо ва дигар мақомоти давлатиро бо мақсади назорати иҷроии буҷаи давлатӣ ташкил менамояд.

Шӯрои палатаҳои Маҷлиси Олӣ фаъолияти Ҳамоҳангсозии байни якдигар, кумитаҳо ва комиссияҳоро анҷом медиҳанд. Қорҳои марбут ба фаъолияти палатаҳоро ба нақша мегиранд. Онҳо дар робита ва ҳамкорӣ бо Дастгоҳи иҷроияи Президент ва Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон фаъолият намуда, лоиҳаи қонун ва маводи ба он вобаста, ки кумитаи масъули Маҷлиси намояндагон барои баррасии палата тайёр кардааст, ба Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон, субъекти ҳуқуқи ташаббуси қонунгузорӣ, ки лоиҳаи мазкурро ба Маҷлиси намояндагон пешниҳод намудааст ва вакилон дар муҳлатҳои муқаррар кардаи Дастури палата мефиристонанд.

Шӯрои палатаҳо дар робита бо Комиссияи оид ба одоби аъзои Маҷлиси миллӣ ва Комиссияи оид ба одоби вакилони Маҷлиси намояндагон ба сатҳи иҷрои талаботи Қоидаҳои одоби аъзо ва вакилон дар ҷаласаҳои палата гузориши Комиссияи мазкурро мешунаванд ва қарори дахлдор қабул менамоянд. Оид ба пешниҳоди Прокурори генералӣ дар бораи аз ҳуқуқи дахлнопазирӣ маҳрум кардани вакили Маҷлиси намояндагон гузориши Комиссияи мазкур дар ҷаласаи Шӯрои Маҷлиси намояндагон баррасӣ шуда, дар хусуси ба ҷаласаи Маҷлиси намояндагон тавсия кардани қарори дахлдор қабул карда мешавад.

Аз номи фраксия ва гурӯҳҳои вакилон раисони онҳо метавонанд дар ҷаласаҳои Шӯрои Маҷлиси намояндагон иштирок намоянд ва ба лоиҳаи рӯзномаи ҷаласаи навбатӣ ва минбаъдаи Маҷлиси намояндагон пешниҳодҳо ирсол намоянд. Фраксия ва гурӯҳҳои вакилон метавонанд аз қарорҳои худ раиси палата, Шӯрои палата ва Комиссияи оид ба назорати Дастури палата ва ташкили кори палатаро огоҳ созанд.

Дастгоҳи Маҷлиси намояндагон масъалаҳои таъмини ташкилӣ, ҳуқуқӣ, коргузорӣ, таҳлилӣ, иттилоотӣ, молиявӣ, моддию техникӣ, иҷтимоию маишӣ фаъолияти Шӯрои Маҷлиси намояндагонро амалӣ менамояд. Ҷаласаи ғайринавбатии Маҷлиси намояндагон аз тара-

фи Шӯрои палата мутобиқи муқаррароти зербанди «б» банди 53 Дастури палата даъват карда мешавад.

Шӯрои Маҷлиси миллӣ дар хусуси гузаронидани муҳокимаҳои парлумонӣ қарор қабул мекунад.

Шӯрои Маҷлиси намояндагон ташкил ва гузаронидани муҳокимаҳои парлумонии палатаро баргузор менамояд. Масъалаҳои баргузор кардани муҳокимаҳои парлумонӣ бо супориши Шӯрои Маҷлиси намояндагон аз тарафи кумита ва комиссияҳои дахлдор, инчунин шӯбаҳои масъули Дастгоҳи палата таъмин карда мешаванд. Масъалаи гузаронидан, ҷой ва вақти гузаронидани муҳокимаҳои парлумонӣ бо қарори Шӯрои Маҷлиси намояндагон муайян карда мешавад. Бо қарори Шӯрои Маҷлиси намояндагон мумкин аст муҳокимаи парлумонии пӯшида гузаронида шавад.

Нақши Шӯрои Маҷлиси намояндагон дар пешниҳод намудани лоиҳаи қонунҳо ва дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ ба Маҷлиси намояндагон ва тайёр намудани онҳо барои баррасии палата хеле калон аст. Лоиҳаи қонунҳоеро, ки ҳароҷоти аз ҳисоби маблағи буҷаи давлатӣ ҷуброншавандаро пешбинӣ менамоянд, ба истиснои лоиҳаи қонунҳо, ки Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон пешниҳод меkunанд, Шӯрои Маҷлиси намояндагон якҷоя бо маводе, ки лоиҳаи қонунро аз ҷиҳати молиявӣ иқтисодӣ асоснок менамоянд, ба Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон мефиристонад. Ҳукумат дар муҳлати муайяннамудаи Шӯрои Маҷлиси намояндагон, вале на дертар аз се моҳ ҳулосаи худро ба Маҷлиси намояндагон пешниҳод мекунад.

Шӯбаи ҳуқуқии Дастгоҳи Маҷлиси намояндагон мувофиқати лоиҳаи қонунро ба талаботи Дастури палата муайян менамояд ва дар давоми 14 рӯз онро ба баррасии Шӯрои Маҷлиси намояндагон пешниҳод мекунад. Дар ҳолати ба талаботи моддаи 58 Конститутсия ва бандҳои 291-297 Дастури Маҷлиси намояндагон мувофиқат накардан, Шӯрои Маҷлиси намояндагон лоиҳаи қонун ва ё

таклифҳои қонунгузорино бармегардонанд.

Агар лоиҳаи қонун дар давраи байни иҷлосияҳои Маҷлиси намояндагон пешниҳод шуда бошад, онро шӯбаи ҳуқуқи Дастгоҳи палата ба баррасии ҷаласаи навбатии Шӯрои Маҷлиси намояндагон пешниҳод мекунад. Лоиҳаи қонунҳо ва таклифҳои қонунгузорӣ, ки ба Маҷлиси намояндагон ворид гардидаанд, аз тарафи Шӯрои Маҷлиси намояндагон ба кумитаҳои палата ва ё мақомоти дигари палата барои баррасии пешакӣ, додани ҳулоса ва тайёр кардани масъала барои баррасӣ дар ҷаласаи Шӯрои палата фиристонида мешаванд. Инчунин Шӯрои Маҷлиси намояндагон метавонад лоиҳаҳои қонунҳо ва қарорҳое, ки ба Маҷлиси намояндагон пешниҳод гардидаанд, барои додани ҳулосаи яқоя ба ҷаласаҳои яқояи кумитаҳои палата бо муайян намудани кумитаи масъул супорад.

Шӯрои Маҷлиси намояндагон ё кумитаи масъул метавонанд барои тайёр намудани лоиҳаи қонун қарорҳои шӯбаҳои дахлдори Дастгоҳи Маҷлиси намояндагонро ҷалб намоянд. Шӯро кумитаи масъули Маҷлиси намояндагон, шӯбаи ҳуқуқи Дастгоҳи палатаро вазифадор месозад, ки дар муҳлати муқарраршуда санҷиши мутобикати лоиҳаи қонунро ба Конститутсия, қонунҳо ва дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ гузаронад.

Бо супориши Шӯрои Маҷлиси намояндагон шӯбаи ҳуқуқӣ Дастгоҳи палата ба лоиҳаи санади меъёрии ҳуқуқие, ки ба палата пешниҳод шудааст, ҳулосаи ҳуқуқӣ медиҳад, ки он маълумотҳои муфассалро оид ба лоиҳаи санади пешниҳодшуда, ки дар банди 320 Дастури Маҷлиси намояндагон пешбинӣ шудааст, дарбар мегирад. Лоиҳаи қонун ва ҳуҷҷатҳои вобаста ба он ки кумитаи масъул барои баррасии омода намудааст, аз ҷониби роҳбари палата, ки сарпарастии кумитаи масъул мебошад, ба баррасии Шӯрои Маҷлиси намояндагон пешниҳод мешавад. Ҳуҷҷатҳои мазкур, ки кумитаи масъул ба Шӯрои Маҷлиси намояндагон пешниҳод мекунад, дар бандҳои 291-297 ва банди 327 муайян карда шудаанд. Бо

пешниҳоди кумитаи масъули Маҷлиси намояндагон Шӯрои палата маърузачиро аз рӯи лоиҳаи қонун ва маърузачии иловагиро аз кумитаи масъул муайян мекунад.

Шӯрои Маҷлиси намояндагон оид ба баррасии лоиҳаи қонунҳо ва дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ ва қабули онҳо дар Маҷлиси намояндагон вазифаҳои дар боби 11 Дастури палата пешбинишударо ба иҷро мерасонанд. Ҳуҷҷатҳои вобаста ба лоиҳаи қонун, ки барои қироати яқум баррасӣ шудан омода гардидааст, бо пешниҳоди кумитаи масъули Маҷлиси намояндагон, камаш се рӯз пеш аз баррасӣ шуданаш дар ҷаласаи Маҷлиси намояндагон ба Президент, Ҳукумати ҚТ, вакилони палата ва дигар субъектҳои ҳуқуқи ташаббуси қонунгузорӣ, ки лоиҳаи қонунро пешниҳод кардааст мефиристонанд.

Кумитаи масъули Маҷлиси намояндагон лоиҳаи қонунро, ки барои баррасӣ дар қироати дуюм тайёр шудааст, инчунин ҷадвали тағйиру иловаҳои ба матни лоиҳаи қонун пешниҳодшударо, ки кумитаи масъули палата қабул нашуданашонро тавсия намудааст, ба Шӯрои палата пешниҳод менамояд. Дар сурати зарурат, Шӯрои Маҷлиси намояндагон ё кумитаи масъули палата ба зиммаи мақомоти ваколатдори давлатӣ гузаронидани экспертизаи ҳуқуқӣ, забонӣ ва зиддикоррупсионии лоиҳаи қонунро вогузор менамояд, ки он уҳдадор аст дар муҳлати муқарраршуда экспертизаи таъиншударо гузаронад ва доир ба он ҳулосаи асоснок пешниҳод намояд.

Кумитаи масъули Маҷлиси намояндагон ба Шӯрои палата барои дар қироати дуюм баррасӣ намудани лоиҳаи қонун ҳуҷҷатҳоеро, ки дар банди 354 Дастури Маҷлиси намояндагон номбар шудаанд, мефиристонанд. Шӯрои Маҷлиси намояндагон қарор қабул мекунад ва лоиҳаи қонуне, ки барои баррасӣ дар қироати дуюм тайёр шудааст, ба тақвими баррасии масъалаҳои Маҷлиси намояндагон дохил карда, онро ба субъектҳои дар банди 331 Дастури палата пешбинишуда мефиристонанд ва маърузачии пешниҳодкардаи кумитаи масъули Маҷлиси

намояндагонро аз рӯи лоиҳаи қонун тасдиқ менамояд.

Шӯрои Маҷлиси миллӣ қонунҳои қабулкардаи Маҷлиси намояндагон ва дигар санадҳоро пешакӣ баррасӣ менамояд. Таклифу эродҳои аъзои Маҷлиси миллиро, ки дар иҷлосияҳо баён ёфтаанд, баррасӣ мекунад. Дар ташкили баррасии тақрории қонунҳое, ки Маҷлиси миллӣ ҷонибдорӣ накардааст Шӯрои Маҷлиси намояндагон нақши фаъол дошта, қонуни мазкурро барои тайёр кардани хулоса ба кумитаи масъул медиҳад. Протоколи комиссияи созиш ва ҷадвали муқоисавӣ, инчунин лоиҳаи қарори Маҷлиси намояндагон, ки ба онҳо ҳам раиси комиссияи созиш аз Маҷлиси намояндагон имзо гузоштааст ва матни қонун дар таҳрири пешниҳоднамудаи комиссияи созиш ба баррасии Шӯрои Маҷлиси намояндагон пешниҳод карда мешаванд.

Ҳамчунин Шӯрои Маҷлиси намояндагон дар баррасии тақрории қонунҳое, ки Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон баргардонидаст, ҳисса дорад ва онро барои тайёр кардани хулоса ба кумитаи масъул медиҳад. Шӯрои Маҷлиси намояндагон баъд аз гирифтани хулосаи кумитаи масъули Маҷлиси намояндагон масъалаи тақроран бенавбат баррасӣ шудани қонунро ба тақвими баррасии масъалаҳо ба Маҷлиси намояндагон ворид мекунад.

Оид ба тафсири Конститутсия ва санадҳои қонунгузорӣ дархостҳоро Шӯрои Маҷлиси намояндагон ба кумитаҳои дахлдори палата барои баррасӣ мефиристонад. Кумитаҳои мазкур дархостро дар ин хусус баррасӣ намуда, оид ба дастгирӣ намудан ва ё рад кардани он хулоса медиҳанд. Дар сурати аз тарафи кумитаҳои дахлдори Маҷлиси намояндагон дастгирӣ ёфтани пешниҳод, ба Шӯрои Маҷлиси намояндагон лоиҳаи қонуни конститутсионӣ дар бораи тафсири Конститутсия, лоиҳаи қарори Маҷлиси намояндагон оид ба тафсири санади қонунгузории ҚТ низ пешниҳод мегарданд. Шӯрои Маҷлиси намояндагон лоиҳаи Қонуни конститутсиониро оид ба тафсири Конститутсия ба субъектони ҳуқуқи ташаббуси қонунгузорӣ барои пешниҳоди хулоса мефиристонад.

Лоиҳаи қарори Маҷлиси намояндагон ро оид ба тафсири дигар санадҳои қонунгузорӣ барои пешниҳоди хулоса ба кумитаҳои палата ва дигар мақомоти дахлдор мефиристонад.

Ҳамчунин Шӯрои Маҷлиси намояндагон лоиҳаи қонуни бучаи давлатии Тоҷикистонро, ки Ҳукумат пешниҳод кардааст, барои хулоса ба кумитаи масъул, кумитаҳои палата ва шӯбаи ҳуқуқии Дастгоҳи палата месупорад. Кумитаи масъули Маҷлиси намояндагон дар муҳлати муқарраршуда аз рӯи лоиҳаи қонуни бучаи давлатии ҚТ хулоса тайёр намуда, онро ҳамроҳи лоиҳаи қонун ба Маҷлиси намояндагон пешниҳод менамояд.

Шӯрои Маҷлиси намояндагон барномаи иҷтимоию иқтисодии Ҷумҳурии Тоҷикистон ро, ки аз Ҳукумат ворид шудааст, ба кумитаҳои палата барои пешниҳоди хулоса супорида, кумитаи масъулро муайян мекунад. Ҳуҷҷатҳои додугирифти қарзи давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон ро, ки Ҳукумати ҷумҳурӣ пешниҳод кардааст, Шӯрои Маҷлиси намояндагон барои баррасӣ ба кумитаҳои дахлдори палата медиҳад, ки он хулоса ва лоиҳаи қарори дахлдори Маҷлиси намояндагонро тайёр менамояд. Минбаъд Шӯрои Маҷлиси намояндагон лоиҳаи зикргардидаро ба кумитаҳои дигари палата ва шӯбаи ҳуқуқии Дастгоҳи палата барои пешниҳод намудани хулосаҳо медиҳад. Кумитаи масъули Маҷлиси намояндагон пешниҳоди онҳоро ҷамъбаст намуда, ба Шӯрои палата хулосаю пешниҳодҳои мувофиқашударо ирсол менамояд. Шӯрои Маҷлиси намояндагон хулосаро ба Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон камаш се рӯз пеш аз баррасии масъала дар ҷаласаи палата мефиристонад.

Шӯрои Маҷлиси миллӣ робитаҳои байнипарлумонии Маҷлиси миллиро ташкил менамояд. Гуфтан кифоя аст, ки ҳанӯз дар таҷриба фаъолияти Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон - парламенти давлати яқум бо тавсияи Шӯрои палата, Маҷлиси намояндагон 160 санадҳо ва қарордодҳои байналмилалиро маъқул дониста, қарорҳои дахлдор қабул кард [6; 14; 18].



Шӯрои палатаҳо назорати иҷрои қарорҳои палатаи дахлдорро таъмин менамоянд.

Мувофиқи Қонуни конституционӣ «Дар бораи вазъи ҳуқуқии узви Маҷлиси миллӣ ва вакили Маҷлиси намояндагони Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон» назорати баррасӣ ва амали намудани таклифҳо ва фикру мулоҳизаҳои узви Маҷлиси миллӣ ва вакили Маҷлиси намояндагон аз тарафи кумитаҳо, комиссияҳо, Шӯрои палатаҳо сурат мегирад [1-5; 13].

Шӯрои Маҷлиси намояндагон дар баррасии масъалаҳои гуногуни ваколатҳои палата ҳиссаи калон дорад. Масъаларо дар бораи шартномаи байналмилалӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон ба лоиҳаи рӯзномаи Маҷлиси намояндагон ворид менамояд. Мувофиқи ҳулосаҳои кумитаҳои дахлдори Маҷлиси намояндагон масъаларо оид ба таъин кардани раъйпурсии Ҷумҳурии Тоҷикистон ба рӯзномаи ҷаласаи палата ворид менамояд.

Шӯрои Маҷлиси намояндагон пешниҳоди кумита, фраксия, гурӯҳи вакилони Маҷлиси намояндагон, ки ҳайати парламентиро қабул кардааст ва дар он рӯз, соат ва муҳлати суҳанронӣ зикр шудааст, баррасӣ менамояд ва нисбати он қарор қабул мекунад. Тибқи нақшаҳои ҳарсолаи робитаҳои байналмилалӣ, ки Маҷлиси намояндагон қабул кардааст, бо назардошти фикру мулоҳизаи кумитаю комиссияҳо ва фраксияҳою гурӯҳи вакилон, инчунин раиси палата ҳайати расмӣ вакилони парламентии палатаро, роҳбарони ҳамин ҳайати вакилон, муовинон ва котибони онҳо, инчунин комиссияҳои байнипарлумонии Маҷлиси намояндагонро оид ба ҳамкории дутарафа бо парламенти давлатҳои дигар, ки берун аз ҳудуди Ҷумҳурии Тоҷикистон фиристонида мешаванд, доираи ваколатҳои онҳоро муайян мекунад. Номзадҳоро аз ҳисоби Маҷлиси намояндагон барои дохил кардан ба ҳайати вакилони комиссияҳои

байнипарлумонии тоҷикистони Маҷлиси намояндагон муайян мекунад. Дар бораи масъалаҳои ташрифотӣ дар доираи мубодилаи байнипарлумонӣ, инчунин берун аз ҳудуди Тоҷикистон ба сафари хизматӣ фиристонидани вакилони палата қарори Шӯрои Маҷлиси намояндагон қабул карда мешавад. Харочоти ба хориҷи мамалакат рафтани узви Маҷлиси миллӣ ва вакили Маҷлиси намояндагон бо қарори Шӯрои палатаҳо пардохта мешавад.

Шӯрои Маҷлиси намояндагон пешниҳодҳоро дар бораи тағйиру такмил додани Дастури палата, ки кумитаю комиссияҳои палата, фраксияю гурӯҳҳои вакилон, вакилони Маҷлиси намояндагон пешниҳод кардаанд, ба тақвими баррасии масъалаҳои Маҷлиси намояндагон дохил менамояд. Ҳамин гуна пешниҳодҳои кумита ва комиссияҳо, узви Маҷлиси миллиро Шӯрои Маҷлиси миллӣ ба тақвими баррасии масъалаҳои палата дохил менамояд.

Ба ҳамин тариқ, Шӯрои палатаҳои Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон қисми таркибии сохтори палатаҳо мебошанд ва дар низоми мақомоти ҳокимияти давлатӣ ҷойи мустақил надоранд. Аммо ҳамчун мақомоти ҳамоҳангсозандаи палатаҳои парламент, дар ба роҳ мондани фаъолияти онҳо ва роҳбарии умумии кори сохторҳои палатаҳо мавқеи баланд доранд. Амалӣ намудани аксари самтҳои фаъолияти палатаҳо бевосита ё тавассути сохторҳои кории палатаҳо ба Шӯрои палата алоқаманд мебошанд. Шӯрои палатаҳо хусусан дар самти иҷрои функсияи қонунгузории парламент фаъол мебошанд. Онҳо робитаи палатаҳоро бо мақомоти дахлдори ҳокимияти давлатӣ, иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ ва шахрвандон ба роҳ мемонанд. Ҳамчунин Шӯрои палатаҳо робитаҳои байнипарлумонии палатаро ба роҳ монда, қабули намояндагони парламентии давлатҳои хориҷӣ ва сафари намояндагони парламентии Тоҷикистонро ба хориҷа ташкил менамоянд.

#### Адабиёт:

1. Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 1994;



2. Қонуни конституцсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 19 апрели с.2000;
3. Қонуни конституцсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи вазъи ҳуқуқии узви Маҷлиси миллӣ ва вакили Маҷлиси намояндагони Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 6 августи с. 2001;
4. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ» аз 26 март с. 2009;
5. Дастури палатаҳои Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон;
6. Ализода Зариф. Становление института парламента Республики Таджикистан: проблемы теории и практики. Душанбе, 2011;
7. Диноршоев А.М. Конституционные основы разделения властей в Республике Таджикистан. Душанбе, 2007;
8. Имомов А. Ҳуқуқи парлумонии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Китоби дарсӣ. - Душанбе. 2016;
9. Имомов А. Ҳуқуқи конституцсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Китоби дарсӣ. Нашри сеюм. – Душанбе. 2012;
10. Имомов А. Мақомоти ҳокимияти давлатӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе. 2007;
11. Лукьянов А.И. Развитие законодательства о советских представительных органах власти (Некоторые вопросы истории, теории и практики). М., 1978;
12. Мавлонов А. Совети Олии РСС Тоҷикистон. – Душанбе. 1975;
13. Маҷмӯаи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ доир ба фаъолияти Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон (Ба истикболи ҳаҷми 20-солагии Истиқлолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон). –Душанбе. 2011;
14. Муродов А. Ваколатро шарафмандона баҷой оварданд // «Садои Сардум» аз 5 феврал с. 2005;
15. Раҳимов М.З., Нематов А.Р. Техникаи қонунгузорӣ. –Душанбе. 2011;
16. Спасов Б.Конституция и народное представительство в Народной Республике Болгарии. - М., 1977. –С.249-301;
17. Хачатрян Г.М. Верховный Совет союзной республики. М., 1975;
18. Якубова С.Н. Конституционно-правовой статус Маджлиси Оли Республика Таджикистан. – Душанбе. 2009.

## ПОНЯТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

**Саидзода И.Х.,**

Ассистент кафедры конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук.

E-mail: [saidov.izzat@mail.ru](mailto:saidov.izzat@mail.ru)**Научная специальность:** 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право**Рецензент:** Диноршоев А.М., доктор юридических наук, профессор

*Аннотация.* В статье проанализировано развитие процесса законодательства Республики Таджикистан в период независимости как демократическое явление и представлено понятие законодательного процесса на основе отечественного и зарубежного законодательства и правовой литературы. Кроме того, высказана идея о законодательном процессе как о новой и самостоятельной форме процесса для осуществления законодательной деятельности.

*Ключевые слова:* законодательный процесс, парламент, Конституция.

## THE CONCEPT OF THE LEGISLATIVE PROCESS IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

**Saidzoda I.Kh.,**

Junior letreureof the Department of Constitutional Law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legals Sciences.

E-mail: [saidov.izzat@mail.ru](mailto:saidov.izzat@mail.ru)**Scientific specialty:** 12.00.02 — Constitutional law; constitutional proceeding; municipal law**Reviewer:** Dinorshoev A.M., Doctor of Legal Sciences, Professor

*Annotation.* The article deals with the development of legislation process of the Republic of Tajikistan in the period of independence as a democratic phenomenon. It has also been presented the concept of the legislative procedure on the basis of domestic and foreign legislation and legal literature. Furthermore, it is spoken about the legislative process as a new and independent form of procedure for the implementation of legislative activity.

*Keywords:* legislative process, parliament, Constitution.

Распад советского союзного государства и провозглашение независимости Таджикистана открыли новую страницу в совершенствовании института законодательного процесса [1. С. с. 30–31]. Осуществление законодательного процесса на основе новых принципов началось в основном с представлений идей парламентаризма и принадлежит Декларации о суверенитете Таджикской ССР, которая была принята 24

августа 1990 года Верховным Советом Таджикской ССР на второй сессии двенадцатого созыва [2. С. 236].

Провозгласив государственный суверенитет, Таджикистан закрепил в Декларации, наряду с другими вопросами, общепризнанные принципы и нормы, относящиеся к основанию государственной системы республики, включая парламент.

Так, в пункте 3 Декларации записано, что государственная власть осуществляется на основе принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Этот принцип не был внесён в действующую тогда Конституцию, поскольку в Декларации было отмечено, что он будет основой для разработки новой Конституции республики.

Эти общественно-политические преобразования настоятельно потребовали новой организации законодательного процесса, предусматривающего возможность демократичного и всестороннего обсуждения законопроектов; таким образом, был заложен основной фундамент для развития института законодательного процесса.

Можно констатировать, что функционирование законодательного процесса, как новой возможности демократичного и всестороннего обсуждения законопроектов в Республике Таджикистан, связано с принятием Конституции РТ 1994 года, и он для практики независимого Таджикистана, является совершенно новым институтом.

Как новый демократический институт, законодательный процесс в РТ еще не подвергался изучению [3], тем временем эта новая форма правового процесса в иных государствах СНГ, в большей мере в Российской Федерации, была подвергнута очень усердному анализу [4].

В соответствии с ч. 1 ст. 48 Конституции РТ 1994 г. Маджлиси Оли — Парламент республики считается и является высшим представительным и законодательным органом.

Также статьи 58-62 Конституции республики регламентируют вопросы права законодательной инициативы, порядка внесения законопроектов, принятия законов, подписания и опубликования законов, но непосредственно в её нормах не упоминается термин «законодательный процесс».

Анализируя данные нормы Конституции РТ, отметим, что, во-первых, норма, содержащаяся в ч. 1 названной статьи Конституции, — указание на законодательный орган — дает основание заключить, что для осуществления деятельности

высшего законодательного органа прежде всего устанавливаются процессуальные правила в установленном законом порядке по подготовке, одобрению, обнародованию и приостановлению действия законов.

Во-вторых, из содержания, сущности и духа норм статей 58-62 Конституции РТ видится, что наряду с другими процессами в РТ установлен законодательный процесс как самостоятельный вид деятельности, представляющий собой новый порядок реализации законодательной деятельности.

Парламент и субъекты, имеющие право законодательной инициативы РТ посредством данного процесса, в первую очередь, реализуют законодательную функцию. Отсюда возникает вопрос: что такое законодательный процесс?

Как было замечено, в Основном законе РТ термин «законодательный процесс» не упоминается непосредственно, но статьи 58-62 Конституции РТ регламентируют вопросы права законодательной инициативы, порядка внесения законопроектов, принятия законов, подписания и опубликования законов.

Также в конституционном законе РТ «О Маджлиси Оли РТ» гл. 5 называется «Законотворческая деятельность» и раздел 2 Регламента Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли РТ «Порядок законодательной деятельности».

В законодательствах других соседних стран главы и разделы, регламентирующие законодательный процесс, используют разные термины. В частности, в Республике Армения именуется процедура рассмотрения проекта закона, в Республике Беларусь — порядок внесения, рассмотрения проектов законов, принятия законов и постановлений палатами национального собрания [5] и законодательный процесс [6], в Грузии — законодательный процесс, в Кыргызской Республике — законодательная деятельность или законодательная процедура, в Республике Казахстан — законодательная деятельность, в Российской Федерации — законодательная процедура, в Республике Узбекистан — рассмотрение закона, согласительные процедуры [7], или

порядок рассмотрения законов, в Украине — законодательная процедура.

Учитывая то, что в нормах конституционного процессуального права РТ, как и ряда стран СНГ, отсутствует законодательное регулирование понятийного определения законодательного процесса, заполнить этот пробел определенным содержанием является задачей науки, и соответственно научного исследования. Поэтому для определения понятия законодательного процесса мы обратимся к зарубежной и отечественной юридической литературе для того, чтобы найти ответ на содержание законодательного процесса. Подчеркиваем, что в странах СНГ, особенно в Российской Федерации, в минувшие годы начато учеными-юристами исследование проблем института законодательного процесса. По данным вопросам написаны диссертации [8. С. 24], научные статьи, изданы учебники [9. С. 231] и даже монографические работы [10. С. 93]. Таким образом, словосочетание «законодательный процесс» прочно вошло в научный оборот, используется в решениях Конституционного Суда России и считается общеупотребительным [11. С. 11].

В ряде определений законодательного процесса, сформулированных российскими и таджикскими учеными-юристами, мы находим юридическое содержание этого вида процесса как самостоятельного способа осуществления законодательной деятельности. В качестве примера приводим некоторые из них.

Например, Г.А. Гаджимагомедов и Г.П. Ивлиев характеризуют законодательный процесс как отрегулированную деятельность уполномоченных органов государственной власти и должностных лиц по разработке, внесению и рассмотрению законопроектов, а также по принятию, одобрению, подписанию, обнародованию и реализации законов [12. С. с. 14–21].

Имомов А.И. трактует понятие данного процесса в узком и широком смыслах. В узком смысле автор понимает под законодательным процессом совокупность предусмотренных законом действий, посредством которых законодательная власть

осуществляет законодательную деятельность. В широком смысле автор не ограничивает принятие законов лишь в рамках парламента и отводит его истоки в само общество, включая в структуру иные процессы, прежде всего социальные и политические [13. С. 57], и определяет его как конституционно фиксированные сменяющие друг друга этапы, касающиеся проекта Конституции, конституционных законов и обычных законов до их принятия и обнародования [14. С. 260].

Филимонов Ю.В. определяет законодательный процесс как урегулированные нормами конституционного права действия уполномоченных субъектов по внесению законопроектов в парламент, принятие и одобрение их палатами, подписание и обнародование законов главой государства [11. С. 25].

В понимании О.Е. Кутафина и Е.И. Козловой понятие законодательного процесса сводится к совокупности действий, посредством которых осуществляется законодательная деятельность Федерального Собрания [15. С. 465].

В учебнике М.В. Баглая даны определения понятия законодательного процесса, сходные с вариантами, приведенными выше, принадлежащими авторам О.Е. Кутафину и Е.И. Козловой, о понятии законодательного процесса. В частности, под законодательным процессом понимается совокупность стадий деятельности законодательного органа, следующих одна за другой, т. е. стадий принятия, одобрения и обнародования законов [16. С. 554].

В понимании Е.А. Пискуновой законодательный процесс — деятельность компетентных органов и их должностных лиц, определенных законодательством, связанная с реализацией прав законодательной инициативы, обсуждением, в том числе с привлечением общественности, принятием, подписанием и официальным опубликованием, изменением и отменой законов [8. С. 40].

Таким образом, вышеприведенные подходы к понятию законодательного процесса позволяют нам получить четкое представление о настоящем виде процесса

как о самостоятельном способе осуществления законодательной деятельности.

Во всех из приведенных понятий мы обнаруживаем отдельные положения предназначения законодательного процесса, в частности, осмысление этого вида процесса как законно установленного порядка законодательной функции и его предназначение. Но все-таки, на наш взгляд, наиболее приемлемым является понятие Е.А. Пискуновой о законодательном процессе, так как по сравнению с другими, оно дает возможность, верно, сопоставить сущность и назначение, а также определение данного вида процесса.

Принимая данное определение, отметим, что совокупность процессуальных отношений, формирующихся между парламентом и другими участниками законодательного процесса, не только регламентируется нормами Основного закона и конституционного Закона РТ «О Маджлиси Оли РТ», но и нормами Регламентов палат Парламента.

В Регламенте Маджлиси намоёндагон Маджлиси Оли РТ (нижней палаты парламента) весьма детально дается регламентация правил законодательного процесса, отнесенных к его ведению. В то же время заметим, что непосредственно в нормах Конституции РТ (ч. 7 ст. 53) предоставляются права Парламенту рес-

публики отрегулировать свою деятельность — соответственно это должны быть те виды деятельности, которые не урегулированы другими нормативными правовыми актами. Поэтому Регламенты палат Парламента, как их личные нормативные правовые акты, значительную роль играют в установлении норм законодательного процесса.

На основании вышеизложенного можно дать следующее понятие законодательного процесса: «Законодательный процесс представляет собой урегулированную Конституцией РТ, конституционным законом РТ «О Маджлиси Оли РТ» и Регламентами палат Парламента совокупность процессуальных действий и отношений, которые возникают между Маджлиси Оли РТ и субъектами права законодательной инициативы с целью разработки, предложения и обсуждения законопроекта, с последующим принятием, опубликованием и вступлением закона в юридическую силу.

Следует также подчеркнуть, что, исходя из сущности и духа норм статей 58-62 Конституции РТ, в Республике Таджикистан был установлен законодательный процесс как самостоятельная форма, представляющая собой новый порядок реализации законодательной деятельности.

### Литература:

1. Давлатова Ш.С. Общетеоретические основы и особенности реализации законодательной инициативы в Таджикистане: дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2015.
2. Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР. 1990. № 16. Ст. 236.
3. Часть конституционных аспектов вопроса была предметом исследования Имомова А.И., теоретические исторические аспекты вопроса были исследованы Давлатовой Ш.С., Нематовым А.Р., Сативалдиевым Р.Ш. и др.
4. См.: Поленина С.В. Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996. 342 с.; Законодательный процесс: Понятие. Институты. Стадии: научно-практическое пособие / отв. ред. Р.Ф. Васильев. М.: Юриспруденция, 2000. 320 с.; Законотворчество в Российской Федерации (научно-практическое пособие) / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Формула права, 2000. 608 с.
5. <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=H10800370> (дата обращения 10.11.2016).
6. <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=H21500707> (дата обращения 10.11.2016).
7. [http://www.lex.uz/pages/GetAct.aspx?lact\\_id=52006](http://www.lex.uz/pages/GetAct.aspx?lact_id=52006) (дата обращения 10.11.2016).



8. Пискунова Е.А. Законодательный процесс в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 24.
9. Карпов Н.Н. Законодательный процесс в Российской Федерации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 231 с.
10. Гузнов А.Г., Кененов А.А., Рождественская Т.Э. Современный законодательный процесс: основные институты и понятия. Смоленск: Траст-Имаком, 1995. 93 с.
11. Филимонов Ю.В. Федеральный законодательный процесс: некоторые вопросы теории и практики (конституционно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 11.
12. Ивлиев Г.П., Гаджимагомедов Г.А. Участие Правительства Российской Федерации в законодательной деятельности. М.: Норма, 2008. С. с. 14–21.
13. Шульман Е. Законотворчество как политический процесс. М.: 2014. – С. 57.
14. Имомов А.И. Органы государственной власти в Республике Таджикистан. Душанбе, 2007. С. 260 (на тадж. яз.).
15. Кутафин О.Е., Козлова Е.И. Конституционное право России. – М.: Проспект, 2010. С. 465.
16. Баглай М.В. Конституционное право РФ. М.: Норма, 2007. С. 554.

**КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ****Салохидинова С.М.,**

Ассистент кафедры конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук.

E-mail: [simo\\_s@mail.ru](mailto:simo_s@mail.ru).**Научная специальность:** 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право**Рецензент:** Диноршоев А.М., доктор юридических наук, профессор

*Аннотация.* В современных условиях интенсивно развивается законодательство, регулирующее предпринимательскую деятельность. Издаются много законов и иных нормативно-правовых актов, способствующих совершенствованию правового регулирования и механизма реализации права на предпринимательскую деятельность, которые в первую очередь основываются на положениях конституции. В месте с тем, в современных конституциях существует разброс в терминах, что несет в себе отпечаток различных этапов конституционного развития, в ходе которых менялись подходы к пониманию конституционно- правовой природы права предпринимательскую деятельность. Данная статья посвящена изучению зарубежного опыта конституционного регулирования права на предпринимательскую деятельность посредством исследования различных концепций и подходов к пониманию данного вопроса.

*Ключевые слова.* Конституция, право на предпринимательскую деятельность, свобода предпринимательской деятельности

**CONSTITUTIONAL REGULATION OF THE RIGHT TO ENTREPRENEURIAL ACTIVITY: FOREIGN EXPERIENCE****Salokhidinova S. M.,**

Junior lecturer of the Department of Constitutional law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legal Sciences

E-mail: [simo\\_s@mail.ru](mailto:simo_s@mail.ru)**Scientific specialty:** 12.00.02 — constitutional law; constitutional proceeding; municipal law**Reviewer:** Dinorshoev A. M., Doctor of Legal Sciences, Professor

*Annotation.* The legislation regulating entrepreneurial activity is intensively developing in modern conditions. There are many laws and other normative and legal acts have passed contributing to the improvement of the legal regulation and the implementation mechanism of the right to entrepreneurial activity that is primarily based on the provisions of the constitution. Nevertheless in modern constitutions there is a variation in the terms that bears the imprint of various stage of the constitutional development during which have been changed approaches to understanding the constitutional and legal nature of the right to entrepreneurial activity. This article is devoted to the

study of foreign experience of the constitutional regulation of the right to entrepreneurial activity by examining different concepts and approaches to the understanding of this issue.

**Keywords:** Constitution, the right to entrepreneurial activity, the freedom of entrepreneurship

Право на предпринимательскую деятельность зародилось как элемент нового экономического порядка, пришедший на смену прежним экономическим условиям. Преимущества нового строя закреплялись в нормах конституций, в которых применялись различные конструкции юридического оформления права на предпринимательскую деятельность.

Конституционное регулирование права на предпринимательскую деятельность тесно связано с идеей свободы личности во всех ее проявлениях и имеет некоторые особенности, вытекающие из конституционной трактовки данного права в различных странах и его интерпретации органами конституционного контроля. В отличие от многих других категорий прав и свобод, формулировка которых устоялась и довольно широко применяется в конституциях зарубежных стран и международных актах, право на предпринимательскую деятельность обозначается посредством различных терминов, которые подчас теоретиками и органами конституционного контроля рассматриваются как синонимы.

В данной статье нами будет рассмотрено юридическое оформление права на предпринимательскую деятельность в конституциях зарубежных стран, а также правовые конструкции, используемые в них при закреплении данного права.

Первоначально необходимо проанализировать международно-правовые акты о правах человека, которые являются стандартами для признания и закрепления прав и свобод в рамках национального законодательства.

Анализ этих актов, в частности Всеобщей декларации прав человека, Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах, также Международного Пакта о гражданских и политических правах, показывает, что в них не отражены специальные положения о праве на предпринимательскую деятельность.

Однако в указанных международных актах закреплены положения о праве частной собственности и ее гарантии, составным элементом которого и является право на предпринимательскую деятельность. Так, в статье 17 Всеобщей декларации прав человека провозглашено, что каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими.

Специальные положения, относящиеся к праву на предпринимательскую деятельность, отсутствуют и в Декларации глав государств - участников СНГ о международных обязательствах в области прав человека и основных свобод. Однако статья 2. Декларации содержит норму следующего содержания: «Никто не должен быть произвольно лишен своего имущества».

Отсутствие права на предпринимательскую деятельность в нормах международных актов связано с тем, что при их создании в середине 50-60-х годов для западных стран занятие предпринимательской деятельностью являлось естественным процессом человеческой деятельности, в то время как страны социалистического блока полностью игнорировали предпринимательскую деятельность как разновидность человеческой деятельности. В этой связи в нормах международного права и отсутствует упоминание о данном праве [3. С. 72].

Как показывает сравнительно-правовой анализ, в отличие от международных документов, в конституциях большинства зарубежных стран право на предпринимательскую деятельность закреплено как самостоятельное право, хотя применительно к конкретной стране используется различная формулировка. Рассмотрим этот вопрос применительно к конституциям каждой конкретной страны.

Если обратиться к первой конституции – Конституции США 1787 г. и многочисленным поправкам к ней [4. С. 170], можно обнаружить, что в них нет положений о праве на предпринимательскую дея-

тельность. Однако в поправке IX, принятой в числе других десяти спустя два года после принятия Конституции 1787 г., говорится о том, что «перечисление в Конституции определенных прав не должно толковаться как отрицание или умаление других прав, сохраняемых народом». Следовательно, «право на свободу предпринимательства признается именно с использованием приведенного технико-юридического приема. Соответственно, данное право, наряду с другими, перечисленными в Конституции США, подлежит правовой охране и защите, в том числе средствами конституционного права» [13. С. 69].

Нет специальных положений относительно права на предпринимательскую деятельность в Конституции Японии 1947 г. [6]

В конституциях федеративных государств, таких как Российская Федерация, Бразилия, Аргентина, предусмотрены несколько взаимосвязанных положений, непосредственно относящихся к праву на предпринимательскую деятельность.

Так, в Конституции Российской Федерации 1993 г. в статье 8 устанавливаются правовые гарантии данного права, а именно: единое экономическое пространство, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, признание и защита права частной собственности. В статье 34, структурно входящей в главу о правах и свободах человека и гражданина, каждому предоставлено право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом экономической деятельности [7]. При этом следует подчеркнуть, что Конституция Российской Федерации, закрепляя право на предпринимательскую деятельность, включает в содержание упомянутой статьи ограничительные меры, связанные с запретом монополистической деятельности и недобросовестной конкуренцией.

В Конституции Федеративной Республики Бразилия 1988 г. [4. С. 153] в главе 7 «Экономический и финансовый

порядок» включена глава, посвященная основным принципам экономической деятельности. В статье 170 данной главы закреплено, что «каждому гарантирована свободная экономическая деятельность без специального разрешения правительства, за исключением случаев, установленных законом». В главе 1 Конституции, посвященной индивидуальным и коллективным правам и обязанностям, закреплено «право на свободное занятие любой работой, торговлей или овладением профессией».

Конституция Аргентинской Республики 1853 г. [4. С. с. 46–47] в статьях 9–12, 17 предусматривает гарантии рассматриваемого права, среди которых: единое экономическое пространство в границах всей Федерации; признание частной собственности неприкосновенной, невозможности ее лишения иначе, как по решению суда, основанному на законе. В статье 14 Конституции закреплено право заниматься любым законным ремеслом; плавать на судах и торговать, которая предоставляет правовую возможность осуществлять предпринимательскую деятельность.

Сравнительно-правовой анализ указанных примеров конституционного закрепления права на предпринимательскую деятельность позволяет утверждать, что, с одной стороны, рассматриваемое право признано как субъективное, с другой – в конституциях упомянутых стран содержатся конституционные принципы, установления, которые служат предпосылками реализации рассматриваемого права и создают ориентиры для развития экономических отношений в обществе.

Конституционное закрепление права на предпринимательскую деятельность свойственно в основном бывшим социалистическим странам. Именно в конституциях этих стран вопросы предпринимательской деятельности решены наиболее основательно. Большинство конституций развитых стран закрепляют право собственности, а не право на предпринимательскую деятельность. Как отмечается в литературе, во многих конституциях зарубежных стран право на предпринимательскую деятельность не регламентируется самостоя-

тельно. В конституциях этих стран, являвшихся результатом революционных преобразований, свобода предпринимательской деятельности рассматривалась как составная часть общих принципов свободы и равенства, которые распространялись на все сферы человеческих отношений. В западных государствах существует высоко развитое чувство частной собственности, и свобода распоряжения своим имуществом для ведения предпринимательской деятельности является одним из атрибутов свободы личности и права собственности [1. С. 23; 2. С. с. 100, 12, 121].

В части 1 статьи 35 Конституции Словакии 1992 года закреплено право каждого заниматься предпринимательской и иной приносящей доход деятельностью [5. С. 156]. В статье 42 Конституции Украины 1996 года закреплено право каждого на предпринимательскую деятельность, не запрещенную законом. В части 4 статьи 26 Конституции Республики Казахстан 1995 года закреплено право каждого на свободу предпринимательской деятельности, свободное использование своего имущества для любой законной предпринимательской деятельности [9]. В Конституции Кыргызской Республики 2010 года, в части 2 статьи 42, закреплено право каждого на экономическую свободу, свободное использование своих способностей и своего имущества для любой экономической деятельности, не запрещенной законом [10]. В Конституции Азербайджанской Республики 1995 года, в статье 59, закреплено право каждого в установленном законом порядке, свободно используя свои возможности, способности и имущество, самостоятельно или совместно с другими заниматься предпринимательской деятельностью или не запрещенным законом другим видом экономической деятельности [5. С. 125].

В конституциях некоторых государств данное право закреплено в несколько иной формулировке. Так, Конституция Турецкой Республики 1982 года, в статье 48, закрепляет право каждого свободно работать и заключать контракты в той области, которую выбрал. Частное предпринимательство свободно [5. С. 176]. В Консти-

туции Республики Туркменистан 1992 года непосредственно не говорится о праве на предпринимательскую деятельность. Однако определенные ее нормы являются основой для занятия данным видом деятельности. Так, в соответствии со статьей 10, «экономика Туркменистана основывается на принципах рыночных отношений. Государство поощряет и поддерживает предпринимательство, способствует развитию малого и среднего бизнеса» [11].

Особенность конституционного регулирования права на предпринимательскую деятельность состоит в том, что, в отличие, например, от права на труд, для обозначения права на предпринимательскую деятельность используются различные термины, которые рассматриваются исследователями и органами конституционного контроля, по сути, как синонимы предпринимательских прав [1. С. 22]. Однако, несмотря на неоднородность юридических конструкций права на предпринимательскую деятельность в конституциях зарубежных государств, им свойственна некоторая схожесть, а именно то, что данное право включено в структуру конституционных норм, закрепляющих права и свободы человека и гражданина. Вместе с тем данное право также основывается на конституционных положениях о частной собственности, свободе экономической деятельности, свободной конкуренции, свободном перемещении товаров, услуг, финансовых средств и другие.

На основе выше изложенного можно констатировать, что в конституциях зарубежных стран прослеживаются следующие модели юридических конструкций права на предпринимательскую деятельность:

Во-первых, признание права на предпринимательскую деятельность является составной частью свободы и равенства личности, которые распространяются на все сферы человеческой деятельности, в том числе и экономической (например, Конституции США, Японии).

Во-вторых, регулирование права на предпринимательскую деятельность в рамках конституционных основ экономического строя государства, такие как: при-



знание частной собственности, гарантирование свободы экономической деятельности, свободного перемещения товаров, услуг и др. При данной модели анализируемое право не признается в качестве субъективного (например, Конституция Туркменистана).

В-третьих, право на предпринимательскую деятельность включено в содержание социально-экономических прав, и его конституционное регулирование осу-

ществляется через призму данных прав, таких как: право собственности, право на труд и выбор профессии (например, Конституция Германии, Турции);

В-четвертых, прямое закрепление права на предпринимательскую деятельность в нормах конституции как самостоятельного субъективного права и закрепление основных гарантий ее реализации (например, Конституция РФ, Казахстана).

### Литература:

1. Андреева Г.Н. Конституционное регулирование свободы предпринимательской деятельности в зарубежных странах: традиции и новации. // Правовое регулирование предпринимательской деятельности (зарубежный опыт). М., 2013. С. 23.
2. Гаджиев Г.А. Основные экономические права и свободы предпринимателей. Н.-Новгород, 1997. С. 100.
3. Диноршоев А.М., Салохидинова С.М. Право на предпринимательскую деятельность в системе социально-экономических и культурных прав и свобод в Республике Таджикистан. Душанбе, 2015. С. 72.
4. Конституции зарубежных стран. Американский континент. С. 170.
5. Конституции государств Европы: в 3-х т. / Под общ. ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. Т. 3. С. 156.
6. Конституция Японии от 1947 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.litmir.co/br/?b=52000](http://www.litmir.co/br/?b=52000) (дата обращения 10.07.2015 г.).
7. Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.constitution.ru](http://www.constitution.ru) (дата обращения 10.07.2015 г.).
8. Конституция Украины. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://meget.kiev.ua/zakon/konstitutsia-ukraini/razdel-1/> (дата обращения 10.07.2015 г.).
9. Конституция Казахстана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.constitution.kz](http://www.constitution.kz) (дата обращения 10.07.2015 г.).
10. Конституция Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.gov.kg/?page\\_id=263&lang=ru](http://www.gov.kg/?page_id=263&lang=ru) (дата обращения 10.07.2015 г.).
11. Конституция Туркменистана. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.base.spininform.ru/show\\_docfwx?rgn=2376](http://www.base.spininform.ru/show_docfwx?rgn=2376) (дата обращения 10.07.2015 г.).
12. Плотникова И.Н. Конституционное право человека и гражданина на предпринимательскую деятельность: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 121.
13. Усков Д.Н. Конституционные гарантии права на предпринимательскую деятельность: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. С. 69.

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА****ПРИНЦИПҲОИ ҲУҚУҚИИ ТАЪМИНИ ИСТИФОДАБАРИИ МАНБАӢҲОИ ОБИ  
НӢШОКӢ ДАР ТОҶИКИСТОН****ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ  
ПИТЬЕВОЙ ВОДЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ****Раджабов С.А.,**

заведующий отделом международного права Института философии, политологии и права им. А.М. Баховаддинова Академии наук РТ, доктор юридических наук.

E-mail: [saidumar51@mail.ru](mailto:saidumar51@mail.ru).**Научная специальность:** 12.00.10 — международное право, европейское право

*Аннотация.* В статье рассматриваются следующие основные правовые принципы обеспечения использования источников питьевой воды в Таджикистане: экологический баланс при использовании источников питьевой воды; приоритетное использование источников питьевой воды для населения, чем в других целях; экосистемный подход как основа при рациональном использовании водных источников; интегрированное управление водными ресурсами (ИУВР); применение принципа «загрязнитель платит» в сфере водопотребления; переосмысление экологического мировоззрения населения.

*Ключевые слова:* вода, принцип загрязнитель платит, интегрированное управление, экология, экологическое мировоззрение.

**Rajabov S. A.,**

Head of the Department of International Law of the Institute of Philosophy, Political Science and law named after A.M. Bahovaddinov of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of legal Sciences.

E-mail: [saidumar51@mail.ru](mailto:saidumar51@mail.ru)**LEGAL PRINCIPLES OF ENSURING THE USE OF SOURCES OF DRINKING WATER  
IN TAJIKISTAN****Scientific specialties:** 12.00.10 – International Law, European Law

*Annotation.* In the article the following basic legal principles for ensuring the use of drinking water sources in Tajikistan is considered: the ecological balance when using the sources of drinking water; priority use of drinking water sources for the population than for other purposes; ecosystem approach as the basis for rational use of water sources; integrated water reserve management (IWRM); application of the “polluter pays” principle in the field of water consumption; rethinking the ecological outlook of the population.

*Key words:* water, polluter pays principle, integrated management, ecology, ecological outlook.

Манбаъҳои оби нӯшокӣ барои халқҳои ҷаҳон масъалаи рақами як ба ҳисоб меравад ва ин масъала ҷанбаҳои иқтисодӣ, сиёсӣ, иҷтимоӣ ва экологӣ дорад ва ҳар яки он дорои иқтидори хатарангез мебошад, агар саривақт онҳо бо ҷидду ҷаҳди муштарак пешгирӣ карда нашаванд. Муаммоҳои обӣ дар ҳамин авохир дар маркази таваҷҷуҳи сиёсатмадорон, мутахассисон ва воситаҳои ахбори омма қарор доранд. Дар ин масъала таваҷҷуҳ хусусан ба Тоҷикистон бештар аст, чунки обҳои фаромарзӣ аз ҳудуди ин кишвар маншаъ мегиранд.

Ба назари мо принципҳои асосии таъмини ҳуқуқи истифодабарии манбаъҳои оби нӯшокӣ дар Осиёи Марказӣ, аз ҷумла дар Тоҷикистон бояд қарори зайл бошанд:

- 1) тавозуни экологӣ дар истифодаи манбаъҳои оби нӯшокӣ;
- 2) авлавият (бартарӣ) дар истифодабарии манбаъҳои оби нӯшокӣ барои аҳоли нисбат ба мақсадҳои дигари истифодаи онҳо;
- 3) рафтори экосистемӣ ҳамчун асоси истифодаи оқилонаи манбаъҳои об;
- 4) идораи ҳамгироии захираҳои обӣ (ИҲЗО);
- 5) татбиқи принципи «ифлоскунанда пардохт мекунад» дар соҳаи истифодаи об;
- 6) таҷдиди назари ҷаҳонбинии экологӣ.

**1. Тавозуни экологӣ дар истифодаи манбаъҳои оби нӯшокӣ.** Дар аввалҳои солҳои 1990 дар ҳуқуқи байналмилалӣ самтҳо ва принципҳои нави фаъолият дар соҳаи ҳифзи муҳити зист ташаккул ёфтанд. Бо рушди инкишофи ин ҷараёнҳо таҷдиди маъонии арзишҳои умумиинсонӣ иртибот дорад, чунки ҳифзи табиат ба яке аз самтҳои авлавиятнок дар фаъолияти байналмилалӣ мубаддал гардид.

Соли 1992 дар Рио-де-Жанейро конференсия байналмилалӣ доир гардид, ки дар он стратегияи рушди устувор пешниҳод гардид. Ин стратегия гузариш ба иқтисоди мутавозини устуворро дар бар мегирад, ки дар он манфиатҳои иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва экологӣ тавҷам

мебошанд. Ҳадафи стратегияи ҳар як давлат бояд экологикунории иқтисод ва шомил намудани истифодабарии табиати аз лиҳози экологӣ мутавозиншударо таъмин намояд.

Ба назари Е. В. Статсенко, зерин вожаи «истифодабарии табиати аз лиҳози экологӣ мутавозиншуда» бояд низоми методҳо ва принципҳои фаҳмида шавад, ки самаранокии истифодаи захираҳои табиӣ ҷомеаро таъмин карда тавонанд ва низоми механизмҳои ташкилӣ-иқтисодӣ, ки аз тарафи ҷомеа истифодаи тавоноии захираҳои табиӣ ба танзим дароварда тавонад ва дар ин робита ҳифзи истифодаи томи ҳамаи экосистемаҳо ҳамчун низоми мутавозиншудаи истифодабарии табиат таъмин карда тавонад [8. С.87-89].

Мафҳуми «истифодабарии табиати мутавозиншуда» нисбат ба «истифодабарии ратсионалии табиат» мафҳуми васеътар мебошад, чунки дар он таваҷҷуҳи умда ба таъмини баробарии манфиатҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва экологӣ, то ҳадди ақал коҳиш додани таъсири манфии фаъолияти хоҷагидорӣ инсон ба экосистемаҳои табиӣ нигаронида шудааст.

Ҳамин тавр, тақмили фаъолияти хоҷагидорӣ об яке аз вазифаҳои муҳим дар марҳилаи муносири рушди давлати мо мебошад. Дар ин робита экологикунории соҳаи хоҷагидорӣ об, ворид кардани истифодабарии объектҳои обӣ аз лиҳози экологӣ дорои тавозуни устувор ва низоми маҳдудиятҳои экологӣ нақши муҳимро мебозанд, ки алоқамандии манфиатҳои иқтисодӣ ва экологиро таъмин менамоянд.

**2. Афзалият (бартарӣ) дар истифодабарии манбаъҳои оби нӯшокӣ барои аҳоли нисбат ба мақадҳои дигари истифодаи онҳо.** Ҳуқуқи инсон ба оби нӯшокӣ зарурати ҳаётан муҳим мебошад. Об дар сайёраи мо манбаи ҳаёт буда, яке аз муҳимтарин проблемаҳои тамоми инсонҳо мебошад. Дар асноди байналмилалӣ (Муоҳидаҳои СММ дар бораи ҳифзи муҳити зист, Ёлломияи Стокҳолм, с.1972, Ёлломияи Рио, с.1992, Ёлломияи Йоханнесбург, с.2002, Ёлломияи Рио+20: «Ояндае, ки мо мехоҳем» ва ғ.) дар бораи зарурати

пешгирӣ кардани норасоии оби нӯшокӣ ва таъмини дастрасии ҳар як шахс ба оби тозаи нӯшидани ва воситаҳои беҳдошт таъкид менамояд.

Таъмин намудан бо оби нӯшокӣ яке аз самтҳои муҳими сиёсати давлат дар соҳаи об мебошад. Дар Кодекси оби Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 29 ноябри с.2000 принсипи афзалияти таъмин намудани аҳоли бо оби нӯшокӣ нисбат ба дигар намудҳои истифодабарии об мустаҳкам карда шудааст. Дар моддаи 14 омадааст, ки дар вақти ҷойгиркунӣ, балоиҳагирӣ, сохтмон ва баистифодадиҳии корхонаҳо, иншоот ва дигар объектҳои ба ҳолати обҳо таъсиркунанда давлат бояд «дар навбати аввал қонеъ гардонидани ниёзи аҳолиро ба оби нӯшокӣ ва эҳтиёҷоти маишӣ таъмин намояд» [5]. Дар ин амали қонунгузор эътироф намудани афзалияти ин намуди истифодабарии объектҳои обро нисбати дигар ҳадафҳои истифодабарии он баръало дида имконпазир аст.

Барои гирифтани тасмими дуруст аз рӯи ин масъала зарур аст, ки ба ҳайси маҳак аҳамияти иҷтимоӣ ё иқтисодии ин ё он намуди истифодабарии объектҳои обро интихоб намоем. Интихоб намудани манфиатҳои аҳоли ба хотири қонеъ гардонидани эҳтиёҷоти ошомидани ва маишии онҳо басо муҳим ба шумор меравад. Аз ҷониби Тоҷикистон ба имзо расонидани санадҳои байналмилалӣ, ки ҳуқуқ ба оби босифати ошомиданиро ҳамчун яке аз муҳимтарин ҳуқуқҳои инсон ба танзим медиароранд, шояд ин гуфтаҳо мебошад.

**3. Равиши экосистемӣ ҳамчун асоси истифодаи оқилонаи манбаъҳои об.** Принсипи мазкур бар мафҳуми муносибати экосистема ва қонунҳои асосии ба таври объективӣ мавҷуди экология бунёдгӯзорӣ шудааст. Равиши экосистемӣ дар ҳолати об ҳамчун асоси методологии обистифодабарии оқилона баромад мекунад.

Экологи машҳур И. Б. Коренева пешниҳод мекунад, ки равиши экосистемӣ дар ҳолати об ҳамчун «ҳолати об бар асоси донишҳои ҷараёнҳои дохилиобанборӣ ба мақсади таъмини ҳолати пурарзиши экологии объектҳои об ва

қонеъ гардонидани эҳтиёҷоти аҳоли ва ҳолати халқ оид ба об, бо дарназардошти шароит, вобастагӣ ва таъсири мутақобилаи ҳамаи унсурҳои биотикӣ, абиотикӣ, антропогенӣ ва техникаҳои экосистемаҳои оби табиӣ-антропогенӣ объектҳои об, ки дар иерархияи робитаҳои сабабу оқибат барои идора кардани ҷараёнҳои пайдошаванда умуман дар низомии экологӣ-иҷтимоӣ-иқтисодии объект, ҳавза ва фонди об идора карда шавад» [6].

Ҳадафи асосии ворид кардани равиши экосистемӣ дар ҳолати об таъмини асосноккунии илмӣ-техникаи таҳакуки низомии экологӣ-иҷтимоӣ-иқтисодии объектҳои об дар асоси донишҳои табиӣ ва дохилиобанбории ҷараёнҳои барои фаъолияти амалӣ оид ба барқарор, ҳифз ва истифодаи оқилонаи объектҳои об мебошад.

Тавре, ки И. Б. Коренева мепиндорад, зеро мафҳуми ваҳдати экологӣ-иҷтимоӣ-иқтисодӣ бояд вобастагии мутақобили «инсон, муҳити табиӣ-истеҳсолоти моддӣ - сифати муҳити табиӣ, инсон» фаҳмида шавад, ки ба нигоҳдоштани рангорангии биологӣ ва сифати пурарзиши экологии муҳити табиӣ имкон диҳад.

Ба назари мо, равиши экосистемӣ имкон медиҳад, ки объектҳои об ҳамчун низомии табиӣ яклухт ҳисобида шуда, дар он организмҳои зинда бо муҳити зисташон иртиботи мутақобиладоранд. Ин принсип барои арзёбии таъсири антропогенӣ ба ҳолати экологии объектҳои об муҳим мебошад. Роҳҳои ҳеле зиёди воридшавии моддаҳои хатарнок ба объектҳои об аз муҳити беруна вучуд дорад.

Таври мисол, ҳини истифода бурдани нуриҳои минералӣ ва пеститсидҳо дар майдонҳо зарар на танҳо ба замин, балки ба манбаъҳои об низ расонида мешавад. Яке аз оқибатҳои манфӣ - ин аз ҳад зиёд пур шудани нуриҳои кимиёвӣ дар замин ва об мебошад, ки боиси эвтрофикатсияи обанборҳо мегардад. Дар натиҷаи ин ҷараён «гулкунӣ об», яъне пӯпанакбандии об сурат мегирад, ки боиси афзоиши фаъоли набототи обӣ, вайроншавии табодули оксигенӣ ва

ин, дар навбати хеш, ба нобудшавии фаунаи (хайвоноти) обӣ ва ношоямии махзани об барои истифодабарӣ оварда мерасонад.

Татбиқи равиши экосистемӣ дар истифодабарии табиат, пеш аз ҳама, дар муайян кардани ухдадорихои истифодабарандагони табиат зоҳир мегардад.

Обистифодабарандагон ухдадор ҳастанд, ки ба бадтар шудани сифати обҳои рӯизаминӣ ва зеризаминӣ, муҳити зисти олами ҳайвонот ва наботот, ҳамчунин расонидани зарар ба объектҳои хоҷагӣ ва ғайра роҳ надиханд. Ба уҳдаи истифодабарандагони ҷангал гузошта шудааст, ки ҳини амалӣ намудани фаъолияти хоҷагидорӣ ҷангал аз тарзҳои истифода намоёнд, ки пайдоиши эрозияи заминро пешгирӣ намоёнд, таъсири манфии истифодаи фонди ҷангалро ба ҳолати захираҳои ҷангал, ҳамчунин ба объектҳои об ва ғайра маҳдуд намоёнд.

**4. Идораи ҳамгиرويёнаи захираҳои обӣ (ИХЗО).** Ин концепсия дар аввали асри XXI, баъди Мулоқоти ҷаҳонӣ дар саммити Йоханнесбург соли 2002 инкишофи худро шурӯъ намуд, ки дар он аз ҳамаи кишварҳои ҷаҳон даъват ба амал оварда шуд, ки «нақшаҳо оид ба истифодаи ҳамгиرويёнаи захираҳои обӣ ва баланд бардоштани самаранокии обистифодабариро то соли 2005 таҳия намоёнд» [1]. Гарчанд дар бораи асосҳои ин концепсия хеле пештар, соли 1957 дар асарҳои Л.Уайт ишора рафта буд [9], баъдтар дар «Рӯзнома барои асри XXI» дар конференсияи СММ оид ба ҳифзи муҳити атроф ва рушди устувор дар Рио-де-Жанейро (1992), ташаккули худро ёфт.

Идораи ҳамгиرويёнаи захираҳои обӣ – ин протсесс аст, ки ба ҳамоҳангии рушди сектори об, истифодаи замин ва захираҳои вобаста ба онҳо ба мақсади ҳадди аксар боло бурдани сатҳи некӯаҳволии иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва баробарӣ дар ҷомеа бо ҳадди ақали зарар барои устувори экосистемаи ҳаётан муҳим мусоидат менамоёнд. Дар ин концепсия идораи обистифодабарӣ ба васеътарин маънои иҷтимоӣ ба хоҳири расидан ба консенсус ва созиш байни

эҳтиёҷоти рақобаткунандаи секторҳои мухталифи ҷомеа ва гурӯҳҳои алоқаманд оид ба захираҳои обӣ дар ҳама сатҳҳои идоракунии – аз глобалӣ то маҳаллӣ фаҳмида мешавад.

Ҳадафи идораи ҳамгиرويёнаи захираҳои обӣ иборат аз таъмини устувор ва оқилонаи идораи захираҳои обӣ дар ҷараёни рушди иқтисодӣ ва иҷтимоӣ ба хоҳири расидан ба некӯаҳволии экологӣ-иқтисодии ҷомеа мебошад. Татбиқи намудани ин принцип аз ҷобачогузорию дуруст ва соҳиб шудан ба натиҷаҳои мусбӣ дар се самти асосӣ вобаста аст:

1) ба вучуд овардани шароит дар амалӣ намудани сиёсати дуруст, таҳияи стратегияи қонунгузорӣ ба хоҳири рушди устувори захираҳои обӣ;

2) таъсис додани сохтори институтсионалӣ (ниҳодӣ) барои иҷрои тасмимҳои сиёсӣ, стратегияҳо ва қонунгузорӣ;

3) таҳия намудани восита ва асбобҳои идоракунии барои фаъолияти дурусти институтҳои иҷтимоӣ.

Барои амалӣ намудани ин самтҳо аз тарафи созмони Global Water Partnership (Шарикии Глобалии Об) як комплекси воситаю асбобҳои махсус таҳия карда шуд, ки дар он на танҳо воситаҳои ташкилӣ ва юридикӣ, балки воситаҳои ғириқонунӣ техникаӣ ва иқтисодӣ низ шомиланд. Яке аз чунин воситаҳои бунёдӣ – ин системаи иттилоотӣ ва базаи маълумот мебошад, ки ҳамгиرويи тамоми иттилооти лозимаро барои ИХЗО таъмин мекунад. Таъкид меравад, ки додани иттилооти саривақтӣ шартӣ зарурӣ барои қомеъии ислоҳоти низоми идораи сектори обӣ мебошад [7. С.40-47].

**5. Татбиқи принципи «ифлоскунанда пардохт мекунад» дар соҳаи истифодаи об.** Ин принцип солҳои 1970-ум аз ҷониби Созмони ҳамкорӣ ва рушди иқтисодӣ пешниҳод шуда буд ва чунин мешуморад, ки ифлоскунандагон ухдадоранд ҳамаи хараҷотҳои барои аз байн бурдани зарар пардохтшударо бидуни субсидия ҷуброн намоёнд [4]. Субсидияҳо ба хоҳири ҳифзи муҳити атроф стимулҳои нодурустро ба вучуд меоранд, зеро дар дурнамои дарозмуд-



дат онҳо ба рушди соҳаҳои ифлоску-нандаи саноат мусоидат мекунад, ки на ба хоҳиш ёфтани сатҳи олудагӣ, балки боиси зиёд шудани он мешаванд. Субсидияҳо, ки барои ҳифзи табиат нигаронида шудаанд, захираҳои молии сектори давлатиро аз қонеъ гардонидани эҳтиёҷоти муҳими иҷтимоӣ дур месозанд, зеро онҳо аз сектори хусусӣ маблағгузорӣ намешаванд. Хоҷагии об соҳаи фавқулода печида ва дар идоракунӣ мушкул ба ҳисоб меравад ва навъҳои мухталифи истифодабарии захираҳои обиро дар бар мегирад ва бо дигар навъҳои хоҷагии халқ робитаи ногустастанӣ дорад. Тамоми маҷмӯи хоҷагидорӣ оби кишвар ҳаҷми калони истифодаи объектҳои обро талаб мекунад.

Мутобиқи принципи «ифлоскунанда пардохт мекунад» хароҷотҳо аз маблағи давлатӣ (субсидияҳо) ба хоҳири ҳифзи табиат он вақт дуруст шуморида, пардохт мешаванд, ки агар онҳо ба мақсади дақиқ равона карда шуда, натиҷаҳои экологии он муайян гардида, аз лиҳози миқёс ва муддат маҳдуд буда, ба таҳрифи ҷиддии рақобат ва ё ҳолати бозорҳо боис нашаванд, ҳамчунин вақте ки ифлоскунандагон пайдо нашуданд ва ё муайян карда нашуданд.

Барои эътирофи ин принцип дар қонунгузории давлатҳои Аврупо соли 2000 аз ҷониби Иттиҳоди Аврупо Директиваи ҳудудии об қабул гардид. Дар б. 11 ин Директива гуфта мешавад, ки «сиёсати экологии ИА барои расидан ба ҳадафҳои нигоҳ доштан, ҳифз кардан ва беҳбуд бахшидан ба сифати муҳити атроф бояд мусоидат намояд, истифодаи дурандешона ва оқилонаи захираҳои табииро дарбар гирад, аз принципи эҳтиёткорӣ маншаъ гирад ва ҳамчунин аз принципҳои маншаъ гирад, ки мувофиқи онҳо бояд иқдоми пешгирикунанда гирифта шавад, манбаи зарар, на оқибати он барои муҳити атроф барҳам дода шавад ва шахсе, ки ин манбаи ифлосшавиро ба вуҷуд овардааст, ӯ бояд пардохт намояд» [2].

Дар м. 9 ин Директива омадааст, ки давлатҳои аъзои Иттиҳоди Аврупо бояд принципи «ифлоскунанда пардохт

менамоад»-ро ҳини пардохти хароҷотҳои хадамоти хоҷагии об, ба шумули хароҷотҳо ба хоҳири ҳифзи муҳити зист ва захираҳо, риоя намоянд. Дар Директиваи ҳудудии об ташреҳ гардидааст, ки таҳти истилоҳоти «хадамоти хоҷагии об», ҳама хадамотҳо, ки бо: а) пайдокунӣ, ҷамъоварӣ, нигоҳдорӣ, тозакунӣ ва тақсимои обҳои рӯизаминӣ ва зеризаминӣ машғуланд; б) кашидани обҳои ифлос ва таҷҳизотҳои тозакунандаи об, ки баъди тоза кардан бо обҳои рӯизаминӣ ҳамроҳ мешаванд, фаҳмида мешавад [2].

Тавре, ки дида мешавад, дар қонунгузории ИА механизми танзими самарабахши иқтисодӣ дар соҳаи истифодабарии объектҳои об пешбинӣ шудааст, ки обистифодабарандагонро уҳдадор месозад, то ки барои истифодаи объектҳои об маблағ пардохт намоянд ва ҳамзамон хароҷотҳои дар иртибот бо ифлосшавии обро ҷуброн намоянд ва бо ҳамин роҳ онҳоро барои истеъмоли оқилонатар ва расонидани ҳадди ақали зарар ба захираҳои об ва ба муҳити атроф ҳавасманд менамоад.

**6. Таҷдиди назари ҷаҳонбинии экологӣ.** Ҷаҳонбинии экологӣ барои инъикоси шуури экологии инсон, ки ба муҳити атроф таъсир мерасонад, хизмат мекунад. Муносибатҳои «инсон-табиат»-ро низоми мураккаби иртиботот мутақобила номидан мумкин аст, ки дар он инсон дар нақши соҳибмӯлк ё истифодабарандаи захираҳои табиӣ баромад мекунад, муҳити атроф ва ё унсури алоҳидаи он ба ҳайси объект зери таъсири фаъолияти инсон қарор мегирад.

Дар давоми муддати тӯлонӣ дар ҳуқуқи экологӣ ба табиат ҳамчун захира рафтор кардан бартарӣ дошт, ки арзиши захираҳои табииро ҳамчун объектҳои ғайримоддӣ ба назар намегирифт. Дар муносибатҳои «инсон-муҳити атроф» нақши умда бояд ба табиат мансуб дошта бошад.

Ҳуқуқ ҳамчун воситаи танзимкунандаи истифодаи неъматҳои иҷтимоӣ бояд ба нигоҳдоштани тозагии муҳити атроф, истехсоли тақрори имконияти захираҳои табиӣ нигаронида шавад.

Тавре, ки ба назар мерасад, падидаи манфӣ дар фарҳанги экологии муосир - ин бенавоии сатҳи шуури экологии шахрвандон, ба вучуд омадан ва паҳн шудани психологияи гӯё бе интиҳо будани захираҳои табиӣ ва равиши соддалавҳона, истеъмоли табиат мебошад. Дар натиҷаи дар шуури экологии аҳоли бартарӣ доштани мақсадҳои тамаъҷӯёна аксарияти шахрвандонро ба ғайриқонунӣ истифода намудани табиат водор месозад.

Бояд тазакур дод, ки сатҳи пасти фарҳанги экологӣ дар шахрвандон зарурати дастаҷамъӣ ва умумии ниёз ба муносибати эҳтиёткорона нисбат ба табиатро ташаккул намедихад.

«Танҳо табаддулот дар майнаи одамон тағйироти дилхоҳро ба бор меорад. Агар мо худамон ва биосфераро, ки зиндагонии мо аз он вобастагӣ дорад, наҷот додан хоҳем, ҳама ... - чи пир ва чи ҷавон - бояд муборизи асил, фаъол ва ҳатто таҷовузгар ба хоҳири ҳифзи муҳити атроф бошем». Бо ин суханон У.-О. Дуглас, доктори ҳуқуқ, собиқ узви Суди олии ИМА китоби худро ба итмом мерасонад [3. С.440].

Табаддулот дар майнаи одамон, ки барои паси сар кардани бӯҳрони экологӣ хеле зарур аст, худ ба худ сурат намегирад. Он дар шароите имконпазир аст, ки дар қорҷӯбаи сиёсати экологии давлат ва функсияи мустақили идораи давлатӣ дар соҳаи муҳити атроф тамоми ҷидду ҷаҳд ва саъю кӯшиш ба ин мақад равона гардад. Ташаккули шуури экологӣ, инфиродӣ ва иҷтимоӣ, ки мустақар бар асоси идеяи муносибатҳои мавзунӣ инсон ва табиат, вобастагии инсон аз табиат ва масъулият барои ҳи-

фзи он барои наслҳои оянда аст, хеле зарур мебошад.

Об яке аз пуразиштарин захираҳои табиӣ дар сайёраи мо мебошад. Ҳар як нафар эҳсос мекунад, ки то чи андоза проблемаи экологияи об дар ҷаҳон рӯз то рӯз муҳимтар ва мубрамтар мегардад. Ҳалли масъалаҳои ҳифзи боигарии об ва беҳтар намудани сифати об танҳо аз инсон вобаста аст.

Яке аз самтҳои муҳим ба хоҳири боло бурдани ҷаҳонбинии экологӣ - ин мусоидат намудан ба ширкати шахрвандон, созмонҳои ҷамъиятӣ дар муҳокима намудани масъалаҳои, ки бо ифлосшавии об, беҳбудӣ бахшидан ба ҳолати экологии обанборҳо, таъмини аҳоли бо оби нӯшокии босифат иртибот доранд.

Проблемаҳо дар соҳаи хоҷагидорӣ оби Тоҷикистон қарори зайл буда, ҳалли худро интизоранд. Аввалан, ба таври қофӣ ташаккул наёфтани маҷмӯи меъёрҳои юридикӣ, ки фаъолияти хоҷагидорӣ обро ба танзим дароранд. Сониян, набудани низоми ташкилӣ дар идораи хоҷагидорӣ об, ба таври экстенсивӣ пеш бурдани фаъолияти хоҷагидорӣ об ба вайрон кардани тавозуни табиӣ дар муҳити зист сабаб мешавад ва ба ҳолати экологии экосистемаи обҳои табиӣ таъсири манфӣ мерасонад.

Ҳамин тавр, ҳамаи принципҳои ҳадафи умумӣ доранд, яъне ба вучуд овардани шароити мусоид барои амалӣ гардонидани воситаҳои юридикӣ дар соҳаи таъмини ҳуқуқи истифодаи манбаъҳои оби нӯшокӣ, ҳамчунин ноил гаштан ба идораи самарабахш дар соҳаи истифодабарӣ ва ҳифзи захираҳои обӣ мебошад.

### Адабиёт:

1. Джонч-Клаусен Т. Интегрированное управление водными ресурсами (ИУВР) и планы повышения эффективности водопользования до 2005 года: почему, что и как? // [Электронный ресурс]. <http://bergbendery.org/res/teacher/Dnestr%20i%20vodnaya%20politika/IUVR-Rus-globalinit-04-rus.pdf> (Дата обращения 6.04.2017 г.)
2. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского союза от 23 октября 2000 г. № 2000/60/ЕС «Об установлении рамок деятельности Сообщества в области водной политики». Люксембург, 2000.

3. Дуглас У. О. Трехсотлетняя война. Хроника экологического бедствия: пер. с англ. / У. О. Дуглас. М.: Юристъ, 1975.
4. Как сделать управление природоохранными расходами эффективным? // Organisation for Economic Co-operation and Development. Policy Brief. September 2007// [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oecd.org/env/outreach/39376649.pdf> (Дата обращения 6.04.2017 г.)
5. Кодекси оби Љумњурии Тоҷикистон // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумњурии Тоҷикистон, соли 2000, № 11, мод.510; соли 2006, №3, мод. 164; соли 2008, № 3, мод.200; соли 2009, №12, мод.824; Қонуни ҚТ аз 28.06.11с., №744; аз 16.04.2012с., №821.
6. Коренева И.Б. Методология экосистемного подхода, экологического проектирования, экспертирования // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.koreneva.com/1214160413.php> (Дата обращения 6.04.2017 г.)
7. Обиух Н.М. Принципы правового обеспечения использования водных объектов — источников питьевого водоснабжения. // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 20 (349). Право. Вып. 40.
8. Стаценко Е.В. Формирование концептуальной модели сбалансированного природопользования в регионе / Е.В. Стаценко // Экономика Крыма. 2012. № 2 (39).
9. White L. The Evolution of Culture. N. Y., 1959.

## К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СОСТАВЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

**Раджабов М.Н.,**

заведующий кафедрой международного права юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук, доцент..

E-mail: [rajabov.m.1973@mail.ru](mailto:rajabov.m.1973@mail.ru).

**Научная специальность:** 12.00.10 — международное право, европейское право

**Рецензент:** Идиев Ф.Ф., кандидат юридических наук, доцент

*Аннотация.* В статье рассматриваются вопросы о понятии, признаках и составе международных преступлений, а также их отличие от преступлений международного характера.

*Ключевые слова:* международные преступления, геноцид, Международный уголовный суд, апартеид.

## TO THE QUESTION OF A CONCEPT AND STRUCTURE OF THE INTERNATIONAL CRIMES

**Rajabov M. N.,**

The Head of the Department of International Law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legal Science, Assistant Professor.

E-mail: [rajabov.m.1973@mail.ru](mailto:rajabov.m.1973@mail.ru)

**Scientific specialties:** 12.00.10 – International Law, European Law

**Reviewer:** Idiev F.F. – Candidate of Law sciences, Assistant Professor.

*Annotation.* The questions of a concept, signs and structure of the international crimes, its distinction from the crimes having international character are considered in the article.

*Keywords:* international crimes, genocide, International Crime Court of Justice, apartheid.

Термин и категория «международные преступления» широко используется в международно-правовых актах, но отсутствует его определение и поэтому правовая наука не сумела выяснить всех вопросов, касающихся этой категории, тем не менее, она существовала всегда в системе международного права и поэтому необходимо определить её место в системе международно-противоправных деяний.

То обстоятельство, что до сих пор не определено единой классификации международно-противоправных деяний, дает основу для различного понимания между-

народных преступлений. Например, профессор Н.И. Костенко под преступлениями понимает организованные трансграничные преступления — общеуголовные преступления, которые вышли за пределы одного государства, и международные преступления (геноцид, преступления против мира, преступления против человечности, военные преступления, агрессия и т. д.). Международные преступления порождают наиболее тяжкие последствия. В борьбе с ними решающая роль принадлежит сотрудничеству государств [3. С. 9].

По мнению Р.А.Каламкаряна и Ю.И. Магичева, «международное преступление — это международно-противоправное деяние, возникающее в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление перед международным сообществом в целом» [ 2. С. 459 ].

«Международными преступлениями признаются, — пишет И.Н. Лебединец, — особо опасные для человеческой цивилизации нарушения основных принципов и норм международного права» [ 8. С. 725 ]. Т.Л. Козлов также считает, что «международные преступления» — особо опасные международно-противоправные деяния, создающие угрозу миру и международной безопасности, существованию государств или наций, а также посягающие на жизненно важные отношения между государствами [5. С. 397].

«Международные преступления, — отмечает Ю.М. Колосов, — это тягчайшие международно-противоправные деяния, которые нарушают основополагающие нормы международного права, имеющие жизненно важное значение для всего международного сообщества, угрожают международному миру и безопасности» [ 6. С. 293]. По мнению профессора В.Л. Толстых, международные преступления представляют собой запрещенные международным правом деяния индивидов, выступающих от имени государства или участвующих в осуществлении государственной политики [11. С. 653]. Профессор П.Н. Бирюков полагает, что преступление по международному праву — это деяние, нарушающее основополагающие, жизненно важные интересы мирового сообщества, оно рассматривается как преступление перед международным сообществом в целом [1. С. 228]. Но профессор П.Н. Бирюков в определение преступления по международному праву включает международные преступления и преступления международного характера, т. е. вместо этих кате-

горий используют более тяжкие и менее тяжкие противоправные деяния.

По мнению А.А. Лупу и И.Ю. Оськина, международные преступления — это виновное действие (бездействие), содеянное лицом осознано, при свободной воле с целью нарушить нормальные международные отношения, межгосударственное сотрудничество, права человека и другие общечеловеческие ценности и за совершение которого данное лицо должно понести индивидуальную ответственность в соответствии с нормами международного уголовного права [4. С. 88].

Международные преступления относятся к тягчайшим международно-противоправным деяниям, которые нельзя смешивать с другими международными правонарушениями. Поскольку в Уставах Международных военных трибуналов в Нюрнберге и Токио была дана квалификация преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности как «тягчайших международных преступлений». В дальнейшем такую квалификацию получили геноцид (Конвенция по предупреждению преступления геноцида и наказанию за него 1948 г.), расизм и расовая дискриминация (Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.), апартеид (Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него 1973 г.), применение ядерного оружия (Декларация Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций о запрещении применения ядерного оружия для целей войны 1961 г.), колониализм (Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г.). В разрабатываемый Комиссией международного права проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества предлагается включить все перечисленные и ряд других видов международных преступлений, а именно агрессию, угрозу агрессией, вмешательства, колониальное господство, апартеид, наемничество, международный терроризм, геноцид, систематические и массовые нарушения прав человека, ис-



ключительно серьезные военные преступления, незаконный оборот наркотиков и преднамеренный и серьезный ущерб окружающей среде [7. С. 183]. А.А. Лупу и И.Ю. Оськина международные преступления разделяют на семь видов: преступления против мира (человечества); преступления против безопасности человечества; военные преступления; преступления против личных прав и свобод человека; преступления против общественной безопасности; преступления против мировой финансово-экономической системы [4. С. с. 117–126].

Международный трибунал по бывшей Югославии учрежден резолюцией Совета Безопасности ООН № 827 от 25 мая 1993 г. с единственной целью судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии в период с 1 января 1991 г. Юрисдикция Международного трибунала по бывшей Югославии распространяется на серьезные нарушения норм международного гуманитарного права и охватывает четыре категории преступлений: 1) серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г., 2) нарушения законов или обычаев войны; 3) геноцид; 4) преступления против человечности [10. С. с. 96–97].

В ноябре 1994 г., в соответствии с резолюцией 935 Совета безопасности Организация Объединенных Наций, был учрежден Международный уголовный трибунал по Руанде. Его юрисдикция ограничена деяниями, совершенными в Руанде или гражданами Руанды в соседних государствах в течение 1994 года. Она охватывает три категории преступлений, как это и определяется в Уставе трибунала: 1) геноцид; 2) преступления против человечности и 3) нарушения статьи 3, общей для Женевских Конвенций 1949 г. и Дополнительного протокола II (в котором устанавливаются нормы, применяемые в условиях вооруженных конфликтов немеждународного характера) [10. С. 98]. В 1998 г. был принят Римский Статут Международного уголовного суда (МУС) — учрежденного

мировым сообществом судебного органа, который призван осуществлять уголовную юрисдикцию в отношении категории правонарушений, являющихся наиболее серьезными и вызывающими озабоченность всего международного сообщества. Республика Таджикистан стала государством-участником Римского Статута МУС, подписав его 30 ноября 1998 г. и ратифицировав 11 декабря 1999 г. Документ вступил в силу для РТ 5 мая 2000 [10. С. с. 100–104].

В целях реализации принципа универсальной юрисдикции в Римском Статуте МУС закреплены территориальный принцип и принцип гражданства, которые означают, что независимо от того, где, кем или в отношении кого они были совершены, в отношении международных преступлений должна быть реализована юрисдикция МУС.

Поэтому правильно предлагает профессор С.А. Раджабов: «В Конституции Республики Таджикистан необходимо закрепить положение о том, что гражданин республики в целях осуществления правосудия может быть передан Международному уголовному суду, и что выдача преступника иностранному государству разрешается на основании Римского Статута МУС. В законах Республики Таджикистан о судостроительстве и судебной системе, о прокуратуре и органах юстиции необходимо закрепить цели международного сотрудничества, направленные за гармонизацию законодательства Республики Таджикистан с нормами международного права и с общепринятой международной практикой осуществления универсальной юрисдикции над лицами, совершившими международные преступления. В новой редакции УК РТ четко прописать возможность осуществления универсальной юрисдикции по международным преступлениям, предусмотренным главой 34 раздела XV названного Кодекса («Преступления против мира и безопасности человечества») [10. С. с. 104–105].

«В отношении применимого права юрисдикция МУС ограничена следующими преступлениями: геноцид, военные преступления, в том числе и в ходе воору-

женных конфликтов немеждународного характера, агрессия, преступления против человечности. Причем последние подпадают под юрисдикцию Суда лишь в том случае, если они совершены в рамках широкомасштабных или систематических нападения на гражданских лиц. Статут подробно описывает случаи, когда Суд должен признать дело не подлежащим его юрисдикции, определяет применимое право, содержит общие принципы международного уголовного права, устанавливает организационную структуру Суда, регламентирует порядок и процедуру расследования и уголовного преследования, судебного разбирательства, пересмотра и обжалования приговоров, порядок решения вопросов об относимости и допустимости доказательств, устанавливает виды наказаний (лишения свободы на срок до 30 лет, пожизненного заключения), порядок их исполнения, решает вопросы международного сотрудничества и судебной помощи. Но вместе с тем в Статуте отсутствует определение понятия международного преступления, хотя в международной правовой доктрине есть определенная разработка понятия преступления. Заметим, что Устав Нюрнбергского трибунала делит все преступления на преступления международного и немеждународного характера. Эти два вида преступлений, по существу, есть в Статуте, но только в виде списка, и, тем не менее, в нем нет таких видов преступлений, как «международный терроризм», «апартеид», «фальшивомонетничество» (это опасное преступление способно подорвать финансовую систему государства) [3. С. с. 122–123].

Международное преступление не является новым явлением в международном праве, так как его возникновение обусловлено формированием и историческим развитием человечества и международного права, в особенности, поэтому его понимание в современной форме в науке и практике относятся к началу XX в., и на протяжении XX в. модель «международного преступления» претерпела существенные изменения. С учётом имеющихся тенденций в международном праве

формирование модели «международные преступления» прошло три этапа: «Нюрнбергская модель», «Гаагская модель» и «Римская модель», сформировавшаяся на основе Римского статута 1998 г.

«В основе этой модификации было положено такое понятие, как «самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества, указанные в Статуте». С материально-правовой точки зрения это новое понимание международного преступления предполагало два конструктивных элемента:

1) *материальный элемент*, т. е. наличие международной опасности преступления, вызывающего «озабоченность всего международного сообщества» и соответствующего «тесту тяжести» (или «пороговому условию») в качестве «самого серьезного преступления»;

2) *формальный элемент*, т. е. непосредственное указание на это преступление в Римском Статуте, а не только в общем международном праве как единственном источнике международно-правового запрета. С юрисдикционной точки зрения «Римская модель» международных преступлений основывалась на тщательно выверенном и сбалансированном компромиссе между национальной и международной юрисдикциями. МУС учреждался как «постоянный орган, уполномоченный осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества, указанные в настоящем Статуте», обладая комплементарным характером и дополняя национальные системы уголовного правосудия (ст. 1 Римского Статута 1998 г.). Характерно, что юрисдикция Суда не ограничивается военными преступлениями. Она включает в себя преступление геноцида, преступление агрессии и преступления против человечности (апартеид, пытки, насильственное исчезновение людей и др.). Следовательно, под юрисдикцию подпадают все виды преступлений, охватываемые как международным правом прав человека, так и международным гуманитарным правом» [9. С. с. 522–523].

Так, по мнению Е.Н. Трикоз, преступления против мира и безопасности человечества и международные преступления являются синонимами и в этой связи предлагает следующие его отличия от преступления международного характера:

«1. Такие преступления потенциально подпадают под действие международной юрисдикции или ее эквивалента — универсальной уголовной юрисдикции государств в условиях дефицита международных судебных органов, хотя традиционная национальная юрисдикция, как правило, имеет приоритет или преференциальный характер: в случае совершения международного преступления компетентны национальные суды, но если по каким-либо причинам дело не было возбуждено в них, то компетентен МУС, имеющий юрисдикцию комплементарного характера.

2. Преступления против мира и безопасности человечества криминализованы международным правом, их противоправность имеет международно-правовой характер, что дает возможность привлечения виновного лица к уголовной ответственности независимо от того, признано ли соответствующее деяние преступлением по национальному уголовному праву или нет.

3. Применительно к преступлениям против мира и безопасности человечества действует принцип универсальной и безусловной неотвратимости наказания.

4. Международные преступления как посягающие на основы мира и безопасности человечества исключаются из сферы применения давности уголовного преследования и давности обвинительного приговора.

5. В отношении такого рода преступлений не признается иммунитет от уголовной юрисдикции, в том числе глав государств, правительств и ответственных чиновников во время пребывания их в должности.

6. Преступления против мира и безопасности человечества являются, безусловно, экстрадиционными, что означает обязательность выдачи (или передачи на

основе Римского Статута 1998 г.) либо судебного преследования любого лица, совершившего такие преступления.

7. Подобного рода преступления с криминологической точки зрения входят в состав наднациональной международной преступности и, следовательно, для них не имеет определяющего значения наличие или отсутствие признака транснациональности. Например, преступление геноцида вполне возможно, когда его исполнители и жертвы являются гражданами одного и того же государства, а военные преступления могут совершаться и во время немеждународного вооруженного конфликта.

8. За преступления против мира и безопасности человечества возможно одновременное наступление уголовной ответственности физического лица и особой международно-правовой ответственности государств, которая в смысле процедуры принятия решений (а не в смысле оснований) является в действительности политической ответственностью государства за международные преступления.

9. Рассматриваемые преступления имеют особое политическое значение и зачастую являются воплощением преступной политики, могут быть повторяющимися или продолжаемыми, совершаемыми в развитие заранее разработанного плана или политики и в результате подстрекательства или под руководством правительства, какой-либо организации или группы лиц. Подавляющее большинство этих преступлений совершается при участии государства — прямо, через государственные органы, представителей или агентов государства, либо косвенно, когда государство допускает в пределах своей юрисдикции совершение преступлений физическими лицами, не имеющими формально отношения к государственному аппарату.

10. Преступления против мира и безопасности человечества по степени своей социальной опасности соответствуют тесту тяжести, образуя категорию наиболее тяжелых или самых серьезных преступлений, вызывающих озабоченность всего международного сообщества. Это связано с тем, что они посягают на мировой правопорядок.

док, который выступает общим для всех международных преступлений объектом, хотя в принципе все указанные преступления являются много объектными, представляя особую опасность для мирового сообщества в целом (а не только для международного правопорядка в отдельных регионах мира) и будучи несовместимыми с принципами ООН, угрожая международному миру и безопасности. Серьезное нарушение в результате международных преступлений обязательств *erga omnes* и норм *jus cogens* (права народов) влечет за собой установление в национальном законодательстве санкций равной или более значительной величины, как в случае совершения тяжкого / особо тяжкого общеуголовного преступления. Свидетельством повышенной международной опасности таких преступлений выступают три их важнейшие черты: 1) значительная уязвимость национальных и международных сообществ от этих видов преступной деятельности; 2) ограниченные возможности национальных и международных сообществ по предупреждению, контролю и борьбе с такими преступлениями; 3) существенный объем и обширная сфера ущерба, которые они наносят международному миру и безопасности человечества в целом.

Таким образом, *преступления против мира и безопасности человечества* (международные преступления в собственном смысле слова) представляют собой подлежащие солидарному уголовному преследованию государств и посягающие на мировой правопорядок виновно совершенные деяния, противоправность которых и индивидуальная ответственность за которые установлены в международном уголовном праве» [9. С. с. 524–526].

Принимая за основу определение международного преступления, данное Н.И. Костенко, Р.А. Каламкаръяном, В.И. Магичевым, И.Н. Лебеденем, Т.Л. Козловым, Ю.М. Колосовым, В.Л. Толстых, П.Н. Бирюковым и Е.Н. Трикозом, можно предложить следующее определение международного преступления: международные преступления — это международные противоправные деяния, которые совер-

шает индивидум или субъект международного права, которые в результате порождает наиболее тяжкие последствия для человеческой цивилизации, интересов международных сообщества, международного правопорядка (общепризнанных норм и принципов международного права, международного мира и безопасности), сосуществования государства и наций, которые запрещенные нормами национального законодательства и международного права под угрозой применения внутригосударственными судами, международными трибуналами и международными уголовными судами, уголовной ответственности для физического лица и международно-правовая ответственность для субъектов международного права.

Признаки международного преступления: общественная опасность; деяние, предусмотренное нормами национальных и международных правовых актов (поскольку до сих пор ещё не выработано четких критериев, по которым те или иные деяния можно было бы отнести к международным преступлениям); виновность и в обязательном порядке его наказуемость.

Состав международного преступления состоит из объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны. Объектом международного преступления являются международный правопорядок, межгосударственные и национальные интересы, охраняемые нормами национального и международного права.

В качестве объективной стороны международного преступления вступает противоправное деяние в форме действия и бездействия. Субъектами международного преступления являются государство и физические лица. Однако следует отметить, что юрисдикция статута МУС (ст. 26) не распространяется на физическое лицо, не достигшее 18-летнего возраста. Субъективная сторона международного преступления — это вина. Так как в соответствии с требованиями ст. 30 Статута МУС субъективную сторону международного преступления состоит из намеренность и сознательность.

В заключение можно сказать, что особенности ответственности за международные преступления состоят в следующем. Во-первых, международные преступления могут рассматриваться внутригосударственными судами, международными трибуналами и уголовными судами, которые создаются субъектами международного права. Во-вторых, в соответствии со ст. 8 Устава Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 г., ст. 33 Статута МУС исполнение прика-

за, как правило, не освобождает лицо, совершившее международное преступление, от ответственности. В-третьих, в отношении международных преступлений установлена международная юрисдикция, т. е. на основе принципа национальности и территориального принципа устанавливается универсальная юрисдикция в отношении лиц, совершающих международные преступления. В-четвёртых, в отношении международных преступлений не действуют сроки давности.

### Литература:

1. Бирюков П.Н. Международное право: учебник. / П.Н. Бирюков. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011.
2. Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Международное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2005.
3. Костенко Н.И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. М.: Р-Консульт, 2002.
4. Лупу А.А., Оськина И.Ю. Транснациональное криминальное право: учебное пособие. / А.А. Лупу, И.Ю. Оськина. М.: Дело и Сервис, 2012.
5. Международное право: учебник / отв. ред. проф. Г.С. Стародубцев. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015.
6. Международное право: учебник / отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, 2000.
7. Международное право: учебник / отв. ред. Б.И. Борубашов. Бишкек: КРСУ, 2013.
8. Международное публичное право: учебник / отв. ред. К.А. Бекашев. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010.
9. Международные гуманитарное право: учебник / под ред. проф. А.Я.Капустина, М.: Высшее образование, Юрайт Издат, 2009.
10. Раджабов С.А. Универсальная юрисдикция в международном уголовном праве. Душанбе: Дониш, 2016.
11. Толстых В.Л. Курс международного права: учебник. / В.Л. Толстых. М.: Волтерс Клувер, 2009.



## К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ИНФОРМИРОВАННОСТИ И ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНОМ РАСКАЯНИЕМ

**Азизкулова Г.С.,**

доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук.

E-mail: [kafedra.120001tj@mail.ru](mailto:kafedra.120001tj@mail.ru)

**Зайниддинов С.Ф.,**

старший преподаватель кафедры иностранных языков юридического факультета Таджикского национального университета.

E-mail: [lingua-law@mail.ru](mailto:lingua-law@mail.ru)

**Научная специальность:** 12.00.01 — теория и история государства и права, история учений о праве и государстве.

**Рецензент:** Сативалдыев Р.Ш., доктор юридический наук, профессор.

*Аннотация.* Проблема правового воспитания и повышения правовой культуры населения тесно связана с правовым просвещением. Традиционно считается, что правовое просвещение носит налет теоретизированности, между тем юридические науки практической направленности — уголовное право и уголовный процесс, криминалистика также вносят вклад в правовое просвещение населения. Институт освобождения от уголовной ответственности, в частности деятельное раскаяние (ст. 72 УК Республики Таджикистан), примирение с потерпевшим ((ст. 73 УК Республики Таджикистан), изменение обстановки (ст. 74 УК Республики Таджикистан), истечение сроков давности (ст. 75 УК Республики Таджикистан), как проявление форм реализации данного института служит данной цели.

*Ключевые слова:* правовое просвещение, юридические науки, освобождение от уголовной ответственности.

## TO THE QUESTION ON LEGAL INFORMING OF CITIZENS ON THE EXAMPLE OF THE INSTITUTION OF RELEASING FROM CRIMINAL LIABILITY IN CONNECTION WITH REPENTANCE

**Azizkulova G.S.,**

Assistant Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legal Sciences.

E-mail: [kafedra.120001tj@mail.ru](mailto:kafedra.120001tj@mail.ru)

**Zayniddinov S.F.,**

senior teacher of the Department of Foreign Languages of the Law Faculty, Tajik National University.

E-mail: [lingua-law@mail.ru](mailto:lingua-law@mail.ru)

**Scientific specialty:** 12.00.01— Theory and history of law and state; history of the doctrines of the law and state.

**Reviewer :** Sativaldyev R.SH., Doctor of Legal Sciences, Professor.

*Annotation.* Problems of legal upbringing and rising legal culture of population closely related with legal enlightenment. Traditionally it is considered that legal enlightenment carries attack of theoretic thoughts, however juridical sciences of practical directions: criminal law and criminal process, criminalities also make contribution into legal enlightenment of population institution of release from criminal responsibility particularly, active repentance (article 72 Criminal Code of the Republic of Tajikistan), changing of situation ((article 73 Criminal Code of RT), reconciliation with victim (article 74 of Criminal Code of RT), as appearance of forms of implementation of the given institution serves for these aims.

*Keywords:* legal enlightenment, juridical sciences, releasing from criminal liability.

Teaching of special course “Problems of Legal Education and Upbringing “at the Law Faculty leading to definite thoughts with which we would like to share with the readers.

In the condition of real democracy it is necessary an aimed and special-organized activity on legal informing, legal enlightenment, and legal upbringing of mass of the people and naturally, legal teaching of lawyer specialists [8, 395].

Before all Law Enforcement Agencies and other state bodies and as well as before scientific juridical society on the state level was put the task calling for assisting to overcome too much theoretical juridical scientific research. The fact is about the task of legal enlightenment and legal informing of population. The order of the President of the Republic of Tajikistan E. Rahmon “On legal policy and legal upbringing of citizens of Republic of Tajikistan from 22, August, 1997, Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan “ On some measures of improving legal upbringing of the citizens and legal activity in the Republic” From 22, August, 1997 №383.

Program of legal teaching and upbringing of the citizens, confirmed by the Government of the Republic of Tajikistan from 22, August, 1997. One of the main direction of the program is called legal enlightenment and legal informing of citizens as well as development of legal education and other direction:

Counteraction and fight against criminality is the most important task of Law Enforcement Agencies provides implementation of two kinds of activity- legal enlightenment and legal informing that assume also interest of positive post criminal behavior of citizens.

Criminal Code of the Republic of Tajikistan provides cases when a person though committed, on this or that stage of plenary investigation or under considering a case at the court may be released from criminal liability. These cases connected with possibility of correction of a person without using punishment, by means of favorable surrounded him reality, as well as just human approach by the state.

According to articles 72, 73, 75 of Criminal Procedural Code court, prosecutor, investigator, and inquest are obliged to explain to suspected, defendant, victim, civil plaintiff, and civil respondent and also to other participants of criminal proceedings, their rights, duties and responsibility to ensure possibility to use these rights.

The fact is about two duties of professional participants of criminal process deliberately to its non-professional participants.

1. Duty to explain the rights (namely must explain, but not read).

2. To ensure possibility of enjoying these rights, after all legal awareness and legal enlightenment in criminal process must spread to wide mass of population, independently from involving or not

involving (engagement) of people into criminal-legal relations.

We think that more clearly it may be seen on the example of institute of release from criminal liability in connection with active repentance. Under release from criminal responsibility in connection with active repentance law provides the fact that committed criminal punishment act by a person, that's why given foundation releasing from criminal liability is not rehabilitation. Under active repentance is understood the cases when a person after committing final crime acts voluntarily removing or lessen harmful consequences his criminal act.

Active repentance as behavior characterizing positive personality of the criminal and appearing in prevention harmful consequences committed, compensation of damage voluntarily or elimination of caused damage, in acts on active contribution to disclosure crime and surrender. Active repentance should consider as complex positive post-criminal measures directed to removal of public dangerous act.

Active repentance is an active voluntary behavior of a person who committed a crime which directed to prevention or lessen harmful consequences or assist to law-enforcement agencies help in disclosure crime, according to A.M Krepysheva: "Active repentance supporting by the state mitigation of liability or release from it, voluntary positive conduct of guilty after committing crime, direction to decrease or full eliminating harmful consequences of act, an assisting to law-enforcement agencies in disclosure committed crime".

V.A Kushnerov affirmed that in order to adopt decision on releasing from criminal responsibility, law-giver has to be aware of the fact that the actions aimed at restoration of violated interest actually certify on repentance, but not avoiding from criminal responsibility. Lawgivers as always has been take place on practice, has to inform a person that a fear of punishment, a wish to be released from criminal responsibility or mitigation promote to accomplish useful act. The main task for lawgiver to influence on consequences of the latter, to pursue him that he commit-

ted not just an act, but a crime, and for which he would be punished for instance, imprisoned, and that is why should strive for improving this behavior and correction[6, 54].

Essence of active repentance comes that a person committed crime, found himself guilty and repented in wrong-doing not only by words but confirms it by concrete actions. Active repentance, without doubt characterizing by deep inside suffering, pity about wrong-doing, full found guilty himself and by truth witness (testimonies) by understanding public dangerous wrong-doing. It is caused by may be, such feeling as shame, dignity, understanding liability for committing crime, civil duty, own critic note of behavior and respect to public rules of conduct, by norms of responsibility and law. It should be said that whether it is positive responsibility which in second half XX-th century did not wish to recognize by specialist concerning criminal law[11, 76].

R.A. Sabitov points that it cannot be motion (motivation) of active repentance afraid, soulless and fear be for responsibility. By other words to influence on public-psychological, emotional-willing side ( suffering, feeling, habits, beliefs) that is applying to every legal norm it should be defined: What, to whom, under what conditions and with what sanction prescribed prohibited and permitted, and then to choose according to his imagination (needs and interest) way of behavior. It is pointed out elementarily necessary, low and high level of legal informing of citizens [9, 12].

By features of first level recognized to possess mainly without conflict rules of conduct comprising necessary conditions of communication and common recognized public ties implemented mostly on the level of intuition. For the second level characterized comparatively "Free" direction in changing legal situation on the basis of general principles and permanently implemented norms of law. (As in our example) Ability to think over the content of normative legal acts and accordingly to get direction in choosing the way of behavior. The figures of third level of legal informing of personality is considered permanent interest to law, absorbing needs in get-

ting and widening quantity, deepening quality  
legal informing, definition on its active, critic

perception and use to work out not law- abiding but law respecting behavior [1, 514-515].

### Used literature:

1. Boyer V.M. Legal informing and Forming of legal culture of personality (Problems of Theory) Dissertation, candidate of Juridical Sciences SPB 193, pages-514-15.
2. Collection of documents on history of criminal legislation of USSR and RSFSR. 1917-1952, Moscow, 1953.
3. Common theory of state and law. Academic course in 2 volumes under editing of M.N.Malchenko, Professor. Volume 2 Theory of Law. Moscow, 1998. Page – 395.
4. Criminal Code of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, 1988.
5. Garmayev Yu. P. // Legal enlightenment in criminal process and criminalities//.
6. Kushnerov V.A Release from criminal responsibility in accordance with special post of Criminal Code of R.T on “Advocacy practice”. 2001 N3 p-19.
7. Kuznetsova N.F. Criminal law and morality. Moscow State University, 1967.
8. Legal systems of the Republic of Tajikistan and CIS: state and problems. Materials of international conference devoted to the scientific activity of Honored Lawyer of the Republic of Tajikistan, outstanding scientist Sh. Mengliev, doctor of juridical sciences, Professor. P-s 300-304.
9. Sabitov R.D.. Classification of behavior of a person committing crime militian-Higher School of the ministry of internal affairs of USSR- OMSK, 1986, p-12.
10. Skibnitski V.V. Release From criminal responsibility and being in prison. Kiev, 1987.
11. Soviet Criminal Law (Common Part) Moscow, publishing House of Moscow State University, 1974 p.220, comment to Criminal Code of RSFSR Moscow: Juridical Literature, 1985 p-36.2.I. S.Samoshenko. M.N.Farukshin Prerequisite.
12. Zoirov D.M. Criminality in the Republic of Tajikistan: Ethnic – public aspect.

## ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ КОНЦЕПЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЫ

**Марифхонов Р.Н.,**

докторант кафедры конституционного права юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук.

E-mail: [rasuljon1983@mail.ru](mailto:rasuljon1983@mail.ru)

**Научная специальность:** 12.00.14 — административное право, административный процесс

**Рецензент:** Ойев Х., кандидат юридических наук, доцент

*Аннотация.* В статье изложены основные научные концепции административного процесса и административной процедуры. Автор, рассматривая административный процесс в широком и узком значениях, анализирует соотношение понятий «административный процесс» и «административная процедура» исходя из характеристики механизма правового регулирования деятельности органов управления.

*Ключевые слова:* административный процесс, административная процедура, органы управления, соотношение, юрисдикция, жалоба, спор.

## BASIC SCIENTIFIC CONCEPTIONS OF ADMINISTRATIVE PROCESS AND ADMINISTRATIVE PROCEDURE

**Marifkhonov R.N.,**

Doctoral candidate of the Department of Constitutional Law of the Law Faculty, Tajik National University, Candidate of Legal Sciences.

E-mail: [rasuljon1983@mail.ru](mailto:rasuljon1983@mail.ru)

**Scientific specialty:** 12.00.14 — Administrative law, administrative process

**Reviewer:** Oev H., Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

*Annotation.* Basic scientific conceptions of administrative process and administrative procedure are expounded in the article. An author, considering administrative process in the wide and narrow meaning, analyzes correlation of concepts administrative process and administrative procedure coming from characteristic of the mechanism of the legal regulation of the activity of management bodies.

*Keywords:* administrative process, administrative procedure, management bodies, correlation, jurisdiction, complaint, dispute.

В литературе по административному праву до начала 60-х годов 20 века основательно разработанные общетеоретические концепции административного процесса отсутствовали, и институт административного процесса не рассматривался в качестве самостоятельной научной проблемы

[9. С. с. 15–18], хотя в конце 40-х годов была сделана попытка сформулировать проблему административного процесса и определить его понятие. Так, в частности, И.И. Евтихий в своей докторской диссертации, сформулировал понятия, объем и основные черты советского администра-



тивного процесса. И впервые И.И. Евтихий указал на понимание административного процесса в широком (общий порядок деятельности органов управления), и узком (порядок рассмотрения жалоб, споров и наложения административных санкций) значении. Вместе с тем, И.И. Евтихий указал, что порядок деятельности органов управления по рассмотрению жалоб, споров и наложения административных санкций является административным процессом [6. С. 83]. Идею широкого понимания административного процесса поддерживал также В.Д. Сорокин, считавший неправильным ограничение административного процесса только рассмотрением административно-правовых споров, так как кроме споров органы государственного управления разрешают большое число индивидуальных дел, которые не связаны со спорами и касаются самых различных сторон взаимоотношений между субъектами административного права [20. С. 12].

Узкую концепцию административного процесса развивает Н.Г. Салищева, понимая под административным процессом деятельность, регламентированную законом, по разрешению споров и применению мер административного принуждения, возникающую между сторонами административного правоотношения, не находящимися между собой в отношениях служебного подчинения [19. С. 16].

Различные позиции по вопросу соотношения материального и процессуального права являются результатом указанного «противостояния». Сторонники юрисдикционного процесса считают, что юридические процедуры представляют собой составную часть материального права. Салищева Н.Г., обосновывая юрисдикционную концепцию административного процесса в своей монографии, рассмотрение неюрисдикционных индивидуальных дел в административных органах относит к административному производству, которое регулируется определенной группой материальных административно-правовых норм [19. С. с. 16–17]. В данном случае административное производство по отношению к управленческой деятельности

рассматривается как самостоятельное понятие. Из вышерассмотренных фактов следует прийти к выводу о том, что процедура — основа реализации регулятивных материально-правовых норм в деятельности управленческих органов власти. При этом процессуальные нормы, выполняя правоохранительную функцию, обеспечивают реализацию охранительных материальных норм [3. С. 3]. Другие считают, что определенный порядок совершения юридически значимых действий юрисдикционными и управленческими органами власти представляет собой юридическую процедуру правоприменения, предусмотренную правовыми нормами и направленную на достижение результата [1. С. 37; 13. С. с. 94–101; 14; 15. С. с. 49–58; 16. С. с. 17–32].

Еще в советский период исследователями был обозначен ряд вопросов о понятии, определении места и роли правовой процедуры в механизме правового регулирования при соотношении с правовым процессом, которые так и не были разрешены [23. С. 17]. Авторами была сделана попытка разрешения вопроса о соотношении правовой процедуры и юридического процесса. Каминская В.И. по этому поводу утверждала, что наряду с материальными нормами в каждой отрасли права имеются нормы организационного и процедурного характера, которые являются процессуальными, необходимые для разрешения юридического дела [8. С. 65].

Позже появились научные исследования, которые уточнили общность процедуры с юридическим процессом. Таким образом, В.А. Тарасова называет «процедуру» формой правового регулирования деятельности соответствующих органов, которая при наличии определенных причин может приобрести форму процесса [22. С. с. 112–113]. Противоположной позиции придерживается С.С. Алексеев, утверждая, что не всякая урегулированная правом процедура совершения юридических действий может называться юридическим процессом, исторически сложившимся, принятым в законодательстве, на практике и в науке.

Исследователи в последующем перешли от понятия правовой процедуры к юридической в соотношении с юридическим процессом. В их числе был и Б.М. Лазарев, который высказал точку зрения о том, что юридическая процедура — это процессуальная форма, определяющая: цели; последовательность; стадии юридического процесса; конкретные действия на каждой стадии; взаимосвязь и основания совершения этих действий, а также способы их оформления и фиксации, а юридический процесс рассматривается как ряд стадий, следующих друг за другом, например: уяснение задач, поставленных вышестоящим органом, оценка обстановки, принятие решения, выражение его воле (издание акта управления), организация исполнения решения, контроль за его исполнением [24].

В современной научной литературе юридическая процедура обозначается как урегулированный законодательством порядок совершения юридических действий, направленных на достижение юридического результата. Таким образом, юридическая процедура урегулирована правовыми нормами, структурирована материальными правоотношениями, обладает признаками общей процедуры, действует в правовой среде и направлена на правовой результат [17. С. 7].

Соответственно, при определении соотношения юридической процедуры с юридическим процессом необходимо исходить из того, что процедура имеет материальное и процессуальное содержание. Материальную процедуру необходимо рассматривать в отличие от процессуальной, так как она связана с реализацией правовых санкций и применением мер принуждения. Реализация материальных прав и обязанностей посредством нормативной регламентации правовой деятельности является назначением материальной процедуры.

Таким образом, необходимо рассматривать соотношение юридической процедуры и юридического процесса через призму процессуальной формы. Так, в современной научной литературе понятие

юридического процесса рассматривается как нормативно-властная юридическая деятельность, включающая в себя судебные и иные процессы, осуществляемая в процессуальной форме в публичных интересах.

По поводу соотношения юридической процедуры и процесса, можно отметить, что с помощью категории юридической процедуры и юридического процесса обеспечивается реализация норм материального и процессуального права.

Юридический процесс представляет собой совокупность действий органов власти, и нормативно-правовое регулирование этих действий обеспечивает их совершение в определенном порядке. Этим порядком является процедура. Процедура, будучи основным элементом юридического процесса, нормативно закрепляясь, становится юридическим явлением.

Следует отметить, что на проблему соотношения процесса и процедуры можно взглянуть и с другой стороны. В этом случае процесс представляет совокупность процедурных действий — процедур, а процедура составляет его внутреннее содержание и определяет порядок совершения указанных действий. Следовательно, процесс и процедура между собой соотносятся как форма и содержание. Из сказанного следует, что юридический процесс представляет собой содержание, а юридическая процедура — его форму. Совокупность процедур составляет содержание процесса, являясь его элементом, образуя внутреннюю структуру [25. С. 6; 7. С. 139].

Таким образом, нормы и правила поведения, направленные на осуществление последовательных действий, приводящих к качественному результату, определяют содержание процедуры [23. С. 19]. Содержание административных процедур позволяет определять реальные способы использования и охраны принадлежащих прав и свобод, а также в пределах законодательно установленной компетенции понуждать органы публичной власти к активному функционированию [11. С. 3].

В настоящее время в доктрине права нет однообразного понимания соотноше-

ния взаимосвязанных понятий «административный процесс» и «административная процедура». Исходя из этого, в научной литературе относительно понятий административной процедуры и административного процесса существуют различные точки зрения:

1) обязательное разграничение указанных понятий, ибо объединение всех видов юридических процедур под понятием «процесс» приводит к лишению живого содержания этого богатого и содержательного понятия [4; 16; 18; 26]. Здесь соотношение процедуры и процесса представляется по-разному. Одни авторы считают административную процедуру зародышем процесса, а присущая деятельности соответствующих органов форма урегулирования при объективной необходимости перерастает в форму, именуемую процессом [22. С. с. 112–113];

2) вторая точка зрения противоположна первой, ибо ее сторонники между «процессом» и «процедурой» разграничения не проводят. Так, по мнению В.О. Лучина, «процесс» и «процедура» имеют одинаковое значение, и между ними невозможно провести какую-нибудь раздельную грань [10. С. 25]. Якимов А.Ю., отмечая единство процесса и процедуры, считает, что юридический процесс представляет содержание, а юридическая процедура — его форму, и такое соотношение рассматриваемых понятий отражает смысл юридической деятельности органов власти [25. С. 6];

3) согласно третьей точки зрения, поддерживаемой Д.Н. Бахрахом, административный процесс — это разновидность процедур, причем наиболее совершенная [5. С. 576]. Такую позицию поддерживает

и М.В. Силайчев, считая, что административная процедура представляет собой вид административного процесса, урегулированная административно-процессуальными нормами, т. е. деятельность обладающих государственно-властными полномочиями компетентных органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций, по рассмотрению и разрешению индивидуальных административных дел, в которых отсутствует спор [21. С. 9];

4) четвертая группа исследователей полагает, что административные процедуры — это составная часть административного процесса. Так, С.И. Агафонов, тоже придерживаясь этой позиции, отмечает, что в теории административного права существует концепция, рассматривающая административный процесс в юрисдикционном и в юрисдикционно-позитивном аспекте, в структуру которого включаются связанные с правоохранительной деятельностью юрисдикционные административные производства, так и носящие позитивный характер административные производства, которые, собственно, и называются административными процедурами [2. С. 11].

Таким образом, анализ существующей концепции административно-процессуального права позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время нет четкого понимания сущности, структуры и проблем правового регулирования административного процесса и административной процедуры. Поэтому данная проблема не позволяет построить отвечающую современным требованиям правового государства систему административно-процессуального законодательства

### Литература:

1. Абрамова А.И. Процедурные вопросы правоприменения. // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды. М., Изд-во ВНИИЗС. 1990. Вып. 47. С. 37.
2. Агафонов С.И. Административные процедуры и их реализация в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2008. С. 11.

3. Аракчеев В.С. Процедурно-правовые нормы: понятие и значение в регулировании трудовых отношений: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Томск, 1981. С. 3.
4. Баришпольская Т.Ю. Гражданский процесс и процедура: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Томск, 1988.
5. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Г. Административное право: учебник для вузов. 2-е изд., изм. доп. М.: Норма. 2006. С. 576.
6. Евтихеев И.И. Виды и формы административной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1948. С. 83.
7. Ибрагимов С.И. Административная юстиция в Республике Таджикистан: институт судебной защиты прав и свобод граждан (на тадж. яз.). Душанбе, Ирфон. 2011. С. 139.
8. Каминская В.И. Место процессуальных норм в системе советского права. // Демократические основы советского социалистического правосудия. // Под. ред. М.С. Строговича. М., 1965. С. 65;
9. Кононов П.И. Административно-процессуальное законодательство и проблемы его кодификации: дисс. ...д-ра. юрид. наук. М. 2001. С. с. 15–18.
10. Лучин В.О. Процессуальные нормы в советском государственном праве. М., 1976. С. 25.
11. Малявина Н.Б. Административные процедуры как средство противодействия коррупции в системе органов публичной власти: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2008. С. 3.
12. Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., юрид. лит., 1991;
13. Марифхонов Р.Н. Некоторые проблемы правового обеспечения административной процедуры в Республике Таджикистан. // Вестник Таджикского Национального Университета в серии гуманитарных наук № 3 / 5 (93). 2012. С. с. 94–101.
14. Марифхонов Р.Н., Волков А.М. К вопросу административных процедур в Республике Таджикистан. // Правовая инициатива [Элект. ресурс]: всероссийский научно-практический журнал. Электрон. журн. М.: [ИА «Мосинформбюро»](#). 2013. № 4.
15. Марифхонов Р.Н. Соотношение понятий «административный процесс» и «административная процедура». // Правовая жизнь. Научно-информационный журнал. Душанбе. № 3 (11). 2015. С. с. 49–58.
16. Марифхонов Р.Н. Проблемы правового регулирования административных процедур в Республике Таджикистан: дисс. ...канд. юрид. наук. М. 2013. С. с. 17–32.
17. Мордовец Л.С. Демократия, право, процедура. Территория государства и права. Курс лекций. М., 1997.
18. Протасов В.Н. Юридическая процедура. М., 1991. С. 7.
19. Салищева Н.Г. Административный процесс в СССР. 1964. С. с. 16–17.
20. Сорокин В.Д. Административно-процессуальные отношения. Л.: Издательство Ленинградского ун-та. 1968. С. 12.
21. Силайчев М.В. Правовая теория и практика административной процедуры: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9.
22. Тарасова В.А. Процедурная форма деятельности органов социального обеспечения. // Советское государство и право. 1973. № 11. С. с. 112–113.
23. Тихий Р.С. Проблемы правового регулирования административных процедур в Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. с. 17, 19.
24. Управленческие процедуры. // Под. ред. Б.М. Лазарева. М.: Наука. 1988. 272 с.
25. Якимов А.Ю. Административно-юрисдикционный процесс и административно-юрисдикционное производство. // Государство и право. 1999. № 3. С. 6.
26. Яковенко О.В. Соотношение правовой процедуры и правового процесса. // Вопросы теории государства и права: Новые идеи и подходы: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов; СГАП, 2000. Вып. 2 (11).

**ИФРОТГАРОИИ ДИНӢ ВА МУҚОВИМАТИ МАФКУРАВӢ БО ОН**  
**ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ РЕЛИГИ-**  
**ОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА**

**Юнусзода Б.А.,**

соискатель кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета.

E-mail: [bakha\\_1985\\_tj@mail.ru](mailto:bakha_1985_tj@mail.ru)

**Научная специальность:** 12.00.01. — Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

**Научный руководитель:** Холиқзода А.Г., доктор юридических наук, профессор

**Рецензент:** Сафарзода Б.А., доктор юридических наук, профессор

*Аннотация.* В статье речь идет о религиозном экстремизме, его правовом понятии, правовых сторонах борьбы с религиозным экстремизмом, идеологическом противодействии и укреплении правовой культуры в предотвращении религиозного экстремизма, использовании богатого наследия предков в ведении идеологического противодействия. Автором рассматриваются проблемы религиозного экстремизма, идеологического противодействия с религиозным экстремизмом и правовой культуры. Отмечается необходимость усиления идеологической работы и повышения уровня правовой культуры общества, приводится понятие и цели религиозного экстремизма, роли мазхаба и ценностей исламского права в формировании национальной идеи. Подчеркивается полезная правовая практика таджикских мыслителей в активизации борьбы с экстремизмом, важность правового воспитания граждан.

*Ключевые слова:* религиозный экстремизм, идеологическое противодействие, правовая культура, ислам, религия и молодёжь.

**IDEOLOGICAL COUNTERACTION IN PREVENTION OF RELIGIOUS  
EXTREMISM**

**Unuszoda B.A.,**

Applicant of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Law Faculty, Tajik National University.

E-mail: [bakha\\_1985\\_tj@mail.ru](mailto:bakha_1985_tj@mail.ru)

**Scientific specialty:** 12.00.01 – Theory and history of law and state; History of the doctrines of the law and state.

**Research supervisor:** Kholiqzoda A. M., Doctor of Legal Sciences, Professor

**Reviewer:** Safarzoda B. A., Doctor of Legal Sciences, Professor

*Annotation.* This article deals with the religious extremism, its legal concept, legal aspects of the fight against religious extremism, ideological counteraction and strengthening of the legal culture in the prevention of religious extremism, the use of the rich heritage of their ancestors in main-



taining the ideological counteraction. The author considers the problems of religious extremism, ideological counteraction with the religious extremism and the legal culture. It is noted the necessity of strengthening ideological work and increasing the level of legal culture of the society, given the concept and purpose of religious extremism, the role of the confession (madhhab) and values of Islamic law in the formation of the national idea. It is indicated the useful legal practice of the Tajik thinkers in intensifying the fight against extremism, the importance of legal education of citizens.

**Keywords:** religious extremism, ideological counteraction, legal culture, Islam, religion and youth.

*«Гояҳо танҳо бо гояҳо безарар гардонида шуданашон мумкин аст»*

Оноре де Балзак

Дар ҷомеаи имрӯзаи ҷаҳонӣ зухуротро ёфтан мушкул аст, ки ба мисли дин ба зиндагии одамон таъсирҳои мухталиф гузошта, ҳамзамон дар нуктаҳои гуногуни олам ихтилофу мочароҳои зиёдеро ба вучуд оварда бошад. “Дӯстӣ”-и қавии гурӯҳҳои ҷиноии фаромиллӣ бо шиорҳои динӣ боис гардид, ки дар фарҷоми асри XX ва оғози садаи XXI инсониятро мавҷи ифротгароии динӣ ба маротиб фаро гирад. Аз ҳама нигаронкунандааш он аст, ки имрӯз ифротгароии динӣ маҳз бо истифодаи муғризонаи шиорҳои дини ислом доман паҳн намуда, дар натиҷа ба обрӯ ва манзалати ҳамаи мусулмонон латма зада истодааст. Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ба маврид қайд намудаанд, ки «Ифротгароӣ ва таассубу хурофот, коштани тухми кинаву адовати диниву мазҳабӣ, маргталабиҳои динӣ, сӯистифодаи ислом бо ғаразҳои сиёсии гурӯҳиву шахсӣ ва дигар аъмоли номатлуб, ки имрӯзҳо ба тамоюли хатарнок табдил ёфта истодаанд, моро водор месозанд, ки дар ин самт тадбирҳои қатъӣ андешем». Хатари экстремизми динӣ барои кишвари мо низ эҳсос мегардад, ки нишони онро мо дар гаравиши иддае аз ҷавонон ба ҳизбу ҳаракатҳои ифротӣ мушоҳида менамоем. Ба қавли ҳуқуқшиноси тоҷик А. Холиқзода «роҳи нодуруст пешакардаи ҷунин ҷавонон, ки экстремизм ва терроризмро воситаи ҳалли масъала эътироф намудаанд, на танҳо исломо дар назди динҳои ҷаҳонӣ сиёҳ мекунад, балки тамаддуни волои исломиро аз истифодаи усулҳои ақлонии

рушд, ки воқеан дорои захираи ғании воситаҳои инкишофи маърифатӣ буда, имкони интиҳоби роҳи одилонаю оқилонаи ҳамкорию рушдро дар муқобили тамаддунҳои дигар дорост, маҳрум месозад» [1. С. 117]. Аз ин ҷост, ки таҳлили мантиқӣ ва омӯзиши илмӣ ин раванди номатлуб, инчунин истифодаи васеи унсурҳои мафкуравӣ дар муқовимат бо он барои зиёиёну ғаёлон, аз ҷумла ҳуқуқшиносон зарурати хосса пайдо намудааст. Воқеаҳои ҳамаи имрӯза дар ҳамсоҷишвари Афғонистон, давлатҳои ҷангзадаи Сурия, Ироқ, Яман ва ғ. низ зарурати пешгирии паҳншавии ифротгароии диниро аз ҷониби мақомоти марбутатаи давлатӣ дар ҳамбастагӣ бо ҷомеаи шаҳрвандӣ боз ҳам таъхирнопазир мегардонад.

Омӯзиши адабиёт вобаста ба паҳлӯҳои гуногуни таҳкими фарҳанги ҳуқуқӣ ва пешгирии ифротгароӣ дар шароити ҷомеаи мо нишон медиҳад, ки дар ин мавзӯҳо дирузу имрӯз маводи бисёри илмиву амалӣ нашр шудааст. Дар ин ҷо, қорҳои олимони ватаниву хориҷӣ, ба мисли Ф. Тоҳиров, А. Холиқзода, С. Ятимов, Э. Насриддинов, Б. Сафаров, И. Буриев, Д. Сафаров, Л. Сюкияйнен, А. Игнатенко, Г. Керимов, В. Бартолд, А. Массэ ва дигарон хеле назаррас мебошад. Бо вучуди ин, ба назари банда ҳамчун ҳуқуқшинос ва мутахассиси соҳаи муносибати давлат ва иттиҳодияҳои динӣ эҳсос мешавад, ки омӯзиши ҳамаи паҳлӯҳои пешгирии ифротгароии динӣ якзайл ҷараён нагирифта истодааст, алалхусус паёмадҳои идеологии пайдоиш ва авҷи ифротгароии динӣ бо така ба афкори

сиёсӣ ва ҳуқуқии гузаштагон дар сатҳи зарурӣ ба роҳ монда нашудааст. Олими рус Л.Р. Сюкияйнен қайд менамояд, ки «Ифротгароии муосири «исломӣ» – ин бо меъёри зарурӣ, дар баъзе мавридҳо асосан ҳодисаи идеологӣ мебошад. Зеро мустаҳкамии мавқеи ифротгароёни динӣ дар навбати аввал ба заминаи назариявии он, ки ба концепсияҳои сиёсӣ-ҳуқуқии исломӣ равона гардидааст, асос меёбад. Аз ин рӯ, яке аз самтҳои асосии мубориза бо ифротгароии динӣ ва терроризм ин паҳлӯи назариявӣ - идеологӣ мебошад» [2. С. 14]. Ба назари мо низ ҳоло ҳам зарурати барзиёди омӯзиши самтҳои назариявӣ - идеологӣ мубориза бо ин падидаи номатлуб боқӣ мемонад, ҳол он ки дар самтҳои дигари мубориза бо ифротгароии динӣ чораҳои самаранок андешида шудааст. Ҳолати мазкур аз ҷониби И. Буриев низ таъкид мегардад, ки корҳои илмӣ марбут ба шури динию ҳуқуқии аҳоли, сатҳи таъсири он ба аҳоли ва таъсири баръакси он, омилҳои гуногуни муайянкунандаи мавқеи дину мазҳаб, ки ба мо кӯмакрасонанд, камшумор буда, масъалаҳои мазкур эҳтиёҷ ба омӯзишҳои минбаъда доранд [3. С. 38].

Дар раванди муқовимат бо ифротгароии динӣ, пеш аз ҳама, зарур аст, ки ҳуди мафҳуми “ифротгароии динӣ” тавзеҳ дода шавад. Гарчанде ки аз ҷониби олимони ватанӣ чунин мафҳум борҳо мавриди истифода қарор гирифта бошад ҳам, айни ҳол дар шароити имрӯзаи низоми ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон мафҳуми ҳуқуқии “ифротгароии динӣ” дар санадҳои қонунгузорӣ, аз ҷумла дар Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон, қонунҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи мубориза бар зидди экстремизм (ифротгароӣ)” ва “Дар бораи мубориза бар зидди терроризм” ба мушоҳида намерасад, то ки тавонад шарҳи ҳуқуқии онро барои мо осон гардонад. Дар натиҷаи ҷустуҷӯи банди, ин мафҳум дар Фарҳанги истилоҳоти ҳуқуқ ва Фарҳанги луғавии исломӣ низ пайдо нагардид [4]. Дар адабиёти русӣ бошад мафҳуми ифротгароии динӣ ҳамчун

шакли изҳори ифротии фаъолияти тундгароёнаи динӣ пешбинӣ шудааст, ки дар амалишавии бадбинии динӣ дар дохили гурӯҳҳои динии муайян амалӣ карда мешавад. Ифротгароии динӣ бо чараёнхое муаррифӣ мешавад, ки 1) дар дохили дину мазҳаби муайян дар натиҷаи тундгаро шудани арзишҳои мавҷуда пайдо шудаанд; 2) берун аз мазҳаби мавҷуда дар натиҷаи зуҳури таълимоти динӣ ё ақидаи нав пайдо шудаанд [5. С. 616].

Умуман, муҳаққиқон зуҳури ифротгароиро дар се шакли асосӣ пешбинӣ менамоянд: сиёсӣ, миллию наҷодӣ ва динӣ [6. С. 244-249]. Бар замми ин, боз як қатор олимони шаклҳои дигари ифротгароиро низ зикр намудаанд, ки ба назари банди асосан бо ин се шакли мавҷуда фаро гирифта мешаванд [7]. Бояд қайд кард, ки тақсимбандии ифротгароӣ ба шаклҳо бо назардошти зуҳури он дар соҳаҳои мухталифи ҳаёти ҷамъиятӣ нисбӣ мебошад, зеро ҳамаи он нишонахое, ки дар таҳкурсии ин тақсимбандиҳо нишонанд, дар алоқамандии зич бо ҳамдигар мебошанд. Аз ин рӯ, шаклҳои номбурдаи ифротгароӣ, аз ҷумла ифротгароии динӣ, чун қоида дар амалия дар шакли том вонамехӯрад. Пайдоиш ва густариши ифротгароии динӣ асосан дар ҳамбастагӣ бо ифротгароии сиёсӣ ба мушоҳида мерасад, ки пеш аз ҳама ҳадафи тағйироти қуллии фазои мавҷудаи диниро пайгирӣ менамояд ва дар ниҳояти қор ба сарнагун сохтани низоми сиёсӣ ва ҳуқуқии ҷомеа нигаронида шудааст. Аз ин рӯ, муқовимат бо ин раванди номатлуб ҳам барои ҳуқуқдонҳо ва ҳам барои намоёндагони дигари аҳли илм аҳамияти ҷиддӣ касб менамояд.

Дар давлати демократӣ ва ҷомеаи шахрвандӣ роҳҳои мухталифи муқовимат бо ифротгароии динӣ мавҷуданд, ки онҳо асосан ба ду гурӯҳ ҷудо мешаванд: яке танзими сиёсӣ - ҳуқуқии низоми муқовимат бо ифротгароии динӣ ва дигаре амалисозии чорабиниҳои маърифатӣ - ҳуқуқӣ дар пешгирии ифротгароии динӣ. Яке аз

самтҳои амалисозии чорабиниҳои маърифатӣ - ҳуқуқӣ дар пешгирии ифротгароии динӣ маҳз муқовимати мафкуравӣ мебошад.

Паҳлӯи ҳуқуқии сиёсати давлатӣ оид ба мубориза бо ифротгароии динӣ пеш аз ҳама тавассути татбиқи қонунгузори амалкунанда роҳандозӣ карда мешавад, ки дар маҷмӯъ асосҳои меъёрии ҳуқуқии заруриро барои пешгирии ифротгароии динӣ ва ба ҷавобгарӣ кашидани шахсони гунаҳгор фаро гирифтааст. Санадҳои қонунгузори ҷумҳурӣ доир ба муқовимат бо ифротгароӣ ба меъёрҳои Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон асос ёфтаанд. Аз ҷумла дар моддаи 8 ҳуди Конститутсия омадааст, ки “Таъсис ва фаъолияти иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ ва хизбҳои сиёсӣ, ки наҷодпарастӣ, миллатгароӣ, хусумат, бадбинии иҷтимоӣ ва мазҳабиро тарғиб мекунанд ва ё барои бо зӯрӣ сарнагун кардани сохтори конститутсионӣ ва ташкили гурӯҳҳои мусаллаҳ даъват менамоянд, манъ аст”. Дар заминаи меъёрҳои Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ дар ин самт қабул гардида, мавриди амал қарор доранд. Ба тасвиб расидани Стратегияи миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба муқовимат ба экстремизм ва терроризм барои солҳои 2016-2020, ки бо Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 12 ноябри соли 2016, №776 тасдиқ шудааст, заминаи ҳуқуқии муқовимат ба ифротгароиро боз ҳам қавӣ намуд. Низоми қонунгузорӣ, ки самтгирии ҳуқуқии муқовимат бо ифротгароиро ифода менамояд, дар умум аз маҷмӯи меъёрҳои ҳуқуқии зарурӣ баҳри пешгирии самараноки ин раванди номатлуб бархурдор мебошад. Аммо бояд дарк намуд, ки мубориза алайҳи терроризм ва ифротгароӣ танҳо дар сатҳи муборизаи меъёрӣ ва татбиқи таъсиррасонии ҷиноӣ ба итмом намерасад. Дар ин паҳно воситаҳои иловагӣ ва унсурҳои мухталифи мафкуравӣ, илмӣ, ахлоқӣ, иқтисодӣ ва ҳатто динӣ низ шарт ва зарур аст. Аз ҷумла, мувофиқи мақсад аст, ки натиҷаҳои таҳлилу омӯзишҳои

марказҳои илмӣи ватанӣ доир ба сабабу шароити пайдоиш ва авҷ гирифтани унсурҳои ифротгароии динӣ дар вазъи кунунӣ ба масъулони татбиқи меъёрҳои қонун омӯзонида шуда, баҳри ҳамоҳанг сохтани фаъолияти дастаҷамъона дар решақан намудани ин раванди номатлуб истифода бурда шавад. Дар самарайи он амалияи ҳуқуқтатбиқкунӣ бо ҷанбаҳои идеологӣ пурқувват мегардад.

Таҷрибаи миллии ва ҷаҳонӣ дар самти муқовимат бо ифротгароии динӣ нишон медиҳад, ки истифодаи муқовимати мафкуравӣ дар пешгирии ифротгароӣ, аз ҷумла ифротгароии динӣ ба маротиб судманд буда, сухани Балзак “*Гояҳо танҳо бо гояҳо безарар гардонанда шуданашон мумкин аст*” ба ҳақиқат наздик мебошад. Ҷанбаи муҳими муқовимат бо ифротгароии динӣ ин ташаккули корпуси нерӯманди мафкуравӣ мебошад, ки бо иштироки муштараки ҳуқуқшиносон, диншиносон ва намояндагони илмҳои иҷтимоӣ тавонад тарзу усулҳои ба таҳдидҳои мавҷуда мувофиқи қори мавқуравиро роҳандозӣ намояд. Муқовимати мафкуравӣ бо ифротгароии динӣ аз баланд бардоштани сатҳи фарҳанги ҳуқуқии ҷомеа оғоз гардида, бо ташаккули мафкураи миллие, ки ба принципҳои давлати ҳуқуқбунёд, ҷомеаи шахрвандӣ ва анъанаҳои маънавияи ахлоқии халқи тоҷик асос ёфтааст, ба ҳадаф мерасад. Фарҳанги ҳуқуқӣ дар якҷоягӣ бо дигар арзишҳои маънавӣ фарҳанги ҷомеаро ташкил намуда, дар тақвияти ҳаёти ҷамъиятӣ нақши назаррас дорад. Ба қавли Г.И. Муромцев фарҳанги ҳуқуқӣ “халқаи ҳампайванд байни ҳуқуқ ва фарҳанг мебошад: дар ҳуқуқ вай унсури фарҳангро муаррифӣ мекунад, дар фарҳанг бошад – унсури ҳуқуқро” [8. С. 27]. О.Б. Шубина бошад қайд менамояд, ки “фарҳанги ҳуқуқӣ унсури фарҳанги маънавӣ мебошад, ки бо дигар соҳаҳои он: фарҳанги эстетикӣ, динӣ, сиёсӣ ва ахлоқӣ робита дорад [9. С. 31]. Шаклҳои ҳукмфармои шуури ҷамъиятӣ (фалсафа, ахлоқ, дин, сиёсат ва ғ.), дастовардҳои моддӣ ва маънавӣ, сатҳи рушди ҷамъиятӣ ва давлатӣ-ҳуқуқӣ, фарҳанги

сиёсӣ, ахлоқӣ ва монанди онҳо ба вазъ ва сатҳи фарҳанги ҳуқуқӣ бевосита таъсир мерасонанд [10. С. 65]. Зарурати баланд бардоштани сатҳи фарҳанги ҳуқуқии ҷомеа дар роҳи пешгирии ифротгароии динӣ аз талаботи Стратегияи миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба муқовимат ба экстремизм ва терроризм барои солҳои 2016-2020 сарчашма мегирад, ки аз ҷумла дар банди 15-уми он омадааст: “баланд бардоштани сатҳи фарҳанги ҳуқуқии ҷомеа, маърифати ҳуқуқии аҳоли ва тақвияти ҳифзи иҷтимоӣ-ҳуқуқии шахс бояд ҳамчун ҷузъи таркибии сиёсати пешгирӣ ва мубориза бар зидди экстремизм ва тундгароии батерроризмбаранда арзёбӣ гарданд”.

Бо назардошти он, ки таърихи чордаҳасраи ҷомеаи тоҷикон бо ислом ҳамради аст, омӯзиши таърих ва концепсияҳои ҳуқуқии исломӣ дар таъмини муқовимати мафкуравӣ бо ифротгароии динӣ нақши бориз дорад. Ислом дар паҳноҳои ин сарзамин тӯли асрҳо доман паҳн намуда, миллати тоҷик бо пазируфтани он дар ташаккули фарҳангу тамаддуни бузурги исломӣ ва ба яке аз тамаддунҳои пурғановати ҷаҳонӣ табдил гаштани он нақши басо муҳим бозидааст. Дар марҳилаҳои гуногуни таърихӣ сарзамини тоҷикон бо ин гуна мушкилиҳо дар либосҳои гуногун рӯ ба рӯ шудааст, ки дар натиҷаи заҳмати беандозаи фарзандони фарзонаи ин миллат пеши роҳи онҳо гирифта шуд. Мардуми тоҷик аз қадим дорои фарҳанги волои ҳамдигарфаҳмӣ буда, ба ғояҳои тундгароёна майл надовшт. Ин хусусияти тоҷикон ҳам дар марҳилаи тоисломӣ ва ҳам дар марҳилаи исломии таърихи миллат ба мушоҳида мерасад. Дар масири таърихи кишварҳои арабӣ бошад мунозираҳои ақидативу мазҳабӣ андаруни баҳсҳои фикҳиву илмӣ зухур карда, бо манфиатҳои молиқу ҷуғрофӣ ангезиш ёфта, ба таҳқири шахсӣ, гурӯҳӣ ва ифроти том гузар намуда, ҷомеаи исломиро ба хунрезии мочароҳо мубтало кардааст [11. С. 244]. Ин ҳолат хоси аксари кишварҳои Шарқи Наздик буда, бо вучуди мавҷудияташ дар тӯли

таърих ҳеҷ гоҳ хоси мардуми тоҷик ва мазҳаби таҳаммулпазири ҳанафӣ, ба вижа шохай мовароуннаҳрии он набудааст.

Гузаштагони барӯманди халқи тоҷик дар рушди фарҳангу тамаддуни исломӣ саҳми бисёр бузург гузошта, бо офаридани осори бузурги маънавии илмӣ фарҳангӣ доир ба роҳҳои таҳкими пояи давлатдорӣ ва ҳифзи мазҳаб андешаронӣ намудаанд. Чунончи, дар «Сиёсатнома»-и Низомулмулкӣ Тӯсӣ вобаста ба ҳифзи давлат ва асли мазҳаб бо така ба шароити он замон ба тариқи зайл баён гардидааст, ки: «...Қадҳудоёни он давр ҳама соҳибпешагони Хуросон будаанд ва дабирони Хуросон ҳанафимазҳаби покиза бошанд. Дабирон ва омилони бадмазҳабро ба хештан роҳ надовдаанд ва на аҳли Хуросон ҳаргиз раво доштанӣ, ки эшонро шугл фармоянд. Гуфтанд, инон ҳаммазҳаби дайламиёнанд ва ҳавохоҳи эшон чун пой устувор кунанд, кори аҳли ин сарзамин ба зиён оваранд ва мусулмононро ранҷо расонанд» [12]. Гуфтаҳои мазкур бори дигар собит менамояд, ки мушкилиҳои имрӯзаи ҷаҳони ислом дар даврони гузашта низ бо ранҷҳои гуногун зухур кардаанд ва миллати тоҷик бо ҳифзи мафкураи асили худ тавонистааст аз ин гуна вартаҳои зиндагӣ худро наҷот диҳад. Низомулмулк низ дар замонҳои худ дарк намудааст, ки иддае аз шахсони дорои ақидаҳои ифротӣ, чун қувват гирифтанд, ба мардуми мусулмон ранҷу азобҳои гароне мерасонанд ва ба исломи ноб доғ овардани мешаванд. Мисли он, ки дар ҷои дигар мегӯяд: «То очиз бошанд (яъне ифротгароён – Ю.Б.), тоат медоранду бандагӣ мекунанд ва агар камтар гунае қувват гиранд ва заъфе дар кори мо падид ояд, ҳам аз ҷиҳати мазҳаб ва ҳам аз ҷиҳати вилоят яке аз моро зинда намонанд ва аз хару гов камтар бошанд, он ки дӯсту душман надонанд» [12]. Ҳолати мазкурро ҳамарӯза дар кирдорҳои зишти ташкилоти экстремистиву террористии ба ном «Давлати исломӣ» мушоҳида кардан мумкин аст, ки баъзе аз амалҳои даҳшатовари онҳо аз ваҳшиён низ



бадтар аст. Боиси афсӯс ва андӯх аст, ки бо вучуди чунин ҳолат боз ҳам иддае аз ҷавонони мо фирефтаи ин ақидаҳои ифротӣ мегарданд. Аз ин лиҳоз, бо истифода аз дастовардҳои фарҳангии миллии ва мероси ахлоқиву маънавии гузаштагон мебоянд дар замири ҷавонон асли таҳаммулгароӣ эҳё гардида, садди роҳи воридшавии мафкураи зӯроварона гирифта шавад.

Баъд аз пайдоиши ташиклоти экстремистиву террористии ба ном «Давлати исломӣ» шумораи зиёди шаҳрвандони кишвар ба он шомил гардида, ҷиҳати иштирок дар задухӯрдҳои мусаллаҳона ба сӯи кишварҳои ҷангзада раҳсипор мешуданд. Шумораи мазкур дар аввал рӯи ба афзоиш дошт, ки боиси ташвиши кулли аъзои ҷомеа гардид. Дар натиҷаи пурзӯр намудани муқовимати мафкураи муяссар гардид, ки раванди шомилшавии ҷавонон ба ҳизбу ҳаракатҳои ифротӣ коҳиш ёбад. Тибқи иттилоии Прокурори генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Юсуф Раҳмон дар соли 2016 сатҳи шомилшавии шаҳрвандони Тоҷикистон ба созмону ҳаракатҳои экстремистиву террористӣ нисбат ба соли 2015 панҷ маротиба коҳиш ёфтааст [13]. Чунин ҳолат собит месозад, ки дар масири роҳандозӣ намудани ҷораҳои таъсиррасонии ҳуқуқӣ андешидани ҷорабиниҳои маърифатӣ – ҳуқуқӣ, аз ҷумла таъмини муқовимати мафкураи дар раванди пешгирии ифротгароии динӣ барои ҷомеаи шаҳрвандӣ ва давлати ҳуқуқбунёди мо басо муҳим мебошад.

Дар шароити имрӯза ифротгароии динӣ ва умуман экстремизм ин танҳо кирдори зиддиҳуқуқӣ набуда, балки як низоми густурдаи андеша ва ғояҳои гардидааст, ки арзиши низоми ҳуқуқии мавҷударо инкор намуда, онро ҳамчун унсӯри бегона дар шуури пайравони худ талқин мекунад ва ба сӯи харобиву вайронӣ ҳидоят менамояд. Дар ин замина, барои мо илми ободкунандаву

роҳкушоянда ва исломи созанда лозим аст, ки тавонад истодагари тафаккури ҳуқуқии ҷавонро дар муқобили ҳар гуна ғояҳои ифротӣ таъмин намояд ва онро ба самти рушду шуқӯфии ватани азизамон ҳидоят кунад. Чунин арзишҳои созандаи мутамаддин дар сарчашмаҳои ҳуқуқии исломӣ мавҷуд мебошанд, ки танҳо дуруст фаҳмонидан ва истифодаи оқилонаро тақозо менамояд. Буд давраҳои, ки аз ин сарчашмаҳои олии маънавию ахлоқӣ аҷдоди мо дармони бемориҳои иҷтимоии ҷомеа дарёфт карданд ва нагузоштанд, ки миллати тоҷик ба асорати муноқишаҳои гирифтӣ шавад. Профессор А. Холиқзода дар ин маврид чунин ёдовар шудааст: «Даврони ташаккули мазҳабҳо ва таҳаввули ислоҳоти ҳуқуқӣ ҷавоб ба бӯҳрони сатҳи ҳуқуқии исломӣ ва диндорӣ мардуми ба ислом гарамидаи кишварҳои зиёди Осиё ва Африқо буд. Он замон аламбардорони илми замон Имоми Аъзам, Абӯҳафси Кабири Бухорӣ, Боязиди Бистомӣ, Абӯҳақими Самарқандӣ, Бурҳониддини Марғелонӣ ва дигар уламо тавонистанд ин бӯҳрони бархӯрди маданият, фарҳанг, оини зиндагӣ ва одату анъанаро дар доираи арзишҳои исломӣ бо назардошти ҳимояи манфиати халқу қавмҳои тасхиршуда ба ҳам оранд» [14. С. 106]. Онҳо дар замонҳои худ бо таъбаи дастовардҳои илмӣ тавонистанд, ки аз арзишҳои маънавию ахлоқӣ ба манфиати мардуми таҳҷой ва рушди ҷомеа ба мавқеи истифода намоянд. Фаъол намудани нақши ҷомеаи шаҳрвандӣ тавассути баланд бардоштани сатҳи фарҳангии ҳар як узви он ва истифодаи оқилонаи дастовардҳои ҳуқуқии ниёгон дар ташаккул ва амалисозии раванди муқомивати мафкураи бӯи ифротгароии динӣ дар фарҷоми қор ба ҳифзи истиқлолият ва сулҳу суботи ҷомеа, таъмини ҳуқуқи озодиҳои инсон, волоияти қонун ва бунёди асли таҳаммулгароии динӣ мусоидат хоҳад кард.

Адабиёт:



1. Холиқов А.Ғ. Соҳибхитӣрӣ ва андешаи давлати миллӣ (Бархӯрди ҳуқуқи манфиатҳои ҷаҳонишавӣ ва давлати миллӣ). - Душанбе, Ирфон, 2009. - с.117.
2. Сюкияйнен Л.Р. Исламская правовая культура против экстремизма и терроризма. - Москва, ВШЭ, 2015. - с.14.
3. Буриев И. Масоили назариявӣ методологии омӯзиши анъанаҳои динӣ – ҳуқуқӣ//Маҷмӯаи илмӣ “Мақом ва нақши ислом дар Ҷумҳурии Тоҷикистон”. – Д. 2016. – с.38.
4. Фарҳанги истилоҳоти ҳуқуқ / Зери таҳрири Раиси Суди конституционии Ҷумҳурии Тоҷикистон, академики Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор, Маҳмудов М.А. – Душанбе: “Эр-граф”, 2012. – 612 саҳ.; Ализаде А. Исламский энциклопедический словарь. – М., Ансар. – 2007 г., 400 с.
5. Учебный словарь “Религиоведение”. Под ред. Е.С. Элбакян. - Москва, Академический Проект. - 2007 г.. С. 616.
6. Римский А.В., Артюх А.В. Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы проявления. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. 2009. Т. 16. № 10. С. с. 244–249.
7. Шаклҳои ифротгарии динӣ: миллатгарой (Григорьева Е.И., Кузьмин А.В. Историко-культурный генезис профилактики экстремистского поведения//Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 11 (115). С. 175-180); иттилоотӣ (Жукова О.С., Иванченко Р.Б., Трухачев В.В. Информационный экстремизм как угроза безопасности Российской Федерации//Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 1. С. 53-55) ва ғ.
8. Муромцев Г.И. Правовая культура как объект научного исследования. // Правовые культуры: история, эволюция, тенденции развития: материалы международной научной конференции. М., 2003. С. 27.
9. Шубина О.Б. Правовая культура как элемент культуры общества. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 31.
10. Насурдинов Э.С. Формирование правовой культуры в Республике Таджикистан в условиях углубления культурно-цивилизационных различий: проблемы теории и практики. дис. ... док. юрид. наук. Д., 2014. С. 65.
11. М. Ҳазратӣ, И. Саидиён. Ислом: равияҳо, мазҳабҳо ва фирқаҳо. - Душанбе, Ориён, 1992. – 224 с.
12. Матнҳо аз китоби “Сиёсатнома”. Ба чоп тайёркунанда А. Девонакулов, муҳаррир Султонова. – Душанбе, 1989. – 200 с.; Холиқзода А.Ғ. Назарияи идоракунии шарқӣ (дар афкори мутафаккирони форс-тоҷик). – Душанбе: “Эр-граф”, 2017. – саҳ. 112-113.
13. Ҳисоботи Прокурори генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон Юсуф Раҳмон дар иҷлосияи нухуми Маҷлиси миллии Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Душанбе, 16.02.2017/АМИТ «Ховар»
14. Холиқов А.Ғ. Худшиносии миллӣ ва динӣ (Заминаҳои бунёи андешаи давлати миллӣ). - Душанбе, Ирфон, 2010. - с.106.

**ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ****К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЕ****Ганиев Дж. Ш.,**ассистент кафедры конституционного права  
юридического факультета Таджикского националь-  
ного университета.E-mail: [jomi.03@mail.ru](mailto:jomi.03@mail.ru)**Научная специальность:** 12.00.02 — конституционное право; конституционный су-  
дебный процесс; муниципальное право**Научный руководитель:** Диноршоев А.М., доктор юридических наук, профессор**Рецензент:** Джамshedов Дж. Н., кандидат юридических наук, доцент

*Аннотация.* Качественные изменения, произошедшие в национальной общественно-политической и правовой действительности в последнее десятилетие, обострили все научно-познавательные процессы. И прежде всего заставили по-новому посмотреть на ход современных событий, объективно оценить их причины, сущность и перспективы. Внедрение новых рыночных отношений в экономику, социальная реконструкция общества и новая политическая интеграция получали свое непосредственное отражение в мероприятиях государственно-правового характера, проводимых в рамках изменения старой Конституции и формирования новой. Конституционная реформа стала знаменем нашего времени. Под ее эгидой осуществляются все преобразовательные процессы в государстве, с ее позиций оцениваются достоинства и недостатки происходящего.

*Ключевые слова:* Конституция, реформа, конституционное право

**ON THE ISSUE OF CONSTITUTIONAL REFORM****Ganiev J. Sh.,**Junior lecturer of the Department of Constitutional  
law of the Law Faculty, Tajik National University.E-mail: [jomi.03@mail.ru](mailto:jomi.03@mail.ru)**Scientific specialty:** 12.00.02 — Constitutional law; constitutional proceedings; municipal  
law**Research supervisor:** Dinorshoev A. M., Doctor of Legal Sciences, Professor**Reviewer:** Jamshedov J.N., Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

*Annotation.* The qualitative changes that have occurred in the national socio-political and legal reality in the last decade have exacerbated all the scientific and cognitive processes. And first of all they forced to take a fresh look at the course of modern events, to objectively assess their causes, essence and prospects. The introduction of new market relations into the economy, the social reconstruction of society and the new political integration were directly reflected in state-legal measures carried out within the framework of amendments to the Constitution and forming a new one. Nowa-

days it is very important sign. In the scope of all these changes forming in the state, it is given mark to its place with all problems and priorities.

*Key words:* Constitution, constitutional law, reform/

Проведение конституционных реформ невозможно без ясного понимания того, что такое конституционная реформа. Термин реформа (фр. «*reformе*», лат. «*reform*» — преобразовываю) — преобразование, изменение, переустройство какой-либо стороны общественной жизни (порядков, институтов, учреждений); формально-любое нововведение, однако обычно называют более или менее прогрессивное преобразование.

Сам термин «реформа» полагает масштабные действия. Если же говорить о конституционной реформе, то, вероятно, такие действия должны касаться основного закона государства или других институтов конституционного права: предполагается увязывание реформирования именно с самой конституцией государства, ее текстом. Однако тут же возникают как минимум два вопроса.

Во-первых, всякие ли изменения в тексте конституции можно назвать реформой? Дополнение текста основного закона или исключение из него какого-то положения может быть незначительным: в таком случае само слово «реформа» может «возвысить» достаточно мелкое, «техническое», совершенствование текста конституции. В связи с этим важно подчеркнуть: не количество изменений, а именно их суть позволяет назвать произведенное изменение реформой.

Во-вторых, поскольку совокупность источников конституционного права как отрасли права зачастую называют конституционным законодательством, закономерен вопрос: надо ли считать конституционной реформой только изменения текста конституции или необходимо расширить понятие «реформа», включив в него совершенствование конституционного законодательства в целом? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ. Не характерный сегодня динамизм конституционного законодательства в Республике Таджикистан, не частое появление актов, со-

ставляющих конституционно-правовое регулирование, приводят к выводу о том, что мы находимся в процессе постоянного конституционного реформирования, которое необходимо рассматривать через призму понятия «конституционная реформа», так как это принципиально новое регулирование! Именно последнее обстоятельство позволяет не бояться использования понятия «конституционная реформа» при очень важных, этапных решениях, если даже они производятся посредством текущего регулирования общественных отношений. Как отмечает Авакян С.А., с этого последнего обстоятельства и стоит начать разговор о феномене, именуемом конституционно-правовой реформой. Когда она имеет место при принятии новой конституции, при внесении изменений и дополнений в действующий основной закон и какого масштаба они должны быть, чтобы это можно было назвать конституционно-правовой реформой? В принципе для всех очевидно: если разрабатывается и принимается новый основной закон, это, вне сомнения, есть конституционная реформа. В других случаях этот вопрос сам по себе подлежит обсуждению. И связано это с семантическим значением слова «реформа», если в конституцию вносятся «косметические» изменения, принципиально не затрагивающие смысла ее положений, это не следует называть реформой; если же изменения затрагивают, более или менее, конструкцию конституции или даже просто характер отдельных ее положений, тогда уж для слова «реформа» есть основания [1. С. 25]. Впрочем, оснований для использования понятия «конституционная реформа» достаточно и тогда, когда можно изменить положения глав Конституции, требующие не принятия нового текста, а только внесения поправок в Конституцию.

Теоретически и практически актуален вопрос: когда изменение основного закона знаменует конституционную реформу? Как отмечает Хабриева Талия

Яруловна, конституционная реформа — это всегда определенный перерыв постепенности и качественное изменение конституционно-правовых институтов и норм, и этим она отличается от других изменений конституционного текста. Однако формальная прерывность в конституционном развитии юридически не универсальна, поэтому не всегда принятие новой конституции означает реформу, если основной закон по содержанию повторяет предыдущий [2. С. 45].

Принятие конституционного или иного закона о конституционной реформе — ключевое событие, часть процесса реформирования общественных отношений. Как отмечает Диноршоев А.М., в законодательной практике Таджикистана был принят закон РТ «О конституционной реформе в Республике Таджикистан, о порядке принятия и введения в действие Конституции Республики Таджикистан» от 20 июля 1994 года, в котором впервые используется термин «конституционная реформа». Далее он отмечает, что в данном законе понятие конституционная реформа не раскрывается. Но, при этом данный закон определяет цели проведения конституционной реформы: обеспечение преемственности и эффективного функционирования всех ветвей и уровней государственной власти и государственного управления в ходе их предстоящей реорганизации, создание условий для своевременного вступления в силу норм Конституции Республики Таджикистан [3. С. 45].

При этом следует подчеркнуть, что данная проблематика в Республике Таджикистан, в отличие от других постсоветских государств, до сих пор является малоизученной. Вопросы конституционно-правовой реформы частично рассмотрены в трудах Имомова А.И., Сативалдыева Р.Ш. и ряда других ученых. В силу этого для Республики Таджикистан актуальным остаются анализ фундаментальных элементов теории конституционной реформы, формирования системных научных представлений о целевых приоритетах конституционной реформы, предпосылок и принципов ее проведения

и порядка осуществления, включая выяснения вопросов структурирования и содержания основных стадий конституционного реформирования, а также анализ теоретического развития и практической реализации модели конституционализма как итога реформирования Конституции Республики Таджикистан.

Нужно отметить, что в юридической литературе различают три вида реформ:

1. Радикальные (системные). Они затрагивают многие стороны общественной жизни, в результате происходит постепенное изменение базиса и общество переходит на новую ступень развития.

2. Умеренные реформы. Сохраняют основы прежней системы, но модернизируют их.

3. Минимальные реформы. Реформы, которые приводят к незначительным изменениям в политике, управлении государством, в экономике.

С приобретением независимости для Таджикистана, как независимого государства, начался и новый период в ее конституционном развитии. Этот этап характерен тем, что теперь вопросы конституционной реформы решались самими органами республики, в отличие от прежних времен, когда конституции Таджикистана дублировали Конституции СССР. Говоря о предпосылках принятия новой конституции Таджикистана, нужно отметить, что основой для конституционной реформы стали принятие в течение 1990–1991 годов «Декларации о независимости Республики Таджикистан», «Заявление о государственной независимости Республики Таджикистан», Постановление Верховного Совета Республики Таджикистан «Об объявлении государственной независимости Республики Таджикистан», которые положили фундамент для разработки проекта новой конституции [4. С. 10].

Новый проект Конституции Республики Таджикистан был вынесен на всенародное обсуждение в течение апреля — июня 1994 года. Проект получил широкую поддержку и подтвердил необходимость осуществления конституционной реформы и всенародного референдума по ее приня-

тию. Исходя из сложившейся ситуации в стране и руководствуясь одобренным Верховным Советом Республики Таджикистан 28 декабря 1993 года Политическим Заявлением Главы государства, Председателя Верховного Совета Республики Таджикистан Э. Рахмонова, «в целях последовательного осуществления конституционной реформы, обеспечения преемственности и эффективного функционирования всех ветвей и уровней государственной власти и государственного управления в ходе их предстоящей реорганизации, создания условий для своевременного вступления в силу норм Конституции Республики Таджикистан, стремясь дать возможность народу, включая беженцев-граждан Республики Таджикистан самому определять судьбу своей страны, Верховный Совет Республики Таджикистан постановил: проект Конституции Республики Таджикистан, представленный Комиссией по подготовке проекта новой Конституции Республики Таджикистан с учетом итогов его народного обсуждения, одобрить и вынести на народное голосование (референдум)» [5. С. 47]. Разработка и принятие Конституции Республики Таджикистан стали логическим завершением итогов осуществления конкретных мер, предпринимаемых президентом, правительством и парламентом страны. 6 ноября 1994 года проект Конституции, вынесенный на всенародный референдум был одобрен народом страны. И можно подчеркнуть, что после принятия Конституции Республики

Таджикистана появились некоторые общие черты конституционной реформы в стране:

- отказ от социалистической и принятие либеральной (рыночной) модели экономики;
- обретение международной правосубъектности;
- изменение идеологии государственных символов;
- введение политического и идеологического плюрализма (исключение — Туркменистан, в котором закреплена государственная идеология — Рух Нама);
- признание принципа разделения властей;
- в стране появились новые конституционно-правовые институты — должность президента, конституционный суд, должность уполномоченного по правам человека, избирательная система;
- признание многообразия форм собственности;
- признание верховенства права и закона;
- признание естественного характера прав и свобод и их правовые гарантии.

В целом, конституционная реформа способствует выходу страны в новое правовое пространство, может помочь переводу ее на новую траекторию исторического движения. В то же время это сильное средство макрорегулирования правовой системы, общественной жизни, которое должно использоваться только в особых ситуациях, когда возникает реальная необходимость его реформирования.

### Литература:

1. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000.
2. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2005.
3. Диноршоев А.М. Понятие и предпосылки конституционно-правовой реформы. // Правовая жизнь. № 2 (14). 2016.
4. Заявление «О государственном суверенитете Республики Таджикистан». Ч. 1.
5. Ахбори Шурои Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. 1994. № 13 (1170).



**ТАНЗИМИ ҲУҚУҚҲОИ КӯДАК ДАР ҚОНУНГУЗОРИИ ҶУМҲУРИИ  
ТОҶИКИСТОН****РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ РЕБѐНКА В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ  
ТАДЖИКИСТАН****Абдулхайрзода Дж.,**

аспирант кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета.

E-mail: [abdulkhayrzoda@mail.ru](mailto:abdulkhayrzoda@mail.ru).**Научная специальность:** 12.00.01 — теория и история права и государства, истории учений о праве и государстве**Научный руководитель:** Сафарзода Б.А., доктор юридических наук, профессор**Рецензент:** Азизов У.А., доктор юридических наук, профессор

*Аннотация.* Известно, что ребёнок в любом обществе и государстве выступает субъектом права, имеющим свой особый статус. Правовое положение данного субъекта нуждается в повышенном внимании со стороны государства и его органов. В последние годы Правительством Таджикистана принят ряд нормативно-правовых актов относительно прав ребёнка. Статья посвящена анализу регулирования прав ребёнка в законодательстве РТ.

*Ключевые слова:* законодательство, ребёнок, права, субъект, акт, регулирование, общество.

**REGULATION OF THE CHILD'S RIGHT IN THE LEGISLATION OF THE  
REGULATION OF THE CHILD'S RIGHT IN THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF  
TADJIKISTAN****Abdulkhayrzoda J.,**

Postgraduate student of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Law Faculty, Tajik National University.

E-mail: [abdulkhayrzoda@mail.ru](mailto:abdulkhayrzoda@mail.ru)**Scientific specialty:** 12.00.01. – Theory and history of the law and state; History of the doctrines of the law and state**Research supervisor:** Safarzoda B. A., Doctor of legal Sciences, Professor**Reviewer:** Azizov U., Doctor of legal Sciences, Professor

*Annotation.* It is known that a child in any society and state is a subject of law that has its own status. Legal status of this subject needs to be paid attention by the state and its bodies. Recently, the Government of Tajikistan has adopted a number of regulations concerning the rights of the child. The article deals with the regulation of the child's right in the legislation of the Republic of Tajikistan

*Key words:* legislation, child, rights, subject, act, regulation, society.

Принципи эҳтиром, риоя ва ҳифзи ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шахрванд, яке аз принципҳои умумиэтирофнамудаи ҳуқуқи байналмилалӣ маҳсуб меёбад. Оинномаи СММ яке аз ҳадафҳои асосии худро ба ҳамкориҳои байналмилалӣ дар рушд ва эҳтиром гузоштан ба ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шахрванд нисбати тамоми категория сарфи назар аз наҷод, ҷинс, забон, эътиқоди динӣ, вазъи иҷтимоӣ, равона намудааст [2 с.6].

Имрӯз дар ҷомеаи ҷаҳонӣ, алалхусс дар Тоҷикистон ҳуқуқи кӯдак мушкilotи ҳамарӯза буда, таваҷҷуҳи маҳсусро тақозо менамояд. Таълиму тарбияи кӯдакон яке аз масъалаҳои актуалӣ маҳсуб меёбад, ки перомунӣ он фикру андеша ва назарияҳои пурарзиш дар бобати беҳтар гардонидани вазъи ҳуқуқӣ ва танзими ҳуқуқҳои кӯдак дар қонунгузориҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон ибраз гардидаанд. Кӯдакон ҳамчун узви осебпазири ҷомеа эътироф гардида, муносибати бераҳмона нисбати онҳо мушкilotест, ки тамоми аҳли оммаро ба ташвиш овардааст. Мутаассифона тадқиқотҳои гузаронидашуда нишон дод, ки дар ҷомеа аз ҷониби нафарони алоҳида дар баъзе ҳолатҳо истифодаи муносибати бераҳмона нисбати ноболиғон ҷой дорад, ки кӯдакон аз ин муносибатҳо ба ҳимоя ва ғамхории маҳсус ниёз доранд. Кафолатҳои умумӣ ва принципҳои қонунгузорӣ марбут ба ҳуқуқи кӯдак дар Ҷумҳурии Тоҷикистон, пеш аз ҳама дар Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон, қонунҳо, ҳамчунин кодексҳои ҚТ, ки муҳофизати ҷиноятӣ, принципҳои ҷавобгарии ҷиноятӣ ва иҷрои ҷазои ҷиноятиро ба танзим мебароранд, дохил карда шудаанд. Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон 18 март соли 2015 Қонуни маҳсус «Дар бораи ҳифзи ҳуқуқҳои кӯдак» ба тасвиб расид, ки он низоми ҳаматарафаи ҳуқуқҳои кӯдакро муқаррар намуда, кӯдакро ҳамчун субъекти қонун ҳуқуқӣ муносибатҳои ҷамъиятӣ муайян мекунад. Ҳимояи ҳуқуқ, кафолатҳо оид ба вазъи ҳуқуқии кӯдак ин дар назди падару модар, ҷомеа ва давлат, на танҳо ҳуқуқ, балки уҳдадорӣ низ мебошад. Дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон

«Дар бораи ҳифзи ҳуқуқҳои кӯдак» ва Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи масъулияти падару модар дар таълиму тарбияи фарзанд» тахти мафҳуми кӯдак ашхоси ба сини 18 сола нарасида фаҳмида мешавад, ки ин меъёр аз Конвенсия дар бораи ҳуқуқи кӯдак сарчашма мегирад. Дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ҳифзи ҳуқуқҳои кӯдак» мафҳуми кӯдакро ба намудҳои зилл тасниф менамоянд:

- кӯдак - шахсе, ки ба синни ҳаждаҳ нарасидааст;

- кӯдаки маъҷуб - кӯдаке, ки дар натиҷаи нуқсҳои саломатӣ бо қиёсҳои устувори вазифаҳои организм аз беморӣ, ҷароҳат, иллати ҷисмонӣ ва ақлонӣ боиси маҳдуд шудани фаъолияти ҳаёти гардидааст ва ба ҳифзи иҷтимоӣ ниёз дорад;

- кӯдаки ятим - кӯдаке, ки падару модараш, падар ё модари танҳоаш вафот кардаанд;

- кӯдаки бепарастор - кӯдаке, ки бо сабабҳои маҳдуд ё маҳрум карда шудани падару модар, падар ё модари танҳоаш аз ҳуқуқи падару модарӣ, бедарак ғойб эътироф ё фавтида эълон гардидани падару модар, ғайри қобили амал (дорои қобилияти маҳдуди амал) доништа шудани онҳо, барои адои ҷазо дар ҷойҳои маҳруми аз озодӣ қарор доштани падару модар, саркаши кардани падару модар аз тарбияи кӯдак ё ҳифзи ҳуқуқи манфиатҳои ӯ, аз ҷумла ҳангоми рад кардани гирифтани кӯдаки худ аз муассисаҳои таълимӣ - тарбиявӣ ва ё табобатӣ, инчунин дар дигар ҳолатҳо бе парастории падару модар мондааст.

Қобили зикр хос аст, ки соли 2012 ворид намудани тағйирот ба Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон бо мақсади қонунан ҷиноят эълон намудани истифодаи шиканча, бешак навигарии хуб буд. Муқаррарот дар бораи истифодаи зӯроварӣ нисбати ноболиғон бо Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи милитсия», Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар

бораи ярок”, Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи низоми иҷроӣ ҷазои ҷиноятӣ”, муқаррар карда шудаанд. Мутобиқи Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи милитсия” истифодаи воситаҳои махсус нисбати ноболиғон манъ аст, ба истисноӣ ҳолатҳои аз ҷониби онҳо нишон додани муқобилияти мусаллаҳона, ҳучуми гурӯҳӣ ё ҳучуми дигаре, ки ба ҳаёт ва саломатии одам таҳдид мекунад. Қонун “Дар бораи милитсия” истифодаи яроқи оташфишон нисбати ноболиғонро манъ мекунад, ба истисноӣ ҳолатҳои содир намудан ё ҳамла овардан, нишон додани муқобилияти мусаллаҳона, ҳучуми гурӯҳӣ ё мусаллаҳона [13, С. 9]. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи ярок” низ истифодаи яроқи оташфишонро манъ мекунад [13, 9]. Тартиби истифодаи зӯрварӣ (қувваи ҷисмонӣ, воситаҳои махсус ва яроқи оташфишон) аз ҷониби кормандони низоми иҷроӣ ҷазои ҷиноятӣ ба тартиби истифодаи зӯрварӣ аз ҷониби кормандони милитсия монанд аст. Манъи истифодаи воситаҳои махсус нисбати ноболиғон ва яроқи оташфишон аз ҷониби ноболиғон низ як ҳел аст [13, 9]. Кодекси муҳофизати ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон боби алоҳидаеро (боби 44) дар бар мегирад, ки тартиби пешбурди парвандаҳо оид ба ҷиноятҳои ноболиғонро муқаррар мекунад. Кодекси муҳофизати ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон муқаррар менамояд, ки муқаррароти ҳамин боб дар бораи парванда марбут ба шахсе, ки дар лаҳзаи содир намудани ҷиноят ба ҳаҷдаҳсолагӣ нарасидааст, татбиқи мегардад [9, 8]. Дар парвандаҳо оид ба ҷиноятҳои, ки аз ҷониби ноболиғон содир шудаанд, ҷиҳати иштирок дар парванда ҳатман намояндагони қонунӣ онҳо ҷалб карда мешаванд [13, 9]. Ба ғайр аз ин агар гумонбаршуда, айбдоршаванда ё судшаванда ноболиғ бошанд, иштироки ҷимоятгар дар пешбурди парвандаҳо ҳатмист ва даст кашидан аз хизмати ҷимоятгар манъ аст [13, 9]. Тартиби дастгир намудани ноболиғ, ҳамчунин ба ҳабс гирифтани ба сифати ҷораи пешгирӣ аз рӯи қоидаҳои

умумие, ки Кодекси муҳофизати ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон барои шахсони гумонбаршуда ва айбдоршаванда муайян намудааст, сурат мегирад [13, 8]. Дар таҷриба дида мешавад, ки барои ҷиноятҳои наҷандон вазнин нисбати ноболиғон ҷораҳои пешгирӣ ба ҳабс гирифтани татбиқи карда мешуд. Чунин ҷораи пешгирӣ, аз қабилӣ ба ҳабс гирифтани нисбати ноболиғ танҳо дар ҳолатҳои истисноӣ ҳангоми содир намудани ҷинояти вазнин ва махсусан вазнин татбиқи мегардад [13, 10]. КМҶ ҚТ қоидаҳои гузаронидани пурсишро барои ноболиғони гумонбаршуда, айбдоршаванда муқаррар менамояд. Ба ғайр аз мақомоти таъқиби ҷиноӣ, Комиссия оид ба ҳуқуқи кӯдак низ парвандаҳои зеринро баррасӣ менамояд:

- нисбати ноболиғоне, ки ба амалҳои ғайриқонунӣ то расидан ба синну сола, ки аз лаҳзаи он масъулиятшиносӣ оғоз мегардад, даст задаанд;

- нисбати рафтори ба меъёрҳои иҷозатдодашудаи ҳуқуқӣ ё меъёрҳои ахлоқӣ ҷавобгӯ набудад;

- дар бораи амалҳои зидди ҷамъиятӣ [9, 12].

Бешубҳа метавон гуфт, самаранокӣ амалигардии ҳуқуқ танҳо дар он замоне назаррас аст, ки таъмини он ба зиммаи давлат ё шахсони дигар вогузор гардида бошад. Масъалаҳо оид ба кафолати ҳуқуқи озодиҳо набояд хусусусияти рамзӣ дошта бошанд, балки барои дар амал татбиқи намудани дар ҳаёт ва рушди минбаъдаи раванҳои демократикунонии ҳаёти ҷомеа мусоидат намоянд. Онҳо бояд чунин шароит ва фазои мусоидеро фароҳам оваранд, ки ҳуқуқ ва озодиҳои дар Конститутсия ва санадҳои меъёрӣ ба вазъи воқеии инсон табдил гарданд. Дар ҳама гуна ҷамъият ашхосе мавҷуданд, ки бинобар сабабҳои гуногун имконияти ҷимоя намудани манфиатҳои худро надоранд, маҳз барои ҳамин ба онҳо бояд, ҷимояи махсус татбиқи карда шавад ва нисбатан ҷораҳои иловагии роҳ надодан ба

вайронкунии ҳуқуқҳои онҳо андешида шавад.

Чи тавре, ки Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ-Пешвои миллат, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар паёми худ ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон 20-уми апрели соли 2012 қайд намуда буд: “Дар шароити ҷаҳонишавӣ мо бояд ба ҷалби аҳли ҷомеа, баҳусус падару модар бояд наслеро тарбия карда ба воя расонем, ки аз нигоҳи одобу ахлоқ, донишу заковат, худшиносиву ҷаҳонбинӣ ба ниёзмандҳои ҷаҳони муосир мувофиқ бошад”[10].

Вобаста ба ин дар Тоҷикистон санадҳои меъёрӣ - ҳуқуқии зиёде қабул шудаанд, ки ҷабҳаҳои гуногуни таълиму тарбияи кӯдаконро дар бар мегиранд. Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон маҷмӯи санадҳои меъёрӣ-ҳуқуқӣ ташаккул ёфтааст, ки кӯдакро ҳамчун субъекти комилҳуқуқи муносибатҳои ҷамъиятӣ муайян мекунад. Маҷмӯи санадҳои меъёрии мазкур барои ҳимояи ҳуқуқ ва манфиатҳои кӯдакон ба восита ё бевосита равона шудаанд. Дар қонунгузориҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба таълиму тарбияи кӯдак як қатор тадбирҳои мушаххас андешида шудааст, ки такмил ва истифодаи самараноки онҳо боиси натиҷаҳои назаррас шуда метавонад. Таъмини ҳимояи ҳуқуқҳои дахлдори кӯдак яке аз мушкilotи мубрамтарини ҷомеа мебошад. Инсоният кӯдакро ба яке аз категорияҳои алоҳидаи махсус дохил намудааст. Дар ҷомеаи ҷаҳонӣ имрӯз кӯдак аз лаҳзаи таваллуд гирифтори як қатор хатарҳо мегарданд, ҳол он ки ба ғамхорӣ ва таъминоту ҳифз ниёзманданд. Мавҷуд набудани ҳимояи дахлдор ба ташаккули минбаъдаи шахсияти кӯдак, ба муносибати мутақобилаи ӯ бо дигар аъзои оила ва атрофиён таъсири манфӣ мерасонад. Давлатҳо ҳарчи бештар тадбирҳо дар хусуси таъминот ва ҳимояи кӯдак андешида истодаанд, ки амалигардии он дар сатҳи байналмилалӣ вобаста ба созишномаҳои универсалӣ, минтақавӣ ва дучониба ба роҳ монда шудааст. Маълум аст, ки тахминан сӣ дарсади аҳолии Тоҷикистонро кӯдакон ташкил

медихад ва агар ба ин омор тамоюли ҷаҳоннишавии аҳолиро изофа намоем, бешубҳа тасвири пурраи зарурати ғаёл ва таъсири муташаккилона ба тақомули ҷисмонӣ маънавии кӯдакон эҳсос мегардад.

Илова бар ин, дар қонунгузориҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон вобаста ба масъалаи таълиму тарбияи кӯдакон тағйиротҳои назаррас ворид гардидааст, алаҳусус қафолатҳо марбут ба таъминоти кӯдак новобаста аз синну соли онҳо. Бо дарназардошти ин дар кишвар ислоҳоти судӣ-ҳуқуқӣ гузаронида шуда истодааст, ки яке аз ҳадафҳои асосии он ташкили институти адолати судӣ нисбати ноболиғон аст [2, 6]. Ин меъёр мушаххас дар “Барномаи ислоҳоти судӣ - ҳуқуқӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2015-2017”, ки бо фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон 5 январи соли 2015, №327 тасдиқ гардидааст, дар қисмати 4-ум дарҷ ёфтааст. Дар асоси тавсияҳои Кумитаи Созмони Милали Муттаҳид оид ба ҳуқуқи кӯдак, инчунин банди 13 Нақшаи миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба татбиқи тавсияҳои давлатҳои аъзои Шӯрои СММ оид ба ҳуқуқи инсон вобаста ба Шарҳи универсалии даврии Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба ҳуқуқи инсон барои солҳои 2013-2015 таъсиси судҳои ювеналӣ пешбинӣ карда шудааст.

Дар ин раванд бо мақсади таъмини адолат нисбати ноболиғон, ҳаматарафа таъмин намудани ҳуқуқи манфиатҳои онҳо, фароҳам овардани муҳити солим ба ноболиғон дар рафти таҳқиқ ва тафтиш, инчунин баррасии парвандаҳои маъмурӣ ва ҷиноятӣ дар суд, муайян намудани судяҳои баррасикунондаи парвандаҳо оид ба ҳуқуқвайронкунии ноболиғон дар ҳаёати судҳои амалкунонда ва тақмили қонунгузорӣ, аз ҷумла қонунгузориҳои мурофиавии ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон мувофиқи мақсад нест.

Бояд қайд намуд, ки ҳуқуқ ба таҳсил ҳамчун як намуди ҳуқуқҳои конституционӣ кӯдак барои инкишофи шахсият, истеъдод, қобилияти фикрию ҷисмонӣ кӯдак ва

дар маҷмӯъ барои инкишофи минбаъдаи рӯҳии кӯдак таъсири мусбат мерасонад. Маҳз бо дарназардошти ҳамин ҷиҳатҳои мусбиаш қонунгузориҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон имрӯзҳо гирифтани маълумоти миёнаи асосӣ, ки то синфи 9-умро фаро мегирад, ба таври ҳатмӣ мустаҳкам кардааст. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар моддаи 41-ум ҳуқуқи шахсро ба таҳсил муқаррар намудааст. Инчунин дар моддаи 6-и Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи маориф” ба шахрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон, сарфи назар аз миллат, наҷод, ҷинс, забон, эътиқоди динӣ, мавқеи сиёсӣ, вазъи иҷтимоӣ ва молу мулк ҳуқуқи таҳсил кафолат дода шудааст. Ҳамзамон дар моддаи 17-и Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи ҳифзи ҳуқуқҳои кӯдак” омадааст, ки кӯдак ба таҳсил ҳуқуқ дорад ва ба ӯ таҳсилоти умумии миёна ва ибтидоии касбии роӣгон ва таҳсилоти роӣғони миёна ва олии касбӣ кафолат дода мешавад.

Бояд ба кӯдакон маълумоте дода шавад, ки ба рушди умумии фаҳмишашон мусоидат намояд ва ба туфайли он кӯдакон тавонанд дар асоси баробарии имкониятҳо, қобилиятҳо ва ақоиди шахсӣ, эҳсоси масъулияти ахлоқию иҷтимоии худро инкишоф диҳанд ва узви муфиду ҷамоаи ҷомеа гарданд.

Яке аз рукнҳои асосии парвариши ҷамаҷонибаи кӯдакон аз оила вобастагӣ дорад. Вазифаи муҳимтарини оила муҳайё намудани шароити мусоид барои инкишофи муътадил ва тарбияи ҷамаҷонибаи атфол аст ва ин вазифа, пеш аз ҳама ба уҳдаи волидон гузошта мешавад. Ҳақиқати маъмул ҳамин аст, ки кӯдакон метавонанд, танҳо дар муҳити оила ба таври муътадил тарбия ва тақомул ёбанд.

Дигар уҳдадорихои муҳими падару модар нисбат ба фарзандон, ин таълими онҳо ба ҳисоб меравад. Дар андарзе омадааст: “Агар фарзанди мард таваллуд шавад, онро ханӯз дар овони кӯдакӣ ба мактаб деҳ, зеро омӯзиш равшании ҷашм аст.”

Аз ин хотир падару модарон дар тарбия ва таълими кӯдакон ва таъминоти ҷамаҷонибаи онҳо масъулият доранд. Ҳуқуқи иштирок дар ҳалли масъалаҳои тарбияи кӯдакон асосан дар шаклҳои зерин ба амал бароварда мешавад: тарбияи ҷамаҷатарафаи кӯдакон, додани ному насаб ба фарзандон, муайян намудани ҷойи истиқомати фарзандони ноболиғ ва ғайра. Кӯдакон муҳимтарин воситаи бақои оила мебошанд, аз ин сабаб, барои тарбияи дурусти онҳо муҳити боварӣ ва эҳтироми ҳамадигариро фароҳам овардан зарур аст.

Дар қисми якуми моддаи 18-и Эълумия дар бораи ҳуқуқҳои кӯдак сабт шудааст, ки “таъмини манфиатҳои кӯдак бояд мавзӯи асосии ғамхориҳои волидайн бошад”. Айнан бо ҳамин мазмун меёри дар Кодекси оилаи Ҷумҳурии Тоҷикистон (сархати дуҷуми қисми якуми моддаи 65) мавҷуд аст. Инчунин дар Кодекси мазкур ба ҳуқуку уҳдадорихои волидайн дар тарбия ва таълими фарзандон якҷанд моддаи дигар – моддаҳои 63, 64 ва 65 бахшида шудааст, ки меъёрҳои онҳо тамоми проблемаҳои (масоили) марбут ба тарбия ва таъминоти кӯдаконро фаро мегиранд. Яке аз ҳадафҳои асосии давлат ва Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон дастгирии наврасону ҷавонон ва баланд бардоштани сатҳи маърифати шахрвандии онҳо мебошад. Нақши оилаи устувор ҳамаҷун ҷузъи асосии ҷамъият дар таъминоти тарбия ва роӣяву ҳифзи ҳуқуқҳои кӯдак басо муҳим аст. Падару модарон, ки сутуни ҳонавода ва оиларо ташқил медиҳанд, бояд ба ин масъала диққати доимӣ ва ҷиддӣ зоҳир намоянд. Онҳо бояд як нуқтаро ба инобат гиранд, ки кӯдаки солаҳ ва бомаърифат давоми умри падару модар мебошад. Фарзанд меваи умри одамизод мебошад. То замоне, ки ҷон дар бадани одамизод аст, набояд ӯ аз тарбияи кӯдак қанораҷӯӣ намояд.

Таҳлилҳо нишон медиҳанд, ки солҳои охир сатҳи тарбияи кӯдакон то андозае паस्त рафтааст ва бархе падару модарон ба ин масъалаи ҳаётан муҳим беъътиной зоҳир мекунанд. Коста



гардидани ахлоқи бархе аз наврасону ҷавонон, ҷалб гардидани онҳо ба ҳар гуна ҳаракату равияҳои гуногун, пеш аз ҳама натиҷаи беаҳамияти ва бемаъсулияти падару модарон мебошад. Фаромӯш набояд кард, ки тарбияи кӯдак дар баробари ин ки самти муҳими ғаъолияти муассисаҳои таълимӣ мебошад, пеш аз ҳама вазифаи муқаддаси ҳар як падару модар, созмону иттиҳодияҳои ҷамъияти ва умуман давлату аҳли ҷомеа низ ба шумор меравад.

Дар ин раванд ҳикмати пурмуҳтавои халқамонро ҳамеша дар хотир бояд дошт, ки меғӯяд: «Фарзандони худро ҳунаро ва илм биомӯзед ва онҳоро ҷунон бояд тарбия намоед, ки оқибат сиришки ғам ва дидаҳои пурӯмед нарезад». Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ба таъмину риоя ва ҳифзи ҳуқуқҳои кӯдак, вазъи ҳуқуқи кӯдак, ҳамҷунин ба хоҳири ҳарчи бештар фаро гирифтани онҳо ба таълим бо қарорҳои дахлдори худ ҷораҳои зарурӣ андешида истодааст.

Мо бояд бо дарназардошти муқарароти санадҳои дигари меъёрӣ-ҳуқуқӣ, бахусус Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ба хоҳири омӯзишу парвариши фарзандон саъю талош намоем ва онҳоро ба роҳи некорнамоӣ кунем. Дар баробари ин кӯдаконро тарзе тарбия намоем, ки онҳо худро дар нигоҳубин ва таъмини падару модар масъул дониста, хизмати фарзандии худро то охири умри онҳо бо сарбаландӣ иҷро намоянд ва аз худашон низ номи некор бокӣ гузоранд. Ман аз ҳар як фарди наҷиби тоҷикистонӣ талаб менамоем, ки ба донишандӯзӣ ва таълиму тарбияи фарзандон диққати ҷиддӣ диҳанд, нагузоранд, ки онҳо ба роҳи нодуруст раванд. Кӯдакон ояндаи дурахшони миллату давлатанд. Пас дар ҳамон вақт мо дилсӯзи миллату давлат шуда метавонем, ки кӯдакони худро дар роҳи илму ҳунаро ва касбомӯзӣ таълиму тарбия намоем ва дар мафкураи онҳо арзишҳои миллии ва дӯст доштани марзубуми аҷдодиро ташвиқу талқин намоем.

#### Адабиёт:

1. Барномаи ислоҳоти судӣ-ҳуқуқӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2015-2017.
2. Диноршоев А.М., Сафаров Б.А., Сафаров Д.С., Права ребенка. / Под ред. А.М. Диноршоева 1-е изд. Душанбе, 2013.
3. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон – 6 ноябри 1994, Душанбе «Наширети Ганҷ» 2016.
4. Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон 28 майи 1998 Душанбе, 2004.
5. Кодекси муҳофизати ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон 3-юми декабри соли 2009 ;№ 564 ш. Душанбе.
6. Кодекси иҷроӣ ҷазои ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон-Душанбе, 6-уми августи соли 2001 № 32 ш. Душанбе.
7. Кодекси муҳофизати граждании Ҷумҳурии Тоҷикистон 5-уми январи соли 2008 №341 ш. Душанбе.
8. Кодекси оилаи Ҷумҳурии Тоҷикистон 13- уми ноябри соли 1998 №682 ш. Душанбе.
9. Низомнома дар бораи Комиссия оид ба ҳуқуқи кӯдак.
10. Паёми Президенти ҚТ Э.Раҳмон ба Маҷлиси Олии ҚТ 20-уми апрели соли 2012.
11. «Қонун ва ҷомеа»Душанбе:ВКД2012№16 (219) с.5
12. Тафсир ба Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳаррири масъул Ҳ.Ҳ. Шарипов. Душанбе, Глобус. 2006.
13. Ташкилоти ҷамъиятии «Маркази ҳуқуқи кӯдак». Шиканча ва муносибати бе-рахмона нисбати кӯдакондар контексти адолати ювеналии дар ҚТ. Гузориш аз рӯи натиҷаҳои тафсири қонунгузорӣ ва таҷриба.

14. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ҳифзи ҳуқуқҳои кӯдак» 18-уми марти соли 2015, № 1196 ш. Душанбе.
15. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи таълиму тарбияи то мактабӣ» соли 2013 ш. Душанбе.
16. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи масъулияти падару модар дар таълиму тарбияи фарзанд» 2-юми августи соли 2011, № 762 ш. Душанбе.
17. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи маориф» 22 июли соли 2013, №1004.
18. Эмомов Н.Э. Ювенальная юстиция. 2006 г. Несовершеннолетние и закон.

19.

**ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА****Абдуллоев А.Р.,**

Соискатель 1-го курса Института философии, политологии и права им. А.М. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан.

E-mail: [asliddin76@mail.ru](mailto:asliddin76@mail.ru).**Научная специальность:** 23.00.04 — политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития**Научный руководитель:** Мухаммад Абдурахмон, доктор политических наук, профессор**Рецензент:** Шарипов Т.Ш., доктор юридических наук, профессор

*Аннотация.* В данной статье приводится собственная трактовка понятий «экстремизм» и «религиозно-политический экстремизм», рассматриваются причины появления и формы проявления религиозно-политического экстремизма, выдвигается идея о появлении новой формы религиозно-политического экстремизма в виде «насильственного религиозно-политического экстремизма».

*Ключевые слова.* экстремизм, религиозно-политический экстремизм, политика, религия, терроризм, ислам, насилие, противодействие экстремизму.

**NOTION AND FORMS OF RELIGIOUS AND POLITICAL EXTREMISM****Abdulloev A.R.,**

Applicant of the Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A.M. Bahovaddinov of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan

E-mail: [asliddin76@mail.ru](mailto:asliddin76@mail.ru)**Scientific specialty:** 23.00.04 - political problems of international relations, global and regional development**Scientific supervisor:** Muhammad Abdurrahman, Doctor of Political Sciences, Professor.**Review:** Sharipov T.Sh., Doctor of Legal Sciences, Professor

*Annotation.* The own interpretation of the notion “extremism” and “religious and political extremism” is given in this article. It is also considered the reasons of appearing and displaying religious and political extremism as well as the idea of appearing a new shape of religious and political extremism in the form of “violently religious and political extremism”.

*Key words:* extremism, religious and political extremism, policy, religion, terrorism, Islam, violence, counteraction to extremism.

На современном этапе развития общества с расширением мировой глобализации религиозно-политический экстре-

мизм стал угрозой мирового масштаба, охватывая все больше стран и масс. Угроза распространения религиозно-

политического экстремизма и негативные его последствия влияют и на государства Центральной Азии, для которых данный феномен становится основной угрозой национальной и региональной безопасности.

Проблематике религиозно-политического экстремизма, его определения и квалификации посвящены многочисленные исследования. В этом направлении необходимо отметить работы Ш. Акинер, З. Бжезинского, А. Рашида, И. Добаева, А. Игнатенко, А. Малашенко, Л. Полонской, И. Фадеевой, К.Н. Бурханова, Б. Бабаджанова, О.А. Молдалиева, Л. Сюкияйнена, Д. Ольшанского, А. Коровникова, К. Мухаббатова, А. Имомова, Ш. Нуруллаевой, Е. Карина, Б. Нурмухамедова, М. и С. Олимовых и других.

Несмотря на большой объем исследований феномена экстремизма, терминологическое расхождение все еще сохраняется как среди научного и экспертного сообщества, так и среди специалистов, политиков, представителей СМИ и другой категории граждан. Данная проблема связана со сложностью и многогранностью самого явления экстремизма, а также его исторической изменчивостью. К примеру, в зависимости от развития исторических и политических процессов под понятие экстремизм можно отнести как различные виды классового и освободительного движения с применением насилия и других форм крайности, так и преступные действия отдельных криминальных элементов.

В самом распространенном и общем понимании термин экстремизм, следуя дословному переводу (от латинского «extremus» — крайний), определяется как «приверженность к крайним взглядам и действиям, радикально отрицающим существующие в обществе нормы и правила» [5. С. 577].

Хотя в определении термина «экстремизм» усматривается определенная простота выражения, однако среди научного сообщества бытуют порой противоположные взгляды и трактовки данного понятия, что существенно усложняет правоприменительную практику.

Часть экспертов видят в экстремизме исключительно социально опасное явление и противозаконную сущность. Ими экстремизм, а религиозно-политический экстремизм в особенности, трактуется как общественно-опасное выражение взглядов и действий, уничтожающих общепринятые нормы и правила поведения.

Другая часть, наряду с общественно-опасным составляющим экстремизма, видят в нем и положительную сторону. В частности, эксперт российского института прав человека Лев Левинсон считает, что «неоднозначность экстремизма вызвана, прежде всего, возможностью широкого охвата действий различного характера, подпадающих под данный феномен. Поэтому экстремизм как таковой запрещать бессмысленно. Экстремизм не преступление, это и «Гринпис», и марши мира, словом, все, что выходит за рамки общепринятого» [1. С. 3].

В целом можно сказать, что «крайность взглядов и действий» в экстремизме можно по-разному трактовать, исходя из позиции конкретного человека или представителей власти. Если в общепринятом понимании одни крайние действия, выходящие за рамки общепринятых норм и правил, квалифицируют как экстремистские, то другие, особенно представители власти в авторитарном или тоталитарном режиме, свои крайние действия, к примеру при подавлении инакомыслящих и своих оппонентов, прикрывают и квалифицируют как защиту законных интересов граждан или как другие добродетельные действия. Если при разжигании межнациональной или межэтнической вражды «крайность действий» практически всеми квалифицируется как экстремистские, то при голодовках, забастовках или акциях протеста такие «крайние действия» зачастую оправдываются и правомерны. Исходя из этого, можно сделать вывод, что «крайность взглядов и действий» с различных позиций можно квалифицировать по-разному, как зло или добро, что приводит к различному толкованию самого понятия экстремизм. К примеру, в Сирии деятельность всех антиправительственных

сил с позиции официальной власти квалифицируется как экстремистская деятельность, однако западными странами многие оппозиционные официальным властям этой страны повстанцы, вовлеченные в конфликт, рассматриваются как легитимная оппозиция или законное освободительное движение.

Такое широкое понимание и интерпретация самого феномена «экстремизм» может привести к определенной вольности и манипулированию при квалификации различных действий со стороны законоприменительных органов как экстремистские, притягивания под данную квалификацию любых выходящих за рамки общепринятого и дозволенного обществом и государством действий или взглядов. Данное явление характерно для многих авторитарных и тоталитарных форм правления при подавлении политических оппонентов.

Изложенное свидетельствует о том, что только при сужении и конкретизации понятия «экстремизм», разграничении его критериев и границ, можно конструктивно разъяснить и противостоять данному общественно-опасному явлению, а также пресекать неправомерную интерпретацию общественно безвредных действий как экстремистских.

Природу зарождения экстремизма в основном составляет протестное настроение, чему способствует конфликт политических, экономических, социальных, этнических, конфессиональных и других интересов. Как отмечает казахский эксперт Тукумов Е.В.: «В случае невозможности соблюдения своих интересов по тем или иным причинам одна из сторон противостояния вполне способна перейти к крайним методам решения своих политических, религиозных, этнических и пр. проблем, так как, зачастую, именно безысходность подталкивает к экстремальным действиям» [6. С. 13].

Не смотря на все противоречия в толковании понятия экстремизм, ключевым сходством и объединяющим фактором во взглядах всех специалистов отрасли является их оценка экстремизма как общественно опасного выражения взглядов и действий,

кризисного для обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Обобщая вышесказанное, прежде чем дать собственное определение понятий «экстремизм» и «религиозно-политический экстремизм», необходимо повториться, что в каждом случае различными научными кругами, специалистами отрасли и разными странами указанные выше термины определяются по-разному, и единого мнения по данному вопросу не существует. Это связано, прежде все политизированностью феноменов «экстремизм» и «религиозно-политический экстремизм», расхождением политических и правовых интересов различных стран, общественной и политической ситуации, политики обеспечения национальной безопасности и другими факторами.

Исходя из изложенного, авторское видение понятий «экстремизм» и «религиозно-политический экстремизм» заключается в следующем:

- **экстремизм** — это крайняя и общественно опасная форма проявления идей, взглядов и действий, направленных на радикальное изменение существующих политических, социальных, экономических и идеологических и иных основ государства и общества, создающих угрозу обеспечения прав, свобод и безопасности личности, общества и государства;

- **религиозно-политический экстремизм** — это противоправный, общественно опасный и агрессивный метод политической деятельности, маскированная под религиозными мотивами, целью которой является насильственный захват власти.

Экстремизм имеет различные разновидности, такие как политический, экономический, экологический, религиозный и т. д. Экстремизм, преследующий только политические цели, называется политическим экстремизмом, а экстремизм с религиозными постулатами попадает под понятие религиозный экстремизм. В большинстве случаев указанные другие виды экстремизма проявляются в совмещенной форме, таких как религиозно-политический, социально-экономический,



социально-политический.

В настоящее время самой распространенной и популярной формой экстремизма является религиозно-политический экстремизм, при котором под религиозными лозунгами ведется политическая борьба, что в свою очередь вырисовывается в облике своих подсистемных видов, в зависимости от религиозных и конфессиональных взглядов и доктрин экстремистских организаций. К примеру, религиозно-политический экстремизм может вырисовываться в исламской, христианской, протестантской, индуистской и прочих видах.

В этом контексте самой распространенной и общеизвестной формой выражения религиозно-политического экстремизма является, так называемая, «исламская» форма его проявления, которая на современном этапе своим масштабом, численностью приверженцев, количественным и качественным показателем, разрушительной силой и другими параметрами является едва ли не самым масштабным и опасным социальным явлением.

В рамках одной статьи раскрыть сущность, историю зарождения, масштаб распространения, общественную опасность и другие аспекты указанных выше форм религиозно-политического экстремизма невозможно, что может привести к поверхностному и необъективному анализу. Исходя из изложенного, в данной статье будет рассмотрен условно называемый «исламский религиозно-политический экстремизм», который особо актуален и широко распространен не только в государствах Центральной Азии, но и в мировом масштабе.

От религиозно-политического экстремизма или других форм его проявления не застраховано ни одно государство, независимо от политической формы правления, уровня социально-экономического развития, культурного и межконфессионального взаимоотношения. Хотя в каждом отдельно взятом государстве религиозно-политический экстремизм возникает и проявляется по-разному в зависимости от субъективных и объективных обстоятельств, однако отдельные факторы являются

общими для любого общества. К примеру, Д. Ольшанский выделяет следующие причинно-следственные факторы возникновения и распространения религиозно-политического экстремизма: социально-экономические кризисы, резкое падение жизненного уровня значительной части населения, деформация политических институтов и структур власти, их неспособность решать назревшие проблемы общественного развития, тоталитарный характер политического режима, подавление властями оппозиции, преследование инакомыслия, национальный гнет, стремление отдельных групп ускорить решение своих задач, политические амбиции лидеров и т. д. [4. С. 225] В этом плане наши точки зрения практически совпадают, однако необходимо отметить, что отмеченные выше факторы не являются исчерпывающими. Сюда можно добавить такие факторы, как кризис с трудоустройством молодежи, миграционные проблемы, рост коррупции в различных ветвях власти, межрелигиозные конфликты, рост маргинализированности населения, падение авторитета власти на фоне растущей криминализации общества и другие.

Главная отличительная черта религиозно-политического экстремизма заключается в том, что в политической борьбе для достижения собственных целей экстремистские организации используют религиозные взгляды и убеждения. Однако, в большинстве случаев, экстремистские организации и их руководители не преследуют цель свершения торжества религиозных догм, а фактически религия является лишь инструментом достижения политической власти.

Как мы отметили выше, религиозно-политический экстремизм проявляется и присущ различным религиям, не взирая на теологические вероучения или конфессиональные различия, так как крайность взглядов и действий характерна для всех религий в зависимости от особенности толкования религиозных взглядов. Проявление крайности можно встретить и в исламе, и в христианстве, и в отдельных позициях католической церкви. Так, по мне-

нию известного российского эксперта Э.Г. Филимонова, «экстремизм может проявляться на почве любого вероучения — путем особого его толкования, активного использования некоторых его элементов, их абсолютизации. К примеру, гипертрофированные христианские концепции: демонологии (сатанизма), эсхатологии, мессианства, харизматические и теократические представления» [2. С. 51]. В связи с этим является необоснованным мысль о том, что религиозно-политический экстремизм присущ в основном исламу и его конфессиональным течениям, хотя на современном этапе активность религиозно-политических экстремистских организаций, выступающих от имени ислама, весьма велика. В этом контексте глубоко ошибочна и мнение экспертных кругов, считающих что религиозно-политический экстремизм проявляется только внутри ислама.

Также считаем ошибочной привязку религиозно-политического экстремизма к исламу, христианству, индуизму и другим религиям в силу того, что все религии исповедуют только мир, терпимость, милосердие, гармонию души и тела. В свою очередь религиозно-политические экстремистские организации лишь манипулируют отдельными теологическими учениями, искажая их сущность и религию в целом. Здесь можно говорить о религиозно-политических экстремистских организациях, камуфлирующих свои действия под ислам, христианство и т. д., а не как об исламском или христианском экстремизме.

Повышенный фанатизм, таинство сект и чрезмерные претензии на истинность взглядов, что также является признаком крайности взглядов и последующих действий как составляющих религиозно-политического экстремизма, можно встретить и в различных течениях христианской религии и индуизма, из чего можно сделать заключение, что религиозно-политический экстремизм можно разжечь в любой религии в зависимости от политических целей субъектов экстремистской деятельности.

На современном этапе развития об-

щества действительно религиозно-политический экстремизм организаций, камуфлирующихся под ислам, широко распространен, что связано с легкостью манипулирования исламской культурой джихад, концепцией возвращения к «чистому исламу» и построения единого «халифатского государства», а также с противостояниями политического, экономического, социального и конфессионального характера между противоборствующими субъектами политической системы. Также можно говорить об относительном возрождении и распространении исламского мировоззрения на фоне упадка христианских ценностей и приверженности. Кроме того, в отличие от других религий, ислам непосредственно взаимосплетен с социально-общественной и политической жизнью мусульман, является регулятором общественных отношений, определяя отношение религии к происходящим социально-политическим явлениям, что отличает ислам от других религий. Данному факту также способствует относительная популярность лозунгов социальной справедливости и равенства, которыми манипулируют экстремистские организации среди мусульманского населения.

Исламский фундаментализм, идея борьбы за веру и возврата ко времен «чистого ислама» являются основополагающими идеями религиозно-политических экстремистских организаций, действующих от имени ислама. Они широко популяризируют мысль о том, что при невозможности мирного построения теологического государства, в исламской интерпретации «халифата», у таких организаций и их приверженцев есть возможность применения насилия, что, по их мнению предписано Кораном и Сунной. Искажая религиозное мировоззрение ислама, экстремисты легко разделяют человечество на «верных» и неверных», где под понятие «неверные» легко попадают и многочисленные последователи Ислама, не поддерживающих идеи экстремистов. По сути своей именно предвзятое и неправильное толкование терминов «джихад», «такфир» и «халифат» является основной идеологи-

ческой направляющей религиозно-политического экстремизма под маской ислама. С этих позиций религиозно-политические экстремистские организации рассматривают ислам как орудие для достижения политических целей.

Религиозно-политический экстремизм отличается отдельными своими характерными чертами от других видов экстремизма. Особенностью данного вида экстремизма является то, что религиозно-политические экстремистские организации преследуют политические цели, их действия замаскированы под религиозными мотивами и они отдают предпочтение силовым методам борьбы. Это своеобразная незаконная политическая борьба, противоречащая общепринятым нормам политического противостояния.

Хотя между экстремизмом, религиозно-политическим экстремизмом в частности, и терроризмом имеются различия, а экстремизм и терроризм являются разными понятиями, однако на современном этапе зачастую грани между ними стираются и трудно различить экстремизм от терроризма. В этом плане весьма интересна точка зрения российского эксперта Г. Мирского: «Экстремизм и терроризм – явления достаточно близкие, хотя автоматической связи между ними нет: если видно, что всякий террорист — это экстремист, то неправильно было бы полагать, что каждый экстремист — террорист. Разумеется, экстремизм как определенное умонастроение логически ведет к оправданию террора, но вовсе не обязательно доходит до этой точки» [3. С. 68].

За последнее десятилетие мы стали очевидцами того, что религиозно-политический экстремизм вобрал в себя наиболее агрессивные формы проявления крайности на пути достижения политической власти и реализации своих амбиций, допуская акты насилия, убийства общественных и политических деятелей и частных лиц, повреждения или полное уничтожения различной собственности, создание хаоса и т. д., чем практически стер грани между экстремизмом и терроризмом. С одной стороны, этому способствует

мировая тенденция глобализации, с другой стороны, — изменение правил политической борьбы, где противоборствующие стороны часто пересекают черту моральных ценностей и традиционных правил политической жизни. Данное обстоятельство дает нам право говорить о новой форме религиозно-политического экстремизма, которую можно условно обозначить как «насильственный религиозно-политический экстремизм».

На современном этапе религиозно-политический экстремизм приобрел совершенную форму, создав организацию с огромными финансовыми и материальными ресурсами, собственной профессионально организованной системой управления и институтами власти, современными средствами связи и коммуникации, многочисленными СМИ, Интернет-ресурсами, собственными службами безопасности и правопорядка, чем подобен на своеобразный вид государственного строя. Такие примеры имеют место в деятельности религиозно-экстремистских организаций «Талибан», ИГИЛ и т. д.

Огромный потенциал религиозно-политических экстремистских организаций дает им возможность воздействовать на религиозные и светские институты власти соответствующих стран пребывания, а вовлеченность людей различной национальности, расовой и религиозной принадлежности дает им возможность эффективно повлиять на политическую жизнь регионального и мирового масштаба.

Начиная с 2000-х годов религиозно-политический экстремизм, особенно так называемый исламский религиозно-политический экстремизм, по своему масштабу распространения, угрозе проявления, степени разрушительности и качественным изменениям начал занимать лидирующее положение среди различных форм экстремизма, поглощая в себе отдельные другие виды данного явления.

Агрессивная деятельность различных экстремистских религиозно-политических организаций, ставящих своей целью распространение крайне религиозных идей на пути изменения общественно-

политического строя и достижения власти в различных странах, становится одной из самых серьезных угроз безопасности мирового сообщества, и государств Центральной Азии в частности.

Обобщая вышесказанное, можно прийти к выводу, что:

- религиозно-политический экстремизм в последнее время стал актуальной проблемой мирового масштаба, и угроза его распространения охватывает все больше стран, независимо от форм правления, политического курса и религиозных убеждений их граждан. Данная проблема особо актуальна для стран Центральной Азии, и Республики Таджикистан в частности;

- несмотря на большой объем исследований феноменов экстремизм и религиозно-политический экстремизм, терминологическое расхождение все еще сохраняется среди научного и экспертного сообщества и единого понятия экстремизма и религиозно-политического экстремизма до сих пор не существует, в силу чего автор попытался представить свое толкование терминов «экстремизм» и «религиозно-политический экстремизм»;

- главной отличительной чертой религиозно-политического экстремизма является то, что в политической борьбе для достижения собственных целей экстремистские организации используют религиозные взгляды и убеждения в их крайней трактовке;

- религиозно-политический экстремизм проявляется и присущ всем религиям, не взирая на теологические вероучения или конфессиональные различия, так как крайность взглядов и действий характерен для всех религий в зависимости от особенности толкования религиозных взглядов. В этом контексте глубоко ошибочно и мнение экспертных кругов, считающих что

религиозно-политический экстремизм проявляется только внутри ислама;

- от религиозно-политического экстремизма или других форм его проявления не застраховано ни одно государство, независимо от политической формы правления, уровня социально-экономического развития, культурного и межконфессионального взаимоотношения, хотя в каждом отдельно взятом государстве религиозно-политический экстремизм возникает и проявляется по-разному в зависимости от субъективных и объективных обстоятельств;

- за последнее время религиозно-политический экстремизм вообрал в себя наиболее агрессивные проявления крайности на пути достижения политической власти и реализации своих амбиций, допуская акты насилия. Данное обстоятельство дает нам право говорить о новой форме религиозно-политического экстремизма, которую можно условно обозначить как «насильственный религиозно-политический экстремизм»;

- на современном этапе религиозно-политический экстремизм приобрел совершенную форму, создав организацию с огромными финансовыми и материальными ресурсами, собственной профессионально организованной системой управления и институтами власти, современными средствами связи и коммуникации, многочисленными СМИ, Интернет-ресурсами, собственными службами безопасности и правопорядка, чем подобен своеобразному виду государственного строя;

- огромный потенциал религиозно-политических экстремистских организаций дает им возможность воздействовать на власти стран пребывания и эффективно повлиять на политическую жизнь регионального и мирового масштаба.

### Литература:

1. Белашева И. Лишний Закон. // Время новостей. 2002. № 99.
2. Бузова Т.В. Феномен религиозного экстремизма: Дис. ... канд. истор. наук. Пермь, 1989.
3. Мирский Г. Экстремизм, терроризм и внутренние конфликты в «третьем мире». // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 8.

4. Ольшанский Д. Психология террора. Екатеринбург: Деловая Книга, М.: Академический проект, ОППЛ, 2002.
5. Словарь иностранных слов. 12-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985.
6. Тукумов Е.В. Религиозно-политический экстремизм как угроза региональной и национальной безопасности стран Центральной Азии. Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Алматы-2004.



**ОИД БА МАСЪАЛАИ ЭЪТИРОФ НАМУДАНИ АЪЗОИ ОИЛАИ МОЛИК ВА  
МАСКУННАМОИИ СОБИК АЪЗОИ ОИЛА ТИБҚИ ҚОНУНГУЗОРИИ МАНЗИ-  
ЛИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

**К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ ЧЛЕНА СЕМЬИ СОБСТВЕННИКА И ЗАСЕЛЕ-  
НИЯ БЫВШИХ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ В СООТВЕТСТВИИ С ЖИЛИЩНЫМ ЗАКОНО-  
ДАТЕЛЬСТВОМ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

**Саидов С.Ш.,**

соискатель кафедры гражданского права  
юридического факультета Таджикского нацио-  
нального университета.

E-mail: [Saidov-Saidumar@mail.ru](mailto:Saidov-Saidumar@mail.ru).

**Научная специальность:** 12.00.03 — гражданское право, семейное право, предпри-  
нимательское право и международное частное право

**Научный руководитель:** Курбонализода Н.Ш., кандидат юридических наук, доцент

**Рецензент:** Курбонов К.Б., кандидат юридических наук, доцент

*Аннотация.* В статье рассматривается одна из актуальных проблем сегодняшнего об-  
щества — признание в качестве членов семьи и заселение бывших членов семьи собственни-  
ка. В статье рассматриваются правовые основы признания в качестве членов семьи соб-  
ственника жилого помещения, а также вопросы заселения бывших супругов собственника,  
которые на сегодняшний день в практике являются проблемами номер один. В результате  
проведенного исследования со стороны автора выносятся несколько дополнений и измене-  
ний для улучшения жилищного законодательства.

*Ключевые слова:* заселение, собственник, член семьи, жилище, использование жилища,  
бывшая супруга, несовершеннолетние дети, суд.

**ON THE QUESTION OF THE RECOGNITION OF A FAMILY MEMBER OF THE  
OWNER AND SETTLING FORMER FAMILY MEMBERS IN ACCORDANCE WITH  
THE LEGISLATION HOUSING OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN**

**Saidov S.Sh.,**

Applicant of the Department of Civil Law of the  
Law Faculty, Tajik National University.

E-mail: [Saidov-Saidumar@mail.ru](mailto:Saidov-Saidumar@mail.ru)

**Scientific specialty:** 12.00.03 — Civil law; entrepreneurial law; family law; international pri-  
vate law

**Scientific supervisor:** Kurbonalizoda N.Sh., Candidate of Legal Sciences, Assistant Profes-  
sor

**Reviewer:** Kurbonov K.B., Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor

*Annotation.* One of the urgent problems of today's society — recognition as members of the  
family and settling of the former members of the owner's family is considered in the article. The

article are examined the legal basis for recognizing the owner of a dwelling as a member of the family, as well as issues of settling the former spouses of the owner, which is currently the number one problem in practice. As a result of the research carried out by the author, several additions and changes have been made to improve housing legislation.

*Key words:* settling, owner, family member, dwelling, use of dwelling, ex-spouse, underage children, court.

Бо рушди муносибатҳои ҷамъиятӣ зарурияти таҳияи қонунҳои нав ва ворид намудани тағйироту иловаҳо ба санадҳои меъёрии ҳуқуқии мавҷуда ба миён меоянд, ки ҳангоми амалӣ насохтани чунин тағйироту иловаҳо ба санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ муносибатҳои ҷамъиятӣ то ба андозае дар ҳолати бе танзимӣ қарор гирифта, манфиатҳои субъектони ин муносибатҳо поймол карда мешаванд.

Дар ҷамъият на ҳама муносибатҳои ҷамъиятӣ аз ҷониби қонунгузорӣ ба таври дахлдор ба танзим дароварда мешаванд. Яке аз чунин муносибатҳои ба таври лозимӣ танзим нашуда «маскуннамоӣ» мебошад. Ин масъала солҳои охир яке аз масъалаи ҳалталаб ва мубрам эътироф гардидааст, ки ҷомеаи моро ба ҳолати ногувор овардааст. Зеро, як қатор ашхос бо истифода аз ҳолати бавучудода, яъне ҳолати ғайританзимии ин масъала, сӯистифода намуда, манфиатҳои дигар субъектнро ҳалалдор менамоянд. Бо назардошти ҷой доштани камбудии қонунгузорӣ дар ин масъала судҳо аризаҳои маскуннамоиро мусбат ҳал менамоянд. Проблема дар он ифода меёбад, ки дар асоси санади дахлдори судӣ дар ҷараёни баррасии масъалаи бекор намудани ақди никоҳ масъалаи маскун намудани ҳамсари собиқ бо фарзандони ноболиғ дар манзили истиқомати собиқ шавҳараш дар асоси аризаи ҳамсари собиқ баррасӣ карда шуда, баҳри ҳимоя намудани манфиатҳои ҳамсари собиқ ва фарзандони ноболиғ суд онҳоро бо дастрасии моддаи 121 – и КМ ҚТ ба сифати аъзои оилаи соҳибмулк эътироф карда, дар ҳуҷраи алоҳидаи манзили истиқомати соҳибмулк, ки дар бештари маврид ба сифати падар ва ё модари шавҳар ва ё умуман дигар шахс баромад менамояд, бо ҳуқуқи истифодабарии дигар қисматҳои умумии манзил, аз қабили

роҳрав, ошхона, айвон (балкон) ва дигар қисматҳои манзил маскун менамояд. Пас, заминаи асосии масъалаи маскуннамоӣ ду паҳлуро доро мебошад:

1. Масъалаи ба сифати аъзои оилаи соҳибмулк манзили истиқоматӣ эътироф намудани ҳамсари собиқ ва фарзандони ноболиғи он. Аз лаҳзаи бекор шудани ақди никоҳ муносибатҳои байни собиқ ҳамсарон аз лиҳози ҳам воқеӣ ва ҳам ҳуқуқӣ хотима меёбанд ва як қатор оқибатҳои ҳуқуқии дигар, ки дар қонунгузории ҷорӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон, аз ҷумла КО ҚТ[4] дарҷ карда шудаанд, ба миён меоянд. Дар ин асно таҷрибаи судӣ аз он бармеояд, ки барои маскун шудан ба манзили истиқоматие, ки ҳамсарон дар он иқомат менамуданд, пеш аз ҳама ҳамсари собиқ ва фарзандони ӯ, бояд ба сифати аъзои оилаи соҳибмулк манзили истиқоматӣ эътироф карда шаванд ва баъдан онҳо ҳуқуқ пайдо менамоянд, ки аз манзили истиқоматӣ истифода баранд. Ба сифати аъзои оилаи соҳибмулк манзили истиқоматӣ эълон намудани ҳамсари собиқ ва фарзандони ноболиғ заминаи худро аз моддаи 121 – 122 – и КМ ҚТ мегирад, ки он чунин муқаррар менамояд: «Аъзои оилаи молик ҳамсар ва фарзандони ҳамроҳашон доими сукунатдошта ҳисоб меёбанд. Волидайнӣ зану шавҳар ва фарзандони онҳо, ки соҳиби оилаи худ мебошанд ва бо молик муқими зиндагӣ мекунанд, танҳо бо розигии тарафҳо метавонанд аъзои оилаи молик доништа шаванд»[3].

Дар ҳолатҳои истисноӣ, инчунин дигар ашхос, ки бо молик муқимӣ истиқомат мекунанд ва бо ӯ хоҷагии умумиро пеш мебаранд, чун аъзои оилаи молик шинохта мешаванд. Чунин қоида ҳамзамон дар ҳолати ба тариқи кирои гирифтани манзил низ татбиқ мегардад. Ба ақидаи Н.Ш. Курбонализода дигар ҳешу ақрабо ва дар баъзе ҳолатҳои мустасно дигар ашхосро, ки бо кирои

якҷоя на камтар аз 6 моҳ, зиндагӣ меку-  
нанд, бо вай хоҷагии умумӣ пеш меба-  
ранд, аъзои оилаи кироиягир (молик) до-  
нистан мумкин аст [7, 66]. Хурандагони  
ғайриқобили меҳнат, агар бо молик  
муқимӣ зиндагӣ кунанд, аъзои оилаи ӯ  
дониста мешаванд. Баҳсҳо дар бораи  
аъзои оилаи молик дониستاني шахс ба  
тартиби судӣ ҳал карда мешаванд.

Аъзои оилаи молик, ки дар бинои  
истиқоматиаш қой дода шудаанд, ҳақ  
доранд баробари ӯ аз манзили истиқо-  
матӣ истифода баранд. Онҳо ҳуқуқ до-  
ранд, ки дар хонаи барояшон ҷудонаму-  
даи молик фарзандони ноболиғи худро  
қой диҳанд. Қойгир кардани дигар аъзо-  
ёни оилаи онҳо танҳо бо розигии молик  
имконпазир аст. Ин ашхос ҳуқуқи исти-  
фодаи хонаро дар мавриди қатъ гар-  
дидани муносибати оилавӣ бо молик низ  
нигоҳ дошта, вале уҳдадоранд ҳароҷоти  
нигоҳдошти бино, рӯи ҳавлӣ ва таъмири  
асосиро пардозанд.

Аз муқаррароти овардашуда бар-  
меояд, ки чанд шарт барои эътироф  
намудани аъзои оилаи молик зарур аст:

а) Ҳамроҳ доимо зиндагӣ намудан  
(барои фарзандони ноболиғ танҳо  
зиндагии муқимии онҳо);

б) Пешбурди хоҷагии умумӣ.

Бояд зикр намуд, ки ҳамзистии  
якҷояи зану шавҳар ва пешбурди  
хоҷагии умумӣ на танҳо ҳуқуқи яке аз  
онҳоро ҳангоми бекор кардани ақди ни-  
коҳ барои истифодабарии манзил нигоҳ  
медорад, балки ҳамчун асоси ба вучуд  
омадани ҳуқуқи моликияти муштарак  
дар байни онҳо мегардад [8, 204].

Масъалаҳое, ки дар ҷараёни бар-  
расии парвандаи эътироф намудани  
аъзои оилаи молик ва маскун намудан  
ба вучуд меоянд ва ҳалли худро намеё-  
банд, дида мебароем:

Қайд намудан зарур аст, ки ба  
ғайр аз масъалаи ба сифати аъзои оилаи  
соҳибмулки манзили истиқоматӣ эълон  
намудани шахсони алоҳида, инчунин  
масъалаи хориҷ кардан аз аъзои оила ва  
дигар ашхосе, ки бо соҳибмулки манзи-  
ли истиқоматӣ зиндагӣ мекунанд, бар-  
расӣ менамояд. Ин ҳам бошад дар сура-  
ти мавҷуд будани асосҳои пешбини-

намудаи моддаи 70 – и Кодекси манзил,  
бидуни додани хонаи дигари истиқо-  
матӣ аз хона бароварда мешаванд. Би-  
дуни додани манзили истиқоматии ди-  
гар танҳо дар ҳолатҳои зайл иҷозат дода  
мешавад:

1) агар онҳо хонаи истиқоматиро  
тибқи таъиноташ истифода набаранд ва  
чораҳои огоҳонӣ ва таъсиррасонии  
ҷамъиятӣ бенатиҷа бошад;

2) агар қоидаи зисту зиндагии  
умумиро мунтазам вайрон намуда, дар  
як квартира ё як бино ҳамроҳ зиндагӣ  
кардани дигаронро имконнопазир гар-  
донанд ва агар тадбирҳои огоҳонӣ ва  
таъсиррасонии ҷамъиятӣ бенатиҷа  
бошад;

3) агар шахсоне, ки аз ҳуқуқи па-  
дарӣю модарӣ маҳрум гардидаанд ва  
зиндагии якҷояи онҳо бо фарзандоне, ки  
аз ҳуқуқи падарӣю модарӣ нисбат ба  
онҳо маҳрум гаштаанд, имконнопазир  
дониста шуда бошад.

Ашхосе, ки бидуни додани хонаи  
дигари истиқоматӣ кучонида мешаванд,  
тибқи ҳолатҳои пешбиниамудаи  
бандҳои 3 – 4 қисми 1-и модаи 70-и КМ  
мумкин аст аз тарафи суд вазифадор  
карда шаванд, ки ба қои кучонидан, хо-  
нашонро бо хонаи дигари истиқоматии  
пешниҳоднамудаи тарафи ба табдил  
манфиатдор иваз кунанд.

Масъалаи аввал ба меъёри манзили  
истиқоматӣ дахл дорад, ки мутобиқи м.  
36-и КМ ҚТ меъёри майдони истиқо-  
матӣ ба ҳар шахс ба андозаи 12 метри  
мураббаъ муқаррар мешавад. Дар  
таҷрибаи судии мо ин меъёр қариб, ки  
ба инобат гирифта намешавад. Маса-  
лан, дар хонаи сеҳуҷрагӣ, ки ҳамагӣ 48  
метри мураббаъ майдони асосиро доро  
мебошад, 6 нафар аъзои оила зиндагӣ  
менамоянд, ин худ ба меъёри майдони  
истиқоматӣ ба онҳо намерасад. Дар ҳо-  
лати оиладор шудани яке аз аъзои оила  
ва бекор намудани ақди никоҳ, суд со-  
бик ҳамсарро дар хонаи алоҳида маскун  
менамояд. Норасогии меъёри майдони  
истиқоматӣ боз зиёдтар мегардад.  
Таҷриба ба ин ҳолат чунин хулоса  
медихад, ки дар хонаҳои шахсӣ меъёри

майдони истиқоматӣ аҳамияти зиёд надорад.

Масъалаи дигар дар он зоҳир мегардад, ки агар соҳибмулки манзил умуман шахси дигар бошад, аммо собиқ ҳамсарон дар он иқомат мекарданд, пас дар ин ҳолат масъалаи ба сифати аъзои оилаи молики манзили истиқоматӣ эътироф намудани ҳамсари собиқ бояд аз лиҳози манфиатҳои молики манзили истиқоматӣ баррасӣ карда шавад, яъне чунин аризаҳои даъвогӣ қонунгардонидани наshawанд. Таҷрибаи судӣ инро низ ба назар намегирад, зеро даъвогарон далоли асосҳои меоранд, ки баъзан суд асосҳои радқуниро истифода бурда наметавонад (масалан, дар таҷрибаи судӣ дар ҳонаи зани якум зани дуумро маскун намудаанд, бо асосе, ки дар муҳлати зиндагии духафтаина зани дуум тавонистааст худро ҳамчун аъзои оила ба қайди хона гирад). Инчӯ оё ҳуқуқи конститутсионии шаҳрванд ба моликият вайрон мегардад? Аммо не.

Оид ба ин масоил Қарори Суди Конститутсионии ҚТ оид ба парванда аз рӯи дархости шаҳрвандон Маҳмудов М. ва Маҳмудов Э. «Дар бораи муайян намудани мутобиқати моддаҳои 121 ва 122-и КМ ҚТ ва моддаи 147 КҶ ҚТ[5] ба моддаи 32 Конститутсияи ҚТ» аз 3 октябри соли 2011 баромадааст, ки Суди Конститутсионии ҚТ қарор кард, ки моддаҳои 121 ва 122-и КМ ҚТ ба моддаи 32-и Конститутсия муҳолиф нест, зеро Конститутсия ва санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ ба хоҳири ҳифзи ҳуқуқи озодиҳои дигарон ва дигар асосҳои ниҳии пешбинӣ намудаи онҳо маҳдуд кардани ҳуқуқи озодиҳои шаҳрвандро пешбинӣ менамоянд. Чунончи, талаботи қисми 2-и моддаи 29 - Эълонии умумии ҳуқуқи башар (ЭУҲБ) муқаррар мекунад: «Ҳар як инсон дар бобати татбиқи ҳуқуқи озодиҳои худ бояд танҳо ба дараҷае маҳдуд карда шавад, ки аз тарафи қонун фақат бо мақсади эътирофу эҳтироми ҳуқуқи озодиҳои дигарон ва қонунгардонидани талаботи одилонаи ахлоқӣ, тартиботи ҷамъиятӣ ва осудахолии умумӣ дар шароити ҷомеаи демократӣ муқаррар карда шудааст» [1, 12].

Тибқи талаботи қисми 3-и моддаи 14-и Конститутсияи ҚТ «Маҳдуд кардани ҳуқуқи озодиҳои инсон ва шаҳрванд танҳо ба мақсади таъмини ҳуқуқ ва озодии дигарон, тартиботи ҷамъиятӣ, ҳимояи асосҳои сохтори конститутсионӣ, амнияти давлат, муҳофизаи мамлакат, ахлоқи ҷомеа, сиҳати аҳолӣ ва таъминоти арзии ҷумҳурӣ раво дониста мешавад» [6]. Бинобар ин меъёрҳои дар боло номбаршуда ба Конститутсия муҳолифат надоранд.

Масъалаи дигар ин аст, ки шахси маскуншуда нисбати ҳуҷраи ҷудокардашуда кадом навъи ҳуқуқи субъективиро пайдо менамояд. Дар асоси Конститутсия ва Кодекси граждани соҳибмулк метавонад манзили истиқомати худро ихтиёрдорӣ (м.232, 269 КГ) [2] намояд ва шахси маскуншуда сатҳи роҳи ин шуда наметавонад. Аммо дар м. 558 - и КГ яке аз шартҳои муҳими фурӯши манзили истиқоматӣ ин дар асоси шартномаи хариду фурӯш дарҷ намудани номи шахсоне, ки ба ин манзил ҳуқуқи истифодабариро мутобиқи қонун доранд, мебошад. Шахси маскуншуда ба сифати истифодабарандаи манзили истиқоматӣ ҳуқуқи худро ба ҳуҷраи ҷудокардашуда ҳангоми ивазшудани соҳибмулки манзил низ нигоҳ медорад. Ин ҷо мо қоидаҳои ҳуқуқи ашёро ба хотир меорем, ки мутобиқи он шахси маскуншуда нисбати ҳуҷра дар манзили истиқоматӣ маҳз ҳамин гуна ҳуқуқ, яъне ҳуқуқи маҳдуди ашёро доро мебошад, зеро ин манзил дорои соҳибмулки худ буда, шахси маскуншуда аз он дар асоси қонун танҳо истифода мебарад.

Дар моддаи 320-и КГ омадааст, ки «Ҳуқуқҳои маҳдуди ашё ба соҳибӣ, истифода ва ихтиёрдорӣ кардани ашё, инчунин дар натиҷаи уҳдадорҳои шартномавӣ, ба монанди шартномаи кирои ашё, иҷора, қарз ва дигар ҳолатҳои пешбининамудаи қонун низ ба миён меоянд. Ба дигар ҳолатҳо, махсусан аъзои оилаи молик эътирофшуда дохил мешавад, ки он дар асоси қонун ҳуҷраи ба ӯ бо ҳуқуқи истифода вогузошташударо истифода мебарад.



Масъалаи дигар ин муҳлати зисти шахси маскуншуда мебошад. Ин масъала умуман дар қонунгузорӣ танзим карда нашудааст. Дар амалияи судӣ низ ин проблемаро ба вуҷуд овардааст, зеро судҳо танҳо ба қонун итоат менамоянд, аммо қонун дар ин маврид каме норасоғиҳо дорад.

Дар ҳолати мусодира, реквизиция ва ҳолатҳои дигаре, ки аз молик во-бастагӣ надорад, вазъи ҳуқуқи маскуншуда дар кадом сатҳ қарор мегирад, оид ба ин масъала комилан на дар ҳалномаи суд ва на дар қонунгузорӣ чизе равшан нест.

Дар натиҷаи таҳлилҳо ба хулосаи зарурӣ омада, ҷиҳати бартараф кардан ва дуруст танзим намудани масъалаҳои дар боло зикргардида роҳҳои зерини ҳалли ин қабил масоилҳо пешниҳод карда мешавад: Якум, дар КГ масъалаи ҳуқуқи ашъӣ бояд ба таври умумӣ ва дахлдор ба танзим дароварда шаванд. То он вақте, ки дар КГ масъалаи ҳуқуқи ашъӣ пурра дарҷ карда нашаванд, мо оид ба ҳалли масъалаи маскуннамоӣ шуруъ карда наметавонем, аз ҷумла оид ба ҳуқуқҳои маҳдуди ашъӣ. Нокисии қонун дар таҷриба барои қабул намудани қарорҳои гуногун асос гардида, дар натиҷа ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шахрванд мавриди ғимоя ва амали дуруст қарор намегиранд.

Дуввум, дар КГ дар қатори дигар ҳуқуқҳои маҳдуди ашъӣ чунин намуди он – узифрукти иҷтимоӣ (узифрукт кал. лотинӣ «*usus*»- буда, маънояш истифода бурдан ва «*fructus*» - фоида мебошад) муқаррар карда шавад. Ба сифати яке аз ҳуқуқҳои маҳдуди ашъӣ дар қонунгузори мамлакатҳои хориҷӣ бо назардошти хусусиятҳои алоҳида мустаҳкам карда шудааст) [10] бо чунин хусусиятҳо дарҷ карда шавад:

а) объекти ин ҳуқуқ бояд ҳуҷраи дахлдор дар манзили истиқоматӣ бошад;

б) ба сифати истифодабарандагони ин ҳуқуқ шахсоне мебошанд, ки аъзои оилаи соҳибмулкӣ манзили истиқоматӣ эътироф карда шаванд. Яъне шахсони маскуншаванда маҳз бояд аъзои (собиқ

аъзо) оилаи соҳибмулкӣ манзил бошанд, яъне ҳамсар, фарзанд ва ё волидайнӣ онҳо. Дигар шахсон аз ҷумла собиқ ҳамсари фарзанд ба сифати аъзои оила эътироф карда намешаванд;

в) масъалаи амалисозии узифрукти иҷтимоӣ дар асоси ҳалномаи судӣ бояд сурат гирад, ба шарте ки созиш байни соҳибмулкони манзили истиқоматӣ ва аъзои (собиқ аъзои) оилаи ӯ вобаста ба масъалаи мазкур баста нашуда бошад;

г) на ҳамаи аъзоёни (собиқ аъзоёни) оилаи соҳибмулкӣ манзили истиқоматӣ имкони истифода бурдан аз узифрукти иҷтимоиро вобаста ба манзили истиқоматӣ доро мебошанд. Танҳо он аъзо (собиқ аъзо) – и оилаи соҳибмулкӣ манзили истиқоматӣ ин ҳуқуқро дастрас карда метавонад, ки агар ӯ дар ҳақиқат ҳам собит намояд, ки дорои манзили дигари истиқоматӣ набуда, имкони дастрас намудани манзили истиқомати дигар намебошад;

д) дар ҳолати пешниҳоди манзили истиқомати иҷорагирӣ аз ҷониби ҷавобгар ба даъвогар, яъне таъмин намудани даъвогар бо манзили истиқомати дигар, ки маблағи иҷора (танҳо маблағи иҷора) – ро ҷавобгар дар асоси шартномаи иҷора пардохт менамояд, суд бояд дар асоси чунин шартномаи иҷора ҳалномаи дахлдори худро қабул намуда, аризаи даъвогиро оид ба маскун намудан дар манзили истиқомати ҷавобгар (соҳибмулкӣ манзили истиқоматӣ) бояд рад намояд. Муҳлати шартномаи иҷора ба давомнокии татбиқшавии узифрукти иҷтимоӣ (оилавӣ) бояд баробар бошад ва ғайра.

Дар ҳолати оилаи нав бунёд намудани узифруктуарӣ суд дар асоси аризаи ҷавобгар татбиқи узифруктро метавонад қатъ намояд. Дар ҳолати ғавти яке аз тарафҳо ҳуқуқи мазкур қатъ мешавад. Фарзандони ноболиғи онҳо мутобиқи қонунгузори ҷорӣ вазъи ҳуқуқиашон баррасӣ карда мешавад. Ҳангоми ихтиёрдорӣ намудани манзили истиқоматӣ аз ҷониби соҳибмулк ба узифруктуарӣ то фурухтани манзил, манзили истиқомати дигар бояд пешниҳод карда шавад. Ин ҳолат дар замо-



ни розӣ будани харидори манзил бо ҳуқуқҳои узфруктуарӣ ба он, ки аз ҷониби фурушанда ба харидор маълум карда шуда буд, аз ҷониби соҳибмулки манзили истиқоматӣ амалӣ карда намешавад [9, 62].

Бояд зикр намуд, ки ин масъала яке аз институтҳои ҳуқуқи манзил мебошад, ки дар таҷрибаи давлатҳои пешрафтаи дунё ба назар мерасад ва бояд дар доираи ҳуқуқи манзил ва КМ ҚТ низ ҳалли худро ёбад. Дар натиҷаи таҳлили адабиётҳои илмӣ ва таҷрибаи қонунгузори манзилии баъзе аз давлатҳои пешрафтаи ҷаҳон, аз ҷумла Федератсияи Россия, назария ва амалия пешниҳод карда мешавад, ки вобаста ба ин мавзӯ ба м. 36, 121 ва 122-и КМ ҚТ якҷанд банди дигар илова карда шавад.

Аз он ҷумла, дар қисми 3 моддаи 36-и КМ чунин илова карда шавад: «дар мавриди эътирофи аъзои оилаи молик меъёри манзили истиқоматӣ ба назар гирифта шавад»;

Ба қисми 3 м. 121 чунин илова карда шавад: «Дар ҳолати қатъ шудани муносибатҳои оилавӣ бо соҳибмулки манзили истиқоматӣ ҳуқуқи истифодаи манзили истиқоматӣ низ нисбати аъзои оилаи собиқ қатъ мешавад. Аъзоёни собиқи оила дар ҳолате ҳамчун аъзои оилаи молик эътироф карда мешаванд, ки ӯ аъзои собиқи оилаи молик аз он ҷумла ҳамсар, фарзандон ва волидайнӣ ҳам-

роҳашон сукунатдошта буда, воқеан ба манзили истиқоматӣ эҳтиёҷдоранд»;

Дар моддаи 121-и КМ чунин муқаррарот илова карда шавад: «муҳлати истифодаи манзили истиқоматии собиқ аъзои оила 3 сол аст. Суд метавонанд, ки соҳибмулкро уҳдадор намояд, барои таъмин бо манзил, дигар манзили истиқоматиро барои собиқ ҳамсар ё дигар аъзои оила, ҳамчун иҷрои уҳдадори алиментӣ бо талаби онҳо таъмин намояд»;

Қисми 4 м. 121 «дар баробари гузаштани муҳлати истифодаи манзили истиқоматӣ, ҳуқуқи истифодаи манзили истиқоматии аъзои оилаи собиқ қатъ мегардад. Ин ҳуқуқ ҳамчунин дар ҳолатҳои муқаррарнамудаи қонунгузорӣ бо қарори суд ва ё дигар асосҳо метавонад пеш аз ба охир расидани муҳлати истифодаи манзили истиқоматӣ қатъ гардад»;

Мутаносибан, қисми 3-и м. 121-и КМ амалкунанда ба қисми 5 табдил дода шавад.

Ибораи зерин: «Ин ашхос ҳуқуқи истифодаи хонаро дар мавриди қатъ гардидани муносибати оилавӣ бо молик низ нигоҳ дошта, вале уҳдадоранд ҳароҷоти нигоҳдошти бино (квартира), рӯи ҳавлӣ ва таъмири асосиро пардозанд» аз моддаи 122-и КМ бардошта шавад.

#### Адабиёт:

1. Диноршоев А.М. Санадҳои универсалии байналмилалӣ ва милли оид ба ҳуқуқи инсон. Душанбе, 2010.
2. Кодекси граҷаднӣ қ.1. Аҳбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 1999, № 6, мод. 153; соли 2001, № 7, мод. 508; соли 2002, № 4, қ-1, мод. 170; соли 2005, №3, мод. 125; соли 2006, №4, мод. 193.
3. Кодекси Манзили Ҷумҳурии Тоҷикистон. Аҳбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 1997, № 23-24, мод.337.
4. Кодекси Оилаи Ҷумҳурии Тоҷикистон. Аҳбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 1998, № 22, мод.303; соли 2006, №4, мод. 196.
5. Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон. Аҳбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон соли 1998, № 9, мод. 68; №22, мод. 306; соли 1999, №12, мод. 316; соли 2001, № 4, мод. 149, 167; соли 2002, №11, мод. 675, 750; соли 2003, № 8, мод. 456, 468; соли 2004, №5, мод. 346; №7, мод. 452- 453; соли 2005, №3, мод. 126; №7, мод. 399; №12, мод. 640.
6. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6.11.1994 сол.

7. Қурбонализода Н.Ш. Ҳуқуқи манзили Ҷумҳурии Тоҷикистон. Воситаи таълимӣ. Душанбе, 2016.
8. Маҳмудзода М., Худоёрзода Б. Ҳуқуқи оилавии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Китоби дарсӣ. – Душанбе: «Эр-граф», 2015.
9. Маҳмудов М.А., Менглиев Ш.М. Ҳуқуқи хусусии римӣ.-Душанбе: «Сино».-2004.
10. Социальный узупфрукт как институт удовлетворения жилищных потребностей граждан. [www.center-bereg.ru/b3760.html](http://www.center-bereg.ru/b3760.html). Дата доступа 16.02.2017 г.

## ТАСНИФИ АРЗИШҲОИ ҲУҚУҚӢ

## КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ

**Тохилова Н.А.,**

аспирант кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета.

E-mail: [n.nozanin@bk.ru](mailto:n.nozanin@bk.ru)**Научная специальность:** 12.00.01 — Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве**Научный руководитель:** Сафарзода Б.А., доктор юридических наук, профессор**Рецензент:** Диноршоев А.М., доктор юридических наук, профессор

*Аннотация.* В статье рассматривается вопрос о видах и иерархии правовых ценностей, а также анализируются взгляды сторонников различных концепций. Установлено, что любая классификация, в том числе и классификация правовых ценностей, является условной, постольку поскольку правовые ценности всегда находятся в процессе развития и изменения, а также отмечается, что выбор критерия, по которому проводится классификация правовых ценностей, зависит от типа правовопонимания.

*Ключевые слова:* ценность, правовые ценности, классификация, иерархия правовых ценностей, аксиология права, теория права, правовопонимание, правовое государство.

## CLASSIFICATION OF LEGAL VALUES

**Tohirova N.A.,**

Post graduate student of the Department of Human Rights and Comparative Law of the Law Faculty, Tajik National University.

E-mail: [n.nozanin@bk.ru](mailto:n.nozanin@bk.ru)**Scientific specialty:** 12.00.01. — Theory and history of the law and state; History of the doctrines of the law and state**Research supervisor:** Safarzoda B. A., Doctor of Legal Sciences, Professor**Reviewer:** Dinorshoev A.M., Doctor of Legal Sciences, Professor

*Annotation.* The article deals with the types and hierarchy of legal values, and also examined the views of proponents of various concepts. It is established that any classification, including classification of legal values is conventional, insofar as the legal values are always in the process of development and change, and it is noted that the choice of criterion on which the classification of legal values are made depends on the type of law.

*Key words:* value, legal value, classification, hierarchy of legal values, axiology of law, theory of law, legal understanding, legal state.

Гуногунрангии арзишҳо, ки дар ҷомеаи муосир амал мекунамд ва ба рушду инкишофи он таъсиррасон мебошанд, эҳтиёҷ ба бандубасти муайяни худро доранд. Бояд зикр намуд, ки оид ба масъалаи мазкур дар адабиёти илмӣ ақидаи ягона вучуд надорад.

Ҳамин тариқ, асоси низоми ҳукукро тартиботи муайяни аришҳо ташкил мекунамд, ки самти ҳукуктатбиқкунӣ ва танзими муносибатҳои ҷамъиятиро муқаррар менамоянд. Аз ин лиҳоз, бо мақсади дарки ғояи назарии арзишҳои ҳуқуқӣ ва мукамал гардонидани низоми онҳо бояд мавқеи арзишҳои ҳуқуқӣ дар низоми арзишҳои дигари иҷтимоӣ низ мавриди омӯзиш қарор гиранд. Ҳама гуна бандубасти арзишҳои ҳуқуқӣ хусусияти нисбиро бинобар сабаби дар раванди динамиқ қарор доштани онҳо мебошанд. Ҳамин тариқ, бандубасти арзишҳои ҳуқуқӣ дар асоси омилҳои гуногун вобаста ба моҳияташон тартиб дода мешаванд. Гуногунрангии муносибатҳо оид ба масъалаи мазкур дар назария ва ақидаҳои иҷтимоӣ, сиёсӣ ва фалсафии мутафаккирон дида мешавад.

Дар назарияи шӯравии ҳуқуқ назарияи умумифалсафии арзишҳо, ки аз ҷониби В.П.Тугарин пешниҳод шуда буд, афзалияти бештарро доро буд. Мутафаккир арзишҳои ҳаёти ва фарҳангиро ҷудо намудааст, ки дар навбати худ арзишҳои дуввум ба моддӣ, сиёсӣ-иҷтимоӣ ва маънавӣ тақсим шудаанд. Ҳамчунин арзишҳои экзистенционалӣ, мақсаднок, шахсӣ, ҷамъиятӣ ва меъёрӣ (ки он низ ба меъёрии оддӣ ва идеалӣ ҷудо шудааст) тақсимбандӣ кардааст [11. С.28-29]. Ҳамин тариқ, дар ин асос концепсияи утилитарии (утилитаризм – калимаи юнонии «utilitas» - суд, фоида) аришҳои ҳуқуқӣ коркард шуд, ки он бо назардошти манфиат ва эҳтиёҷоти инсонӣ тартиб дода шудааст [10].

Н. Неновски, ки худ низ таърифдори назарияи номбаршуда буд, чунин қайд кардааст, ки «Омили муайянкунандаи арзишӣ дар ҳуқуқ пеш аз ҳама эҳтиёҷ ва манфиатҳои ҷамъиятӣ

мебошанд, ки чун принцип, мақсад ва идеалиёт коркард ва мукамал гардонидани шудаанд». Дар баробари ин, онҳо бояд сабабҳои пайдошавии таърихӣ дошта бошанд ва ҳангоми оид ба гуногунрангии арзишҳои ҳуқуқӣ сухан кардан, мутафаккир чун арзиши марказӣ – эҳтиёҷоти инсонро эътироф кардааст. [8. С.186]. Ҳамчунин, мутафаккир чунин иброз менамояд, ки батартибдорӣ ва бандубасти арзишҳои ҳуқуқӣ аввал дар шури ҳуқуқии инсон пайдо шуда, сипас инъикоси худро дар қонун пайдо менамояд ва минбаъд дар рафтори ҳуқуқии инсон татбиқ мегардад. Дар қонун мустаҳкам шудани арзишҳои ҳуқуқӣ дар асоси принципҳои мушаххас мустаҳкам карда мешаванд: арзишҳои аввалиндараҷа дар санадҳои ҳуқуқие, ки қувваи олии ҳуқуқӣ доранд дарҷ мегарданд ва арзишҳои дуввуминдараҷа бошанд, дар санадҳои зинаи поён инъикоси худро пайдо мекунамд. Дар асоси чунин гурӯҳбандӣ мутафаккир арзишҳои мақсаднок ва арзишҳои воситагиро, ки барои ноил шудан ба ҳадафҳо хизмат мекунамд, тақсим намудааст.

Ҳуқуқ, ки низоми ҳамаи инкишофёбанда мебошад ва аз арзишҳои умумиинсонӣ иборат аст, хусусияти хоси худро доро мебошад. Бо назардошти хусусиятҳои мазкур, арзишҳои ҳуқуқиро метавон дар шакли зерин тасниф намуд:

- арзишҳое, ки мақсади асосиашон дар шакли ҳуқуқӣ мустаҳкам ва таъмин кардани ҳуқуқ ва озодиҳои инсон дида мешавад (ҳуқуқ ба ҳаёт, ҳуқуқ ба дахлнопазирии шахсӣ);

- арзишҳое, ки аз моҳияти гуманистии ҳуқуқ бармеоянд (гуманизм, озодӣ, баробарӣ);

- арзишҳое, ки аз моҳияти меъёрӣ ва ба танзимдории ҳуқуқ пайдо мешаванд (қонуният);

- арзишҳое, ки ба ҳайси ченаки озодии инсон баромад мекунамд ва низоми қоидаҳои рафторро муайян сохта, омилҳои кирдори қонунӣ ва ғайриқонуниро муайян месозанд [5. С. 62-67].

Дар асоси мустақамшавии меъёрӣ арзишхоро метавон ба арзишҳои ҳуқуқии байналхалқӣ ва арзишҳои ҳуқуқии миллӣ, дар асоси соҳаи батанзимдарории муносибатҳои ҷамъиятӣ ба арзишҳои ҳуқуқи конститутсионӣ, арзишҳои ҳуқуқи хусусӣ ва арзишҳои ҳуқуқи оммавӣ низ гурӯҳбандӣ кард.

Дар аввали солҳои 1970 аз ҷониби С.С. Алексеев концепсияи дигаре пешниҳод гардид, ки мувофиқи он асоси арзиши ҳуқуқиро инсон ва ҳуқуқ ва озодиҳои ӯ ташкил мекунад. Нововариҳои концепсияи мазкур дар он дида мешуд, ки дар асоси он мустақилият, арзиши дохилӣ ва олии ҳуқуқ эътироф гардиданд. Мутафаккир чунин ибрози ақида кардааст, ки низоми арзишҳои ҳуқуқӣ дар низомии умумии ҳуқуқ ва ҳамчунин дар соҳаҳои мухталифи он ҷой доранд. Назарияи олими мазкур сабаби пайдошавии назарияҳои гуногуни олимони соҳавии илми ҳуқуқшиносӣ дар бобати коркарди арзишҳои ҳуқуқӣ баромад кард. Барои мисол, дар асоси гуфтаҳои С.С. Алексеев олими соҳаи ҳуқуқи ҷинойтӣ А.В. Кузнецов арзишхоро дар соҳаи ҳуқуқи ҷинойтӣ ба реалӣ ва идеалӣ тақсим кардааст. Дар баробари ин, А.В. Кузнецов қайд намудааст, ки тамоми арзишҳои ҳуқуқӣ хусусияти нисбӣ доранд, зеро ҳуқуқ воситаи универсалии ҳаллу фасли мушкилот намебошад [2].

Соли 1997 дар Институти давлат ва ҳуқуқи Академияи илмҳои Россия симпозиум бахшида ба арзишҳои сиёсӣ ҳуқуқӣ гузаронида шуд, ки дар он В.В. Лазарев чунин ибрози ақида намуд, ки арзишҳо бояд ба ду гурӯҳ – абадӣ ва гузаранда тақсимбандӣ карда шаванд [3 С. 84-86.]

С.В. Михайлов қайд менамояд, ки аксиологияи ҳуқуқӣ миёни арзишҳои ҳуқуқ ва арзишҳои ҳуқуқӣ тафовут мегузорад. Ба ақидаи ӯ, арзишҳои ҳуқуқ маҷмӯи арзишҳои мебошад, ки тавассути воситаҳои амалигардонии ҳуқуқӣ дар амалия татбиқ мегарданд. Дар ин ҳолат, ҳуқуқ дар рӯҳияи қонун ба амал бароварда мешавад. Арзишҳои ҳуқуқӣ бошанд, бе

ягон ҳадду қаноат барандагони ҳуқуқ мебошанд, яъне маҷмӯи он арзишҳои, ки бевосита дар соҳаи ҳуқуқӣ барои инсон арзиши ҳудро доро ҳастанд[5].

Дар доираи назарияи коммуникативии ҳуқуқ А.В. Поляков арзишҳои ҳуқуқии эъдетикӣ (расмӣ) ва арзишҳои фарҳангиву иҷтимоиро ҷудо менамояд. Дар зери арзишҳои расмӣ мутафаккир арзишҳои пеш аз ҳама ҳуқуқро дарк мекард, яъне ҳуқуқҳои субъективӣ, зеро маҳз онҳо дар ҳама гуна ҷомеа моҳияти иҷтимоиву фарҳангӣ дошта, барои инкишофи ҷамъият нақши муҳим мебошанд ва асоси пайдошавии гурӯҳи дуввуми арзишҳои ҳуқуқӣ мебошанд [9. С.219-220].

Д.С. Леденцов дар мақолаи худ «Классификация ценностей» чунин ибрози ақида кардааст, ки бандубасти арзишҳо дар асоси хусусиятҳои дохилӣ ва берунӣ, омилҳои хос ва аломатҳои онҳо гузаронида мешавад. Аз ин лиҳоз, ӯ пеш аз ҳама арзишхоро ба арзишҳо ва зиддиарзишҳо гурӯҳбандӣ кардааст. Бинобар сабабе, ки инсон аз як тараф омилҳои табиӣ ва аз тарафи дигар, ҷун омилҳои иҷтимоӣ баромад мекунад, арзишҳои муааллиқ ба инсонро бояд ба арзишҳои биогенӣ ва сотсиогенӣ ҷудо кард ва дар ин ҳол арзишҳои биогенӣ бояд ба гурӯҳи арзишҳои аввалиндарача ва арзишҳои сотсиогенӣ ба гурӯҳи арзишҳои дуввуминдараҷа шомил карда шаванд[4].

С.В. Михайлов ҳамчунин, аз нуқтаи назари аксиологӣ арзишхоро ба 3 гурӯҳ ҷудо мекунад: «арзишҳои абстрактӣ» ва ба ин гурӯҳ шомил месозад озодӣ, адолат, баробарӣ, демократия, тартиботи ҳуқуқӣ; «арзишҳои олии (асосӣ)» ва ба зумраи ин арзишҳо шомил мекунад ҳуқуқи инсон, ҳаёт ва шаъну шарафи ӯро; «арзишҳои махсус», ки аз принсипҳои асосӣ иборат ҳастанд ва ҷун қоида дар сарчашмаҳои ҳуқуқӣ, яъне санад ва қонунҳои инъикоси ҳудро пайдо кардаанд[6. С.19].

Дар баробари ин, мутафаккири дигар, ки тарафдори аксиологияи конструктивӣ мебошад, А.Н. Бабенко аз



рӯи моҳият арзишҳои ҳуқукиро ба арзишҳои ҳуқукии абсолютӣ, ки барои ҳама моҳияти олий дорад, арзишҳои ҳуқукии сатҳи миёна, ки муайянкунандаи дараҷаи инкишоф ва шакли маданияти ҳуқукии ҷомеа ва шахс мебошад ва ҳамчунин, ба арзишҳои ҳуқукии инструменталӣ, ки барои ба танзим даровардани муносибатҳои ҷамъиятӣ хизмат мекунад, ҷудо мекунад [1. С.12].

Олими дигар, О.В. Мартишин, бар он ақида аст, ки арзишҳои ҳуқукиро ба ду гурӯҳ – универсалӣ (умумӣ) ва соҳавӣ бояд ҷудо кард. Ба ҳайси арзишҳои умумӣ давлат ва ҳуқуқ баромад мекунад ва гурӯҳи дуввуми арзишҳоро бошад, арзишҳои махсус, ки ҷанбаҳои дигари давлат ва ҳуқуқҳоро таъмин мекунад, ташкил медиҳанд. Ба гурӯҳи арзишҳои мазкур олим баробарӣ, демократизм, қонуният, эҳтимолияти бегуноҳиро шомил сохтааст [7. С. 5-14].

Ҳамин тариқ, ба ҳулосае омадан мумкин аст, ки мутафаккирон назарияҳои худ дар бобати бандубасти арзишҳоро бо назардошти асос ва заминаҳои гуногун пешкаш намудаанд. Аз ҷумлаи чунин асосҳо соҳаҳои ҳаёти ҷамъиятӣ, субъектон ё барандагони арзишҳо ва нақши арзиш дар ҳаёти ҷамъиятӣ баромад мекунад.

Ҳамин гуна, дар асоси соҳаҳои ҷамъиятӣ арзишҳоро метавон ба 3 гурӯҳ тақсим кард: 1. моддӣ; 2. сиёсӣ; 3. маънавӣ.

Дар асоси субъектон, яъне барандагони арзиш метавон арзишҳои инфиродӣ; гурӯҳӣ ва умумиинсониро ҷудо намуд.

Аз нуктаи назари нақши арзишҳо, ки дар ҳаёти ҷамъиятӣ ва инсон мебозанд, онҳоро ба арзишҳои олий; ар-

зишҳои дуввуминдараҷа ва арзишҳои умумӣ ё оддӣ ҷудо кардан мумкин аст.

Арзишҳои ҳуқуқӣ ба зумраи арзишҳои идеалӣ, яъне субъективӣ шомил буда, дигар арзишҳои иҷтимоӣро ба як тартиби муайян медароранд. Арзишҳои ҳуқуқӣ дорои хусусияти ба худ хос ҳастанд: онҳо на фақат арзишҳои ҳуқуқӣ, балки ҳамчунин тамоми дигар арзишҳои ҷойдоштаро расман дар санадҳои ҳуқуқӣ дарҷ мегардонанд. Дар ин асос ба ҳулосае омадан мумкин аст, ки арзишҳои ҳуқуқӣ арзишҳои иҷтимоӣ ва абстрактӣро ба арзишҳои воқеӣ (реалӣ) табдил дода, ба онҳо қувваи амалӣ медиҳанд ва барои амалишавии онҳо шарту шароити мусоид фароҳам оварда, ба ҳайси восита ва усули амалишавии онҳо хизмат мекунад. Маҳз дар асоси ҳуқуқ арзишҳои иҷтимоӣ вазъи ғояҳои ҳуқуқӣ, яъне принципҳоро пайдо карда, тавассути ҳуқуқ ба муносибатҳои ҳаёти ҷамъиятӣ таъсиррасон мешаванд.

Ҳамин тариқ, арзишҳои ҳуқуқӣ дар давлати демократӣ ва ҳуқуқбунёд, ҳамчунин дар ҷомеаи шаҳрвандӣ нақши басо муҳимро бозид, дар қонунгузорӣ инъикоси худро пайдо кардаанд ва дар баробари ин, инсонро уҳдадор менамоянд, то меъёр ва талаботҳои қонун аз ҷониби онҳо риоя ва иҷро карда шаванд. Арзишҳои ҳуқуқӣ гуфта он омилҳое дар назар дошта мешаванд, ки барои инсон дар соҳаи ҳуқуқӣ дорои моҳият ва маънои баланд мебошанд. Банду бастии арзишҳои ҳуқуқӣ дар асоси омилҳои гуногун амалӣ гардонида шуда, оид ба масъалаи мазкур миёни олимони фикри ягона ҷой надорад. Арзишҳои ҳуқуқӣ баёнгарии манфиатҳои инсон, ҷомеа ва давлат буда, ба ҳайси асос ва заминаи дуруст ташкил ёфтани давлати ҳуқуқбунёд ва демократӣ хизмат мекунад.

#### Адабиёт:

1. Бабенко А.Н. Правовые ценности и освоение их личностью: автореф. дис. ... д. ю. н. М., 2002.
2. Кузнецов А.В. Уголовное право и личность. М., 1977.

3. Лаптева Л.Е. Политико-правовые ценности: история и современность. // Государство и право. 1997. № 7.
4. Леденцов Д.С. Классификация ценностей. // Вестник Иркутского государственного технического университета. № 1 (29).2007.
5. Михайлов С.В. Правовые ценности и их классификация. // Актуальные проблемы современной науки. 2010. № 3.
6. Михайлов С.В. Правовые ценности: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2011.
7. Мартышин О.В. Проблема ценностей в теории государства и права. // Государство и право. 2004. № 10.
8. Неновски Н. Право и ценности. М., 1987.
9. Поляков А.В. Общая теория права. СПб., 2001.
10. Рабинович П.М. Социалистическое право как ценность. Львов, 1985.
11. Тугаринов В.П. Теория ценностей в марксизме. Л., 1968.

**Требования, предъявляемые к статьям соискателей, аспирантов и докторантов для публикации в журнале «Государствоведение и права человека»**

Минимальный объем подачи материала — четыре страницы текста, набранного в формате Word.

Параметры набора: 14-й размер кегля, Times New Roman, полуторный интервал, поля: верхнее и нижнее — по 2,5 см, левое — по 1,5 см и правое — по 3,5 см.

К статье обязательно прилагаются:

- 1) рецензия;
- 2) аннотации на русском и английском языках (до 500 знаков каждая, включая пробелы, точки и запятые);
- 3) ключевые слова (пять — семь основных слов статьи без расшифровки понятий через запятую) на русском и английском языках;
- 4) перевод на английский язык названия статьи;
- 5) перевод на английский язык фамилии, имени, отчества автора статьи;
- 6) электронный адрес автора;
- 7) указывается научная специальность (код);
- 8) перевод на английский язык фамилии, имени, отчества научного руководителя автора статьи;
- 9) перевод на английский язык фамилии, имени, отчества рецензента статьи.

Список литературы указывается в алфавитном порядке. Страницы должны быть пронумерованы. Статьи принимаются в печатном и электронном экземплярах (подписываются автором).

Статьи в обязательном порядке рецензируются членами Редакционно-экспертного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными и специалистами согласно порядку рецензирования рукописей. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации работы (автору сообщается об этом в письменном виде). Гонорар за публикацию статей не выплачивается. Аспиранты имеют право на бесплатную публикацию статей. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами:

- воспроизведение статьи (право на воспроизведение);
- распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение).

Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материала при представлении статьи. В случае нарушения перечисленных редакционных требований материал может быть возвращен автору на доработку. О внесенных изменениях автор обязан сообщить редакции (письмо в электронном виде). При несоблюдении автором предъявляемых требований редакция имеет право отказаться публиковать представленный материал с мотивированным объяснением причин отказа.